А. И. Конаржевский

Десять лет на острие бритвы.

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В книге воспоминаний бывший узник Гулага Анатолий Игнатьевич Конаржевский рассказывает не только о своей жизни и жизни товарищей по несчастью, осужденных по пресловутой 58 статье. Автор счел нужным показать и то, «что сталинский режим… все же не убил здоровые силы в нашем обществе того времени».

- А. Конаржевский
  -
  - Предисловие
  - 1922 год
  - Волховстрой
  - Ленинград
  - Магнитка
  - Григорий Константинович Орджоникидзе
  - Авраамий Павлович Завенягин
  - Прощай Магнитка
  - Новые дела, новые люди
  - Арест
  - Тюрьма — допросы — тюрьма
  - Отец
  - Как создавались враги народа
  - Перед этапом
  - Этап
  - Ломинадзе В. В.
  - Бамлаг — вторые пути
  - Опять этап
  - Колонна — «194»
  - На острие бритвы
  - Я замерщик
  - Неожиданный поворот
  - Болезнь и неизвестность
  - Возможность побега
  - Опять этап
  - Куйбышев
  - Жена
  - ТЭЦ
  - «Красная Глинка»
  - Консервация
  - Война
  - Челябинск

- Магнитка
- Ложки и Л. Д. Теуш
- Челябинск
- Я сантехник
- Краснодар
- Ростов-на-Дону
- Кишинев — Молдова

А. Конаржевский
10 лет на острие бритвы

Книга издается за счет средств автора и в редакции автора.

Покупая эту книгу, Вы вносите вклад в благотворительное дело: 60 % прибыли, по желанию автора, поступает в распоряжение Фрунзенского райсовета ветеранов ВОВ, труда и партии на материальную помощь получающим пенсию ниже прожиточного минимума.

Предисловие

Наверное, некоторым читателям покажется странным, что автор начинает повествование не с раннего детства или не с самого трагического периода своей жизни, когда он был репрессирован, а с юношеских лет. Думаю, что поступил правильно, т. к. пройденный путь именно до «Гулага-Архипелага», выработал твердые жизненные позиции — оптимизм, веру в людей, в партию и учение В. И. Ленина.

Это помогло там, за колючей проволокой перенести моральные унижения и оскорбления, и не терять достоинство человека и коммуниста. Она поддерживала уверенность в торжество справедливости и правды.

Для полноты общей картины воспоминания также не заканчиваются и освобождением из заключения, т. к. счел нужным показать, что сталинский режим тотального недоверия и подозрительности, отсутствие свободы мнений и гласности все же не убил здоровые силы в нашем обществе того времени, в нем продолжали жить и действовать люди со взглядами, не считавшимися с официальной бюрократической позицией в кадровых вопросах при определении судьбы тех, кто имел за плечами клеймо «КР» и 10 лет заключения.

Бывший репрессированный в глазах бюрократа и сталинского ортодокса являлся неполноценной «запачканной» личностью.

К сожалению, и сегодня находятся люди, с опаской взирающие на тех, кто имел подобное прошлое.

В книге показаны конкретные товарищи, пренебрегавшие гласными и негласными барьерами, рискуя иметь большие неприятности при продвижении таких работников. Они проявляли высокие человеческие качества, исходили при решении вопроса, не из ближайшего прошлого «подозрительного» кандидата на выдвижение, а из способностей, знаний, энергичности, умения организовать коллектив и степени отпечатка в его психологии и взглядах несправедливо нанесенной душевной травмы.

Таким было руководство Минмонтажспецстроя СССР, его сантехнических Главков и трестов, с которым автору пришлось столкнуться сразу же после освобождения. Такими были, руководство и партийные организации городов Златоуста, Камышина и Краснодара.

Такими были и те многие товарищи, с которыми встречался автор в период десятилетней бесправной жизни. Они рисковали всем, доверяя и сочувствуя подобным автору людям. Они своими действиями и взглядами вселяли надежду в торжество правды и

этим помогали держать себя в руках в минуты уныния и отчаяния.

Фамилии этих товарищей, оставшихся в памяти навсегда помещаю в конце этой книги. Пускай знают их потомки, какими достойными людьми были их деды, отцы, матери или братья. Они достойны восхищения и светлой памяти!

Автор

1922 год

Ровно четыре года прошло с тех пор, как я покинул Петроград, воскрес из мертвых. Родные давно похоронили меня. Четыре года никаких вестей. Где я? Что со мной? Неизвестно.

А виной этому был наш старый дом угол Лермонтовского и Троицкого проспектов, куда писал письма и не получал ответов.

А почему же он был виноват? Да потому, что все его внутренности в начале 1919 года растащили по балочке, по паркетику и сожгли в буржуйках — основном виде отопительной техники тех лет в Петрограде. Бабушка и мама были не в силах содержать две квартиры и переехали к племяннику Станиславу, работавшему в то время помощником коменданта города, и дом остался без жильцов, т. к. в остальной его части размещались до 1918 года хлебопекарная, булочная, трактир, гостиница. Хозяин дома умер еще в 1916 г. и между наследниками шло судебное разбирательство: кому должен достаться этот заложенный и перезаложенный дом. Спор прекратила Октябрьская революция. В моей памяти этот дом оставил неизгладимый след. Утром просыпался от громкого крика «Бутыл. бан, костей, тряп», а чуть позже со двора доносилось «Точить ножи, ножницы», а потом целый конвейер: булочник с корзиной на голове, призывавший покупать свежие калачи, пирожные, французские булки и тульские пряники. Все всегда было свежим, вкусно пахнувшим. Китаец с бритой головой и от самой ее макушки длиной ниже пояса натуральной косой (которую ребятишки старались дернуть за кончик), металлическим аршином и большим тюком с китайским шелком и чесунчой. Часто появлялась шарманка с маленькой худенькой в лохмотьях девочкой, певшей тоненьким голоском: «Маруся отравилась, в больницу повезли». На шарманке обычно сидел попугай, а иногда обезьянка.

Но самое большое удовольствие доставлял «Петрушка» в своем единоборстве с чертом. Ему больше всего доставалось копеек и пятаков, которые летели из форточек номеров гостиницы, завернутые в бумагу. Иногда двор посещали уличные акробаты. Двор этого дома всегда чем-нибудь привлекал ребят к себе из соседних домов.

Когда в нем появлялся трубочист в своем темно-сером трико, в такой же шапочке с широким поясом на талии, а на поясе веревкой с черным большим шаром и обязательной метелкой, мы скорее убегали домой. Эта боязнь была внушена домашними, т. к. всегда, чуть расшалимся, пугали: «Вот придет трубочист и заберет». Именно в этом дворе я с братом услышали в своей

маленькой, еще по летам жизни «Папа приехал, бегите домой».

За эти четыре года моего отсутствия дома, пришлось пережить многое: Украину гетманскую, Украину петлюровскую, Украину советскую, повидать в ней австрийцев, немцев, французов, генерала Дансельма, его зуавов, греков, белогвардейцев и Котовского, освободившего Одессу, кавалерию, гарцевавшую с веселыми лицами всадников и радостно встречавших их жителей Одессы, повидать молдавский рай Голгофы, его основателя «святого Иннокентия», к которому в троицины дни тянулись с разных концов сотни паломников, как из этого рая вывозили после его ликвидации на громадном количестве подвод всякого рода ценности, изъятые в помощь голодающим Поволжья, в чем отказывал «Иннокентий». Внедалеке от этого «рая», видимого невооруженным глазом, мне пришлось почти три года трудиться батраком на показательном хозяйстве, мечтать по наивности о своем, начало которому положит заработанная свинья и несколько пудов хлеба.

В августе 1922 года разругался с хозяином, заставлявшим пешком отнести семь килограммов проса на станцию Чубовка в 10 километрах от Шляхстной, запретивший мне взять коня, чтобы верхом отвезти налог. Предел моего терпения был исчерпан. Я взорвался. Он тут же предложил убираться вон. Я, плюнув на все, решил пробираться в Питер, а там что будет, то будет, авось кого-нибудь да найду. На следующий день поехал в Бирзулу на базар, продал заработанную пшеницу, купил новые ботинки, курточку и брюки и еще осталось на дорогу сорок миллионов рублей.

Жена брата хозяина, сочувствовала мне, снабдила большой буханкой белого хлеба тайно от хозяйки-немки, до невозможности скупой, увесистым куском сала и я, запрятав все купленное и еду в мешок, считая что в дорогу не стоит одевать свои новые покупки, босиком в штанах из мешковины и в выцветшей синей, в белый горошек рубашке, с мешком за плечами отправился пешком на станцию Бирзула. Хозяин не разрешил своему племяннику отвезти меня.

На станцию пришел часов в восемь вечера. Поезд на Киев шел завтра днем. В зале был только один молодой парень. Разговорились. Оказалось — студент, едет в Киев. Он узнал, что скоро должен подойти товарняк и мы решили добираться до Киева вместе. Попробовали уговорить кондуктора за небольшую плату пустить нас на тормозную площадку одного из товарных вагонов.

Рано утром эшелон остановился на станции. Мне удалось с одним из кондукторов договориться за один миллион рублей взять меня к себе на площадку. Вечером я был в Жмеринке. За

время пути здорово озяб, меня немного спасал верблюжий башлык, приобретенный также на базаре и не спрятанный в мешок. Решил пройти на вокзал немного согреться и попить горячего. Возвращаясь к эшелону в темноте, не мог сразу найти свой вагон, наткнулся на группу людей с фонарями, направлявшимися в сторону вокзала. Увидев меня, остановили и начали расспрашивать, почему я здесь шатаюсь, что мне здесь надо и, рассмотрев мой «дорожный костюм», очевидно приняли за бродягу и предложили следовать за ними. Как я не объяснял им, что еду домой в Петроград, что мои вещи здесь на площадке одного из вагонов, они меня только подталкивали и говорили: «Иди, иди, нечего выдумывать сказки!» и заперли в какую-то полуподвальную каталажку, окнами выходившую на перрон. В ней находился один-единственный обитатель — беспризорный мальчуган.

Все мои попытки стуком в дверь кого-нибудь вызвать, были бесполезными. В конце концов я заснул на деревянной наре. Проснулся рано утром и через полуподвальное окно увидел стоящий эшелон. Начал стучать, но безрезультатно. Примерно через полчаса эшелон тронулся, я увидел тормозную площадку с заветным мешком, тихо проследовавшую мимо моей каталажки.

Не прошло и десяти-пятнадцати минут, как засов загремел и меня повели к какому-то начальству. Начальник прежде всего спросил, какие я имею документы, достал выданное мне в сельсовете удостоверение о том, что я работал в Шлехетном и направляюсь к себе в Петроград. Прочитав его, он воскликнул: «Так какого черта ты вертелся у этого эшелона? Ведь в нем находились польские беженцы, отправляющиеся теперь в Польшу. Ты понимаешь, где ты вертелся? Вот почему тебя и забрали для выяснения личности. С твоими вещами я даже не знаю как тебе помочь. Единственный выход — садись в киевский поезд, который сейчас подойдет, может быть догонишь и найдешь свой мешок». Вернул мне оставшиеся тридцать девять миллионов, справку сельсовета и я побежал в кассу покупать билет. У кассы очередь была небольшая. Попросил билет до Петрограда, а кассир объявляет: «стоимость билета сорок миллионов». Вот так! А у меня всего тридцать девять осталось. Что делать? Я тут же продал за один миллион башлык и купил билет. Но остался без единой копейки в кармане. А пока только Жмеринка, предстоят пересадки в Киеве, в Брянске, Москве. Ох, как далеко еще до Питера!

Я был в Киеве. Поезд до Брянска пойдет неизвестно когда. Есть хочется здорово. Пошел на базар. Слюньки бегут, столько всяких вкусных вещей! Вытащил зажигалку и попробовал ее

сменять на что-нибудь съедобное. Удалось получить за нее фунт белого хлеба, кусок сала и полстакана махорки. На сутки вопрос с едой был решен, а с куревом, пожалуй, и до Петрограда. Курильщиком был я заядлым. С приходом революции в этом вопросе мать была не в силах влиять на меня. При отсутствии табака курил листья от любых цветов. Шатался целый день по Киеву. Вечером пришел на вокзал. Состав из товарных вагонов на Брянск подали в час ночи. Я залез в вагон, в котором было народу много, предполагал, что там будет и больше тепла. Рядом на полу расположилась группа, очевидно, немецких колонистов с большими мешками, которые начали развязывать как только тронулся поезд.

В вагоне был единственный фонарь со свечкой и я увидел, как из мешков начали извлекаться жареные куры, яйца, масло, сало и соленые огурцы, даже живот подвело от этих вкусных прелестей. Встал вопрос как к ним подъехать, подобраться. Разговаривали они по-немецки, а я знал его неплохо и говорил на нем довольно свободно. Один из них все время интересовался когда прибудем в Брянск, но из его спутников тоже никто не знал. Тут я решился вставить три-четыре слова. Они удивленно на меня посмотрели, еще бы, вдруг какой-то босой, почти оборванец, а знает немецкий язык. Так состоялось наше знакомство и я до Брянска наелся досыта.

В Брянске опять была пересадка и долгое, почти суточное ожидание поезда на Москву. На другой день снова пошел на базар и загнал на еду перочинный ножик. В Москву поезд пришел рано утром. Трамваи еще не ходили. Решил немного подработать на подноске багажа многобагажным пассажирам. Повезло — подработал два миллиона. После чего отправился на Петроградский вокзал. Проходя мимо какого-то пустыря, увидел человек пять стоявших вокруг пустого стула. Подошел. Оказалось, шла игра в три листика. Решил поставить на один миллион, авось выиграю.

Выиграл. Поставил на весь выигрыш. Опять выиграл. На третью ставку у меня в кармане было уже десять миллионов. Этого было достаточно для того, чтобы благополучно пройти последний этап моего путешествия. Хотел уйти, но не тут-то было. Меня начали уговаривать еще раз поставить ставку, причем с очень настойчивым нажимом. И я поставил на все, что у меня было и проиграл. Опять остался гол, как сокол. На вокзале мне повезло. Какой-то военный больной малярией, ехавший из Ташкента, попросил помочь ему поднести вещи к вагону. Это помогло мне сытым доехать до Петрограда. Поезд пришел рано утром, только начало рассветать, и я босой, в своей

экстравагантной одежде топаю по Невскому проспекту в расчете на то, что Станислав, двоюродный брат, живет еще на углу Невского и Садовой. Подойдя к дому, решил пройти в его квартиру со двора через черный ход. Наконец, заветная дверь была передо мной. Дергаю звонок с колокольчиком. За дверью послышался женский голос:

— Кто там?

— Свои, откройте. Я Толя, Стася дома?

— Какой там Толя? Я такого не знаю. Наверное, не туда попал!

— Да нет же, я к Станиславу, позовите его.

Дверь открывается, но при виде меня и моей ветхой одежды, моментально захлопывается перед моим носом.

Я опять звоню и говорю:

— Позовите Стасю.

Наконец дверь открывается и на пороге вижу Станислава в ночном халате, все таким же красавчиком. Смотрит он на меня и говорит:

— Что Вам надо от меня?

— Неужели ты не узнаешь меня? Ведь я же Анатолий!

— Как, ты Анатолий? Дай посмотрю как следует на тебя. Вот это здорово! — воскликнул он, наконец узнав меня. — Вернулся пропащий!

Станислав был интереснейшим человеком. Остапу Бендеру было далеко до него. Окончил академию художеств, открыл фотографию в этом доме. Снимались у него высокопоставленные особы, князья, бароны и т. п. Обручился с дочерью сибирского миллионера, но влюбился в дочь дворника нашего дома и женился на ней. Началась война. Он же скрывался на чердаке и в разных местах. Началась февральская революция, его выбирают от трудовиков в Петроградский Совет. В Совете стоит за прекращение войны. Когда временное правительство захотело вывести из Петрограда большевистски настроенные полки, он агитирует Волынский полк не подчиняться этому решению. Сразу после Октября занимает должность помощника коменданта Петрограда.

Способностей у него хоть отбавляй: художник, фотограф, механик, часовщик, архитектор, химик, а самое главное — изворотлив, как угорь. Его арестовывают за присвоение какой-то дворцовой мебели. Он выкручивается, за квартиру не платит долгие годы, выселить почему-то не могут, он безработный, а живет хорошо, ни в чем не нуждается. В Елисеевском магазине берет все, что ему надо, а денег не платит. Он механик на одном из заводов, он строитель в Апраксином ряду, он руководитель

бондарной артели, от безработных выбирается в Ленинградский Совет. Хорошо знаком с Зиновьевым, с Кодацким. Организует строительство квартир в больших, высоких подворотнях домов. В 1937 году забирают и освобождают через месяц. В блокаду Ленинграда подрывается на мине в поисках картошки в пригороде.

Таким был этот странный человек, который мог устроить любую пакость своему другу и в то же время снять и отдать последнюю рубашку.

Сняли все с меня, бросили в печку, одели прилично, покормила меня его новая жена — балерина, и я с ними отправился к нашим. Все были живы и здоровы, и жили на канале Грибоедова на углу мостика со львами с золотыми крыльями, напротив знаменитой, часто фигурирующей в кино, решетки губфинотдела.

Дверь открыла домработница и мы прошли прямо в столовую. Все завтракали. Никто, конечно, меня не узнал. Было полное молчание и все взгляды устремлены на меня и Стаею. В их глазах вопрос: «Что это за парень, кто это?» Выцветшие от солнца, почти белые волосы, загорелое обветренное лицо, на вид здоровяк. Так длилось, наверное, около минуты. Станислав нарочно молчал, я тоже. И тут из-за стола с криком: «Толя! Толя! Это ты?» ко мне бросилась на шею сестра Ира. Начался переполох. Целовали, обнимали и говорили: «Жив! Жив! Вот это здорово!» Мама, конечно, пустила слезу, бабушка тоже. Вот так я появился дома. Началась новая жизнь. Учеба в вечерней общеобразовательной школе для взрослых повышенного типа, днем имел случайные заработки чернорабочего, тасканье книг со складов на Думской линии, напротив гостинного двора, на подводы, их разгрузка на Невском в Доме книги. На моих глазах наглядно развивался НЭП. Миллионные заработки поденщика превратились в твердые копейки — 25–30 копеек в день. С каждым днем в гостинном открывались магазины, а в 1924 году там уже блестели сплошные зеркальные витрины, заваленные разнообразными товарами. Дефицит пропал. Рубль стал дорогим, золотым. Отошло время, когда мама приносила зарплату, полученную утром одной покупательной способности, а к вечеру уже обесцененной. И все это произошло за каких-нибудь два года, тогда промышленность, еще вчера почти полностью бездействовала, железные дороги были забиты мешочниками, поезда останавливались между станциями и пассажиры добывали для паровоза топливо. В Поволжье — голод, на юге Украины — голод, на Северном Кавказе — голод. Ни кредитов, ни помощи со стороны остального мира. И не только выжили, но встали крепко

на ноги.

А сейчас все есть. И развитая промышленность, и передовая космическая и военная техника, и возможность получения кредитов извне, и всеобщая грамотность, и большой ученый мир, а нормальной жизни нет. Куда ни кинь, везде клин, нет слаженно действующего механизма. Перестройка пока, грубо говоря, развязала языки и антисоветские антиконституционные лозунги на демонстрациях, в частности, в Молдове вроде «Долой диктатуру коммунистов!», «Армию за Днестр — Молдова не нуждается в защите!» или «Октябрьская революция принесла гибель народам». А в годовщину Октября на площади шествуют с черными траурными плакатами и румынскими флагами. Тут, действительно, «перестроились», а власти смотрят на все это и молчат. Все какие-то полумеры. Уступки еще больше настраивают на забастовки.

В сегодняшней ситуации невольно вспоминается НЭП и гениальная ленинская политика, умение держать руль управления по нужному курсу.

Окончил среднее образование в 1924 году. Мечтал быть хирургом, но путевку получил в пединститут.

По молодости считал, что педагогом можно быть и не имея спецобразования, а тут еще в 18 лет женился на сестре одного из первых пролетарских писателей Сергея Семенова, написавшего известный в то время роман «Голод», впоследствии участвовавшего в двух северных экспедициях на «Сибирякове» и «Челюскине».

Губполитпросвет, зная меня по докладу, который сделал на губернской конференции педагогов школ взрослых на тему «О методах преподавания в школе взрослых с точки зрения учащихся», имевший определенный успех, предложил поехать в Новую Ладогу преподавать обществоведение в школе I и II ступени и школе крестьянской молодежи. Так я стал преподавателем. В Ленинград приезжал сдавать зачеты. Упрофсовет вскоре послал на Губернские курсы профпропагандистов. По их окончании Уком комсомола направил на Волховстрой в распоряжение комсомола.

Волховстрой

Я приехал на Волховстрой, когда началась предсъездовская дискуссия. Троцкистско-зиновьевская оппозиция пыталась найти себе сторонников и в комсомольской организации стройки. Но надежды не сбылись. Среди шестисотенного комсомольского коллектива не нашлось для нее помощников.

Будучи секретарем культкомиссии рабочего комитета профсоюза строителей Волховстроя и председателем юнсекции рабочего клуба, мне часто приходилось проводить собрания молодежи и участвовать в них самому. Никогда не забуду наши комсомольские собрания, которые всегда проходили бурно, с большим подъемом, с песнями «Наш паровоз летит вперед, в коммуне остановка», со страстными критическими замечаниями и выступлениями ребят в адрес руководителей стройки и комитета комсомола и в адрес юношеской секции, и нашего экономработника Сережи Баранова. Выступали без записок, кто как умел. Желающих выступить всегда было много, никогда не составлялись списки заранее. Собрания часто затягивались заполночь. Доставалось за отсутствие должной настойчивости в стопроцентном использовании 10 процентов брони-подростков и молодежи, при приеме на работу рабочих, за недостаточную воспитательную работу среди молодежи, за увлечение танцульками, за недостаточную культурно-массовую работу в бараках.

Волховстрой в то время являлся большой кузницей новых рабочих кадров. На стройке среди молодых строителей преобладала крестьянская молодежь, пришедшая из еще не колхозной деревни с отсталыми мелкособственническими настроениями, впервые увидевшая такую грандиозную, по тому времени, стройку. Задача комсомольского коллектива заключалась в перевоспитании этой молодежи, в приобщении ее к активному участию в строительстве социализма.

Именно с этой целью и была создана юношеская секция рабочего клуба и для ее работы выделен специальный барак, в котором три-четыре раза в неделю устраивались разные культурно-массовые мероприятия, проводились политвикторины, литературные дискуссии, просто доклады и лекции на различные темы.

Большой интерес вызывала к себе «живая газета», которой руководил Карамальди — способный талантливый организатор, режиссер и сочинитель. «Живая газета» всегда отражала в своем репертуаре злободневные вопросы стройки, высмеивала пьяниц,

лодырей и рвачей, доставалось и некоторым бюрократам. Материал в газету давали рабочие со строительных участков, опуская свои заметки в специальный ящик редакции «Живой газеты». Большими событиями были для нас приезд из Ленинграда знаменитой «живой газеты» «Стройка» центрального клуба строителей г. Ленинграда и «Синей блузы» Ленинградского Губпрофсовета.

Из производственной жизни стройки мне хорошо запомнилась «история» с генераторами завода «Электросила», когда шведские специалисты монтировавшие свои турбины и генераторы, подвергли сомнению качество наших генераторов, изготовленных Ленинградской «Электросилой» (т. к. не все генераторы поставлялись шведами).

Сколько всякого рода кривотолков можно было слышать по этому поводу среди обывателей стройки. Руководство Волховстроя решило для опровержения протеста шведской фирмы провести испытание наших генераторов путем нагрузки на их крестовины тяжелых многотонных болванок. Я не помню их веса, но хорошо помню, как затаив дыхание, все присутствующие в т. ч. и я с напряжением следили за опусканием последней болванки на крестовину генератора, и какой вздох облегчения и радости вырвался у всех нас, когда с генератором ничего не случилось, его «лапы» остались целы. Руководил этим испытанием инженер Мавромати. «Электросила» выдержала испытание своей марки. Шведам тут же пришлось взять свои слова обратно и извиниться за доставленное беспокойство. Наши генераторы оказались по прочности не хуже шведских. Это по существу была крупная победа, т, к. машины такой мощности выпускались у нас в стране впервые.

С большим волнением тысячи строителей следили за первым ледоходом — первым экзаменом на прочность плотины. Люди приходили к плотине днем и ночью полюбоваться невиданной красотой, созданием разума и рук советских людей.

Важным событием для волховстроевцев был пропуск первого парохода через шлюзы плотины. На пуске электростанции присутствовал С. М. Киров, выступивший с яркой речью, правда строителей тогда оставалось уже немного, они начали трудиться на Днепре и Свири, продолжая осуществлять заветы В. И. Ленина.

По окончании строительства Губком профсоюза строителей направил меня в групком № 7 Володарского района. Таким образом я оказался в орбите Ленинградского обкома строителей.

Ленинград

В 1932 году мне довелось вновь побывать на Волховстрое на строительстве алюминиевого завода, где мною было прочитано ряд докладов о строительстве Магнитогорского металлургического комбината и Волховстрой показался мне совсем маленьким по сравнению с масштабами «Магнитки», но мал золотник, да дорог. Волховстрой — это первенец советского гидроэлектростроения, выдвинувший плеяду видных гидростроителей и строившийся вначале под непосредственным зорким глазом величайшего в мире гения В. И. Ленина.

В 1933 году на юбилейном Пленуме Центрального бюро инженерно-технических секций СРПКЖС, открывшегося в Москве, продолженного в Ленинграде и законченного на Свирьстрое, я встретился с Генрихом Осиповичем Графтио, руководившим в то время этим строительством и вечером на банкете вспоминали с ним Волховстрой, его тревожные и светлые дни. Наши воспоминания закончились у него дома.

Еще, в третий раз, мне пришлось побывать на Волховстрое в 1976 году на его пятидесятилетием юбилее. Это была замечательная встреча с бывшим секретарем комитета комсомола того времени Перфильевым, с пионервожатой Таней Ловцовой. Ведь прошло пятьдесят лет. Как мы все постарели, правда телом, т. к. дух комсомола 20-х годов остался прежним. Мы не потеряли нашу энергию молодости. Она сохранилась.

С 1927 по 1930 год я возглавлял культпросветработу в Володарском районе среди строителей.

В 1929 году избран кандидатом в члены Ленинградского Совета рабоче-крестьянских и красноармейских депутатов. Работая в секции рабоче-крестьянской инспекции, пришлось не раз встречаться с Бадаевым и быть у С. М. Кирова.

В январе 30-го года руководил бригадой, организованной Ленинградским обкомом Союза строителей, направленной в Гдовский район в помощь коллективизации.

Я, Михеев и Вихорев, и киномеханик с передвижкой были поставлены районными властями в очень тяжелое положение. Закрепили за нами деревни Крутая, Сырой лес, Каменный конец, Павлов и Воскресенское, в общем Воскресенский сельсовет, находившиеся недалеко от берега Чудского озера в погранполосе с Эстонией. Жители очень хорошо помнили Булах-Булаховича, который по дороге своего отступления в 1919 г. через каждый телеграфный столб вешал комбедчиков и сочувствующих Советам крестьян. В связи с этим не было успехов в сплошной

коллективизации. Когда мы приехали туда, то встретили молчаливое сопротивление, а женщины нам говорили: «Вы что хотите, чтобы Булах-Булахович нас поубивал?» Пришлось подключить еще и работников погранзаставы для усиления разъяснительной работы о невозможности повторения истории.

В районе нас не понимали, требовали проценты, а их не получалось. Какие методы мы только не применяли — собирали отдельно бедняков, женщин, членов профсоюза, а их было немало, т. к. из этих деревень большинство мужчин уходило в отхожие промыслы — печниками, каменщиками в Ленинград, Псков и в Москву, так что имели дело с людьми бывалыми.

На собрания приходили или только мужчины, или только женщины, как будто сговорились, и когда доходило дело до записи, то ссылались, если это были мужчины, на то, что без жен не могут решить вопрос и наоборот. Месяц нашего кропотливого уговаривания привел к тому, что все-таки 32 процента вступило в колхоз. Вызвали нас в район. Секретарь райкома обвинял в неумении работать: «Весь район подводите. Ваш участок портит наши показатели. Вам надо брать пример с некоторых районных работников, они добились 100 %-ного охвата. Очевидно, придется сообщить в Ленинград о вашей неудовлетворительной работе».

Ехали мы обратно в наши деревни, думали и гадали, что же делать? И все же подобрали ключик к решению этой задачи. В этом нам помогла хозяйка Зоя Наумовна, у которой я проживал. Она посоветовала сагитировать некоего Царева, крестьянина с достатком, с хорошим домом и ухоженным хозяйством, пользовавшимся большим авторитетом среди всех крестьян в этом округе. И вот мы начали с ним вести долгие разговоры и споры. Главными аргументами против колхозов у него были — объединение коров, лошадей, «всех попортят», т. к. кони будут ничьи. Один работает хорошо, от души, другой — как-нибудь, а получать поровну, те, кто не имеет коров, в колхозе будут пить молоко за мой счет, от моих коров. Пускай беднота и объединяется. Для них это, конечно, польза, но для нас, имеющих достаток — только ухудшение жизни. Много вечеров пришлось с ним провести, уговаривая, доказывая необходимость объединения крестьянских хозяйств. В один из таких вечеров, когда мы ему говорили о том, что он имеет большое влияние на своих односельчан, что от него может зависеть успех дела, он заколебался. Очевидно затронула наша оценка его личности. Заявил, что подумает. Значит лед тронулся. Через несколько дней пришел ко мне и сказал: «Собирайте собрание, я подам заявление». На этот раз на собрание пришло много людей, наверное, Царев с некоторыми из них говорил заранее. Собрание

было бурным, опять старые разговоры, а тут еще начали говорить о какой-то старушке, которая ходит по деревням и предсказывает возвращение Булах-Булаховича, о том, что в колхозах будут все спать под одним одеялом, что жены будут общие, что цельного молока никому не видать и другую чепуху, но которая отрицательно воздействовала на психику людей. Начались на собрании взаимные упреки, и вот тут-то и выступил Царев со своим заявлением о вступлении в колхоз. Это было так неожиданно для присутствующих, что наступила сразу тишина. А Царев заговорил: «Я долго колебался, все вы знаете мое неплохое хозяйство и всю мою работящую семью. Живем, ни в чем не нуждаемся, но хочется еще лучшей жизни и Власть наша Советская права — одиночкой трудно добиться новой хорошей жизни. В коллективе это сделать скорее и легче. Конечно, придется переболеть за свои живые сокровища, но ничего не поделаешь, жизнь двигается вперед. Надо пробивать новое. Я призываю последовать моему примеру» и назвал четыре или пять хозяйств. В этот вечер наш процент вырос до 70.

Через несколько дней выбрали правление колхоза, председателем стал Царев, секретарем — боевая молодая активная крестьянка, грамотная, работавшая некоторое время в Ленинграде горничной, фамилии не помню, но звали ее Дуней.

Собиралось правление часто. Намечали план, ожидали землеустроителя, спорили какой участок земли лучше выбрать под колхозные поля. Но неожиданно разразился гром средь бела дня. Прибегает поздно вечером Царев, взволнованный и говорит, что в одной избе собралось много народа и читают какое-то письмо Сталина и что, якобы, Сталин отменил колхозы. Это было письмо Сталина «Головокружение от успехов». На другой день начали приходить колхозники с заявлениями о выходе из колхоза. К нашему удивлению, Царев убедительно доказывал их ошибочное понимание письма, которое он откуда-то достал, принес нам и мы вместе с ним подчеркивали места, опровергающие разговоры об отмене колхозов. В нашем колхозе осталось 47 %, а к отъезду в Ленинград этот процент опять вырос до 62 %. Приехав в Гдов, мы узнали, как некоторые товарищи добивались 100 % коллективизации. Начинается собрание. Уполномоченный вынимает из кармана пистолет, кладет его на стол и начинает речь: «Товарищи, Советская власть, организуя колхозы, желает вас вывести к лучшей жизни, чтобы у вас был достаток, чтобы облегчить ваш труд, а вы сопротивляетесь этому желанию. Получается, что вы против Советской власти, не хотите идти ей навстречу. Что же делать с теми людьми, которые идут против власти? Отправлять на Луну, если не хотите жить хорошо

на земле? Так ведь получается. Решайте, время идет». И люди записывались, а после письма оставалось 10–15 процентов. О таком выступлении мне рассказал летом сезонник из Гдовского района, член профсоюза на одном из собраний в общежитии строительных рабочих Володарского райжилсоюза.

Но самым неприятным и тяжелым впечатлением от проводимой нами работы осталось создание посевного фонда. В связи с нежеланием какой-то части крестьян вступать в колхозы и боязни, что им все равно не миновать их, имело место массовый забой скота. В Ленинграде все склады были забиты тушами. Мясокомбинат не успевал перерабатывать их. Мясо хранилось на открытых площадках, прикрытое брезентом. В частности, склады во дворе дома, где я жил рядом с технологическим институтом, были забиты мясными тушами, с ползающими по ним червями. Вполне естественно, вставал вопрос и о сохранении зерна, недопустимости возможности его разбазаривания. Сохранить зерно в количествах, обеспечивающих посев хотя бы на уровне прошлого года. Надо было так же собрать зерно и у записавшихся в колхоз. В связи с этим было принято решение в обязательном порядке сдать зерно в специально отведенные для этой цели амбары. Предполагалось сдачу производить в своих мешках с надписью, кому это зерно принадлежит.

Вот тут-то и началось активное сопротивление этому решению. Пришлось по нескольку раз проводить собрания и доказывать необходимость этого мероприятия.

Особенно сопротивлялись женщины. Ссылались на то, что у одних зерно хорошее, у других плохое, все это перемешается и к севу они получат не то зерно, какое сдали; что может случиться пожар и тогда все останутся без хлеба, или могут просто украсть часть зерна, что нет хороших амбаров. По полученной директиве предлагалось в случаях сопротивления даже применять силу. На собраниях были и слезы, и явная злоба, которая в какой-то степени распространилась на нас. Особенно тяжело проходило это мероприятие в Крутом, где все назначенные сроки сдачи зерна не выполнялись. Мне было известно о существовании в этой деревне небольшой группы зажиточных крестьян, активно агитировавших за несдачу зерна. Эта группа вела организованную работу в этом направлении. Пришлось их вызвать и со всей резкостью поставить вопрос о недопустимости подобной агитации. Последнее собрание пришлось проводить с опросов персонально тех, кто не хотел сдавать, с назначением срока сдачи на следующий день до 12 час. дня. На другой день зерно было собрано, кроме одного хозяина, к которому был направлен милиционер. Но на последнем собрании женщины чуть было не

набросились на меня, обстановка была весьма напряженная. Хорошо, нашлись все же среди собравшихся здравомыслящие люди и разрядили создавшуюся критическую обстановку.

Летом 1930 года, ко мне домой приезжала Дуня из Крутого и рассказала о том, что колхоз живет, вовремя отсеялись, вид на урожай неплохой. Коров пока не объединили до постройки хорошего коровника. С лошадьми все в порядке. Царев пользуется авторитетом. Задумки большие. Самое главное, как она говорила, хорошо то, что люди верят в лучшее будущее.

В 1929 году я был выбран от строителей Учкома № 7 Володарского района в Ленинградский Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Активно работал в секции РКИ и внештатным инспектором Бюро жалоб облККРКИ, кроме того, был членом художественно-политического Совета облпрофа. Эти нагрузки я исполнял с большим интересом и охотой, они очень расширяли познания, одна в житейской, производственной, нравственной стороне жизни, а другая — в области культуры. В дальнейшем это мне очень помогло. Мой кругозор здорово расширился. Не один раз приходилось не только слышать, но и встречаться с Сергеем Мироновичем Кировым, иметь встречи с Бадаевым, бывшим членом Государственной думы, в то время он работал председателем Ленсоюза потребительских обществ. Иногда просил меня проверить ту или иную жалобу и часто называл меня Анашкой.

Очень большое влияние на становление моих взглядов на жизнь, на чувство ответственности за порученную работу, на стремление искать что-то новое, интересное оказал старый большевик, член партии с 1917 года Илья Андреевич Серов — маляр по профессии, председатель Учкома № 7 профсоюза строителей Володарского района, с которым я работал сразу же по приезде с Волховстроя, будучи избран секретарем этого учкома. С Ильей Андреевичем я поддерживал связь долгие годы. Он был одним из рекомендовавших меня в партию.

В наших строительных кругах и, в частности, в рабочем комитете отдела благоустройства Володарского района, где работал председателем культмассовой комиссии, товарищи проявляли очень большой интерес к начавшемуся строительству Магнитогорского металлургического комбината, самого крупного в Европе. Вокруг которого в верхних партийных кругах шли большие дискуссии: категорические возражения со стороны Троцкого, призывавшего «не глотать больших кусков, чтобы не замедлять процесс пищеварения» (ЦПА ИМЛ ф. 17), Рыкова, считавшего строительство Магнитки «вредной выдумкой» (ЦГАОР ф. 7952). Каганович считал нецелесообразным это строительство

и доказывал необходимость использовать эти средства на развитие металлургии Украины. XVI съезд партии положил конец этим дискуссиям, взяв решительный курс на развитие Урало-Кузбасса. Таким образом, ленинская идея создания Урало-Кузбасса, в котором одно из ведущих мест занимала Магнитка, восторжествовала окончательно.

Магнитку начала строить вся страна. Комсомол Москвы и Ленинграда направил туда испытанные молодежные бригады, отдельных специалистов и высококвалифицированных рабочих.

Конечно, это не могло остаться без внимания в нашей строительной организации и было решено кому-то использовать свой отпуск для ознакомления с Магниткой, посмотреть, что она из себя представляет и рассказать обо всем виденном в своем коллективе.

В связи с тем, что приближался мой отпуск, было решено осуществить эту затею мне. Жена не возразила против поездки.

Решено. Сделано. Ехать пришлось через Свердловск. В Свердловск поезд пришел рано утром. К 9 часам пошел в представительство Магнитостроя, узнав о его существовании по объявлению на вокзале. Оказалось, поезд на Магнитку отправляется поздно вечером и в составе поезда имеется специальный вагон, принадлежащий строительству. Мне выдали билет в этот вагон и у меня оставалось много времени, которое я решил использовать для осмотра достопримечательностей города. Мне подсказали, что надо побывать в доме Ипатова, где жила и была расстреляна семья Николая Второго. Читая там дневники бывшего императора Всероссийского, царя льского, князя Финляндского, Курляндского и пр. пр., поразился скудоумием этого человека, его куцым мыслям, которые кружились вокруг чисто обывательских дел, вроде таких, как: что сегодня было на обед, колол дрова, разговаривал с охраной; хорошая погода, ходил гулять и т. п. От императорского дневника можно было ожидать гораздо большего. Когда спустился по деревянной, довольно широкой лестнице в полуподвальную большую комнату, стены которой были обшиты деревянными крашенными досками, с деревянным полом, то обратил внимание на довольно большой лист бумаги, закрепленный на дверях, ведущих в эту комнату. Это оказался приговор и акт расстрела семьи Романовых, с подробным описанием хода самого расстрела. В нем строго протокольно описывалось кто, как себя вел, как бывшая царица была в обмороке, Николай просил сохранить жизнь сына, вел себя выдержанно. В акте указывалось, что повар, врач и Фредерике, когда им было предложено покинуть помещение, они отказались это сделать, заявив, что разделят

судьбу Романовых. О том, что какую-то из дочерей расстреляли в лежачем положении, свидетельствовали отверстия в полу и в стене, которые остались от вырезанных белогвардейцами пуль и, как реликвию, отправленных в Париж. Другого в то время ничего нельзя было сделать, т. к. выхода из города не было. В значительной своей части крестьянство еще помнило батюшку-царя и он мог стать символом для расширения контрреволюционного движения. Трупы были вывезены в лес и там сожжены. Будучи в Свердловске второй раз в 1932 г., этого акта уже не было.

После станции Карталы наш поезд двигался до невозможности медленно. Я на ходу выпрыгивал из вагона, успевал собирать букет осенних цветов и возвратиться обратно. Такой тихий ход объяснялся еще неустоявшимся, недавно проложенным железнодорожным полотном.

Кругом степь, поросшая ковылем, который вызвал большой падеж лошадей, приобретенных с западных районов страны, т. к. его остяки проникали через полость рта в мозг и поражали его. На местных лошадей он не действовал.

После центральных железнодорожных магистралей эта линия казалась неуютной, захолустной. Едешь, едешь, а селений по пути ни одного, ни одного перелеска, холмы да степь. Сентябрь месяц, а жара, воздух марево — все дрожит. Ведь Магнитка тоже, наверно, затерялась где-то среди этих неуютных просторов. Все это вызывало тоскливое настроение — необъятные пространства, ветер да ковыль. Часа в два дня поезд остановился, кругом степь, а невдалеке видна группа гор. Говорят приехали. Как? А где же станция? А вот и она — товарный 20-тонный вагон и на нем на куске фанеры написано от руки «ст. Магнитогорск».

Из вагонов выходят люди с котомками, деревянными маленькими сундучками, с корзинами — это все будущие энтузиасты, первопроходцы, откликнувшиеся на призыв партии и комсомола и просто по зову собственного сердца, а некоторые, наверное, и в поисках острых ощущений и просто за длинным рублем, а часть завербовавшиеся по договору, это видно по топорам, пилам при них, по бородам и усам, что артельщики, но больше молодежи. Вся толпа с поезда двинулась пешком к городу. Но города не было, через четыре километра подошли к одиноко стоящему трехэтажному кирпичному зданию заводоуправления, а напротив него, еще в лесах, второе кирпичное, кажется, четырехэтажное здание — будущая гостиница, а вдали виднелись два или три деревянных двухэтажных дома, а так палатки и слева, вдали, одноэтажные деревянные щитовые бараки. Вот и весь город. Постройкой

профсоюза находился на первом этаже заводоуправления. Я подошел к управделами, предъявил ему короткое отношение от нашего рабочего комитета с просьбой познакомить меня с Магниткой. «Так Вы из Ленинграда — вот приятно будет повидаться нашему председателю с земляком» и он меня провел в небольшую комнату председателя. Каково было мое удивление, когда за столом я увидел ни кого иного, а нашего заведующего культотделом обкома союза тов. Нужина, с которым я имел постоянные встречи по делам культкомиссии и культбазы строителей Володарского района. Это он весной снаряжал бригаду от обкома союза для проведения коллективизации сельского хозяйства в Гдовском районе. Он же назначал меня бригадиром этой бригады, он же придал бригаде кинопередвижку с киномехаником, которая нам здорово помогла проводить работу. Он даже встал со своего кресла, увидев меня: «Вот это да! Вот молодец Конаржевский, что приехал на Магнитку! Вот это помощь со стороны Ленинграда». Я, конечно, старался его разубедить. «Я приехал просто увидеть своими глазами, что за Магнитка, а не для работы». «Ну нет, дорогой. Я сейчас же даю телеграмму, чтобы ты тут остался в порядке мобилизации».

На другой день пришла телеграмма, подтверждающая мою мобилизацию. Да я и не сопротивлялся особенно, т. к. сразу почувствовал небывало высокий настрой, который царил на строительстве и решил, что должен быть в этом времени. Но формально мне нужен был документ для сохранения квартиры в Ленинграде. Поместили меня в большом бараке без перегородок, где жили инженерно-технические работники, жили даже с семьями, отгородив свои кровати скатертями и простынями. Началась новая жизнь.

Магнитка

Через несколько дней было общее собрание в управлении «Востоксантехстрой», где меня рекомендовали председателем рабочего комитета. Вскоре «Сантехстрой» построил себе для ИТР 2-х этажный щитовой дом и мне выделили комнату, учитывая, что я привезу семью. Так я оказался в Магнитке не как экскурсант, а как один из участников строительства и пришлось мне рассказывать о Магнитке моим друзьям в Ленинграде аж в декабре месяце, когда приехал за семьей и сняться с учета.

Рабочие «Сантехстроя» помещались в большом бараке без нар, с кроватями, с печным отоплением, но с уборной на улице. Хорошие, активные ребята, все молоды. Все с разных мест и из Москвы, и из Свердловска, и Челябинска, большинство с командировками на три месяца. Вот тут-то и встала передо мной первоочередная задача — закрепление этих командированных на год, на два, три, обзавелся материалами о будущем Магнитки, показать всю грандиозность того, что совершается здесь, в необжитой степи у подножья гор Березовой, Ежовой, Атач, Дальней — под общим названием «гора Магнитная», где когда-то по легенде, проходившие мимо нее полчища Тамерлана не могли уничтожить башкир, засевших на горе, т. к. стрелы монгол отклонялись и не достигали горы. Много, много приходилось доказывать, уговаривать ребят, чувствовать себя не временными, а постоянными долгожителями Магнитки. Вообще такую агитацию и пропаганду вел не только я, но и секретарь парторганизации, сначала Мякутин, а затем Иван Кузьмич Павлов, недавний выпускник ком. университета им. Зиновьева в Ленинграде. Иван Кузьмич в 1931 году, летом, представлял меня в горкоме партии, когда утверждали меня кандидатом в члены ВКП(б). Что-то удавалось, а что и нет. Зато социалистическое соревнование, его методы, которые мы применили, наделали много шуму на Магнитке, а именно было принято мое предложение, чтобы соревнование было конкретным, определенным и выражалось бы в практических действиях, а для этого трассу водопровода от первоисточника до строящегося нового соц. города объявили ударной — она протяженностью около километра. Разбили ее на участки, с учетом ударного труда двух бригад, с таким расчетом, чтобы две бригады пошли друг другу навстречу, а в центре этих участков воздвигнут был красный флаг — кто скорее к нему подойдет в этот день, тот и будет победителем. Утром работа начиналась на трассе коротким митингом. Бригада Румянцева с одной стороны, с другой —

Кондрашова (впоследствии после моего ухода из «Сантехстроя», ставшего председателем рабочкома).

Бригадиры довольно часто посылали на разведку своих ребят посмотреть как идет работа у соперника. Чувствовался большой накал. Рабочий день был 10-часовой. К концу рабочего дня появлялся небольшой духовой оркестр, чтобы приветствовать тушем победителей.

После короткого митинга, поздравления вышедшей вперед бригаде и выдачи ей по пачке махорки, самым лучшим звеньям — по отрезу из чертовой кожи на брюки или курточку, или награждение теплыми штанами, или телогрейкой. Это было уже роскошью, а затем в бараке разбор хода соревнования и обсуждение задач на завтра. Задор был искренний, никакой натянутости, все делалось от души. В результате срок прокладки водопровода был сокращен почти в два раза. Это происходило одновременно с героической борьбой строителей плотины. За ее досрочное окончание до зимы. О наших делах говорилось так же очень много. Наше начинание отмечалось и на общестроительном совещании всех треугольников, которое проводилось один раз в месяц. Летом 1931 года меня избрали ответственным секретарем бюро инженерно-технической секции строительства, председателем секции был избран Фридман, ответственный секретарь Центрального бюро ИТС союза промжилстроительства. Это была самая крупная ИТС строителей в стране.

Работая еще в «Сантехстрое», я был избран членом городского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Фридман недолго пробыл председателем ИТС, добился возвращения в Москву в конце 1932 г. Председателем стал (неосвобожденный) начальник строительства вспомогательных цехов Владимир Баум, из Ленинграда, который в начале 1933 года тоже уехал домой. Председателем стал я, но тоже неосвобожденным, т. к. в октябре 1932 г. горком партии рекомендовал руководству комбината использовать меня в качестве начальника иностранного отдела комбината и строительства. Это было весьма неожиданно и необычно. Сменяемость начальников этого отдела была большая.

Приехавшая комиссия во главе с Гинзбургом, начальником Главпромстроя, наделала много шума, было подчеркнуто в ее выводах, о плохих бытовых условиях на строительстве, громадной текучести кадров не только среди рабочих, но и среди ИТР, захламленности поселков. Первая доменная печь, согласно постановления правительства, должна была быть запущена в эксплуатацию в октябре — срок был сорван. Но зато 1 февраля 1932 г. наступил действительно большой праздник не только для

Магнитки, но и для всей страны. Вошла в строй действующих первая, подобной величины, доменная печь и дан первый чугун. Я находился уже несколько дней в отпуску, но ради этого события задержался. Пережил со всеми магнитогорцами часы муки и ликования. О них говорилось много в печати, поэтому повторяться не буду. Чингиз Ильдрым, узнав что я еду в Ленинград, попросил меня передать письмо Сергею Мироновичу Кирову.

Приехав в отпуск в Ленинград, я на следующее утро отправился в Смольный к С. М. Кирову. Когда в приемной узнали, что я из Магнитки, то посыпались расспросы, как там прошел пуск домны, показали копию текста поздравительной телеграммы, которую С. М. Киров послал несколько дней тому назад на имя Гугеля, Карклина и Сторожилова.

Он только что вернулся с XII партийной конференции. Текст телеграммы был следующий:

> «ВАШЕЙ БОРЬБОЙ, ЖЕЛЕЗНОЙ НАСТОЙЧИВОСТЬЮ ВЫ ДОКАЗАЛИ НА ДЕЛЕ, ЧТО НЕТ ТАКИХ КРЕПОСТЕЙ, КОТОРЫХ НЕ МОГЛИ БЫ ВЗЯТЬ БОЛЬШЕВИКИ. ЗАДУТА 1-Я ДОМНА, РАВНОЙ КОТОРОЙ НЕТ В МИРЕ. СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ПОЛУЧИЛА ПЕРВЫЙ МАГНИТОГОРСКИЙ ЧУГУН. ВЫ СОЗДАЕТЕ ИНДУСТРИАЛЬНЫЙ ГИГАНТ, КОТОРЫЙ ВЫЗЫВАЕТ ЗАКОННУЮ ГОРДОСТЬ РАБОЧИХ ВСЕХ СТРАН И БОЛЬШУЮ НЕНАВИСТЬ НАШИХ ВРАГОВ. ВООРУЖЕННЫЙ ТАКИМ ГИГАНТОМ, КАК МАГНИТОГОРСК, РАБОЧИЙ КЛАСС СССР ЗАВЕРШИТ ТЕХНИЧЕСКУЮ РЕКОНСТРУКЦИЮ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА, ПОСТРОИТ НОВОЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО».
>
> *(Телеграмма).*

Таких телеграмм поступило множество и хочется привести еще, чтобы подчеркнуть значимость трудового подвига магнитогорских строителей, его интернациональное значение.

ЦК Итальянской компартии в своем приветствии писала: «В окутавшем нас мраке нам ярко светят Ваши победы. Ваши достижения вселяют не только надежду, но и уверенность в победе пролетариата стран угнетенных капитализмом».

ЦК Германской компартии и ее орган «Ротефане» шлют большевистский привет трудящимся Магнитогорска — сердцу стального Урала и горячо поздравляют Уральский пролетариат с пуском первой Магнитогорской домны…

Генеральный секретарь ЦК Компартии

Тельман, 8 февраля 1932 г.

«Собрание ста старейших рабочих Надеждинского завода, имеющих общих возраст 5237 лет, общий производственный стаж 3117 лет, поздравляет героев-ударников Магнитогорска с новой мировой победой социализма».

«От имени Французской Компартии, от имени французских рабочих, солдат и крестьян, от имени центрального органа — газеты „Юманите“ я приветствую героических бойцов на экономическом фронте — ударников Магнитостроя».

Ваян Кутюрье, 20.02.32 г.

«Боевой привет ударникам социалистического гиганта Магнитостроя, показавшим героические, никем не превзойденные образцы овладения новейшей техникой. Ваши усилия удваивают наши силы и энергию по овладению техникой, воодушевляет на достижение побед во всех областях боевой подготовки».

Реввоенсовет ДВА Блюхер.

Было с чем поздравлять магнитогорцев и эти поздравления еще больше воодушевляли их на новые достижения.

Если шахта 1-й домны выкладывалась 2,5 месяца, то 2-й комсомольской — всего 25 дней.

Первые две печи монтировали до 1000 человек, а четвертую — только 200 и смонтированы без помощи иностранных специалистов.

И сегодня наша страна может гордиться Магниткой.

Напомню: Вся царская Россия 1913 года, самого расцветного в экономике, давала 4,5 млн. тонн чугуна, порядка 5 с небольшим стали, а сейчас одна Магнитка дает 12 млн. тонн чугуна, 14 млн. тонн стали, 11 млн. тонн проката!

Читатель! Проникнись этими цифрами! Пойми, что это значит!

Магнитогорский металл самый дешевый. Одна сталь для ее **перевозок требует 233 335 60-ти тон. вагонов.**

Урало-Кузбасс себя полностью оправдал. Кагановичи, Троцкие и т. п. им руководители с иронией и смехом принимавшие решение партии о строительстве Магнитки, были посрамлены самой жизнью. Сибирь не превратилась в сельскохозяйственный придаток к мировому капиталистическому

рынку, как этого требовали Троцкий и его сторонники. Урало-Кузбасс сделал свое спасительное дело в Великой Отечественной войне, а курс ускорения индустриализации, взятый партией в те годы, дал возможность разгромить фашистскую армию и победить.

С. М. Киров оказался на месте. Когда ему доложили о госте с Магнитки, он меня принял немедленно. Усадил в кресло и попросил подробно рассказать, как все происходило в эти пусковые дни, как чувствует себя Ильдрым. Неожиданно он меня перебил: «Позвольте, я Вас где-то видел, но вспомнить не могу». Я ему рассказал, как около трех лет тому назад мне, комсомольцу, кандидату в члены Ленинградского Совета, члену секции РКП, по поручению бюро жалоб РКИ, пришлось расследовать жалобу одной работницы Выборгской райстрахкассы, где открылись серьезные нарушения и даже преступные дела и зав. бюро жалоб взял меня с собой к Вам, чтобы я проинформировал об этом деле, и тогда Вы заметили, что я цепко действую, хотя и молодой, и решили не отстранять меня от дальнейшего расследования, а дать мне в помощь двух-трех опытных работников. Дело кончилось судебным процессом. «Вспомнил, — сказал Киров. — Да, действительно Вы выглядели моложе. Хотя Вам и сейчас тоже, наверное, немного лет?». Я ему напомнил, что слушал еще в 1926 году его первые выступления, когда он стал секретарем обкома, затем не только слушал, но и задавал вопросы на совещании, которое он проводил в Смольном с председателями участковых избирательных комиссий в Ленинградский Совет. Слушал его выступление на Волховстрое при его пуске.

Наш разговор длился больше часа. Прощаясь, Сергей Миронович просил передать сердечный привет Чингизу Ильдрыму. Это была последняя моя встреча с ним. Когда он узнал, что я собираюсь выступить с несколькими лекциями о Магнитогорске в Ленинграде и, в частности, на Волховстрое на строительстве алюминиевого комбината и узнав, что у меня имеются фотографии, то посоветовал сделать диапозитивы, что тогда доклады будут интереснее и тут же позвонил в методическое лекторское бюро политпросвета об изготовлении в усиленном темпе диапозитивов для меня, что было выполнено в несколько дней. Мою лекцию одобрили на методическом совете и я выступил с ней на заводах имени Марти, «Большевике», конногвардейских казармах и на Волховстрое. Оплату установили очень высокую.

1932 год прошел в напряженной работе по реконструкции двухэтажного щитового дома и превращении его в Магнитогорский дом инженерно-технических работников (ДИТР),

пристройкой к нему зрительного зала на 600 человек и небольшого сценического помоста.

Кроме того, благодаря решению ВЦСПС по моей информации на президиуме о бытовом положении ИТР на Магнитке и моей статьи по этому вопросу в «Труде», надо было реализовать намеченные мероприятия по созданию более или менее сносных бытовых условий для инженерно-технических работников строительства и завода. Бюро инженерно-технической секции добилось многого в этом отношении, ее авторитет значительно вырос в глазах технической интеллигенции Магнитки, особенно с открытием ДИТРа. В конце 1932 г. мне предложили возглавить иностранный отдел комбината. Предложение мною было принято, утверждение пришло через горком партии. Началась напряженная, но интересная работа с иностранными специалистами, но от работы председателя ИТС меня не освободили, им продолжал быть до 1936 года.

С 1931 года начальником строительства стал Яков Семенович Гугель, сменивший Шмидта, несмотря на то, что ему было всего 28 лет от роду, он с первых дней проявил себя энергичным, грамотным, настойчивым руководителем. Годы его работы на Магнитке, пожалуй, явились самыми насыщенными по энтузиазму, по развитию соцсоревнования, и тяжелыми, с точки зрения, освоения небывалых объемов и совершенно новой техники.

Мои отношения с момента перевода в иностранный отдел с Я. С. Гугелем сложились не ахти как хорошо, т. к. существовал конфликт между ним и инженерно-технической секцией, настойчиво добивавшейся улучшения бытовых условий ИТР, выполнения его же приказов и первое мое столкновение с Яковом Семеновичем уже в должности начальника ИНО произошло на следующей почве:

Мне надо было выехать как избранному Уральской конференцией ИТС делегату на пятый Всесоюзный съезд инженерно-технических секций, а Гугель не захотел меня отпустить, причем, это нежелание появилось у него за час до отхода поезда. Весь состав Магнитогорской делегации был уже готов к отъезду и ждали меня. Яков Семенович заявил мне, что я нужен здесь, на самом деле никаких неотложных дел в иностранном отделе в эти дни не было. Он думал, что я, будучи в Москве, подниму вопрос о бытовых делах и неудовлетворительном выполнении его приказов, тем более, что в недалеком прошлом начальнику АХУ Гаврилову Бюро ИТС вынесло выговор с предупреждением об исключении его из ИТС за невыполнение ряда мероприятий зависимых от него, что

вызвало несколько негативную реакцию со стороны Я. С. Гугеля.

Я немедленно отправился к Спирову, в то время первому секретарю горкома партии. Он был у себя. Выслушав меня, он позвонил по телефону Гугелю, сказал ему, что задерживать делегата съезда нельзя и Конаржевского надо отпустить. Гугель доказывал свое. Они ни к чему не пришли. «Не знаю, как тут и быть, т. Конаржевский. Ладно, давайте отправляйтесь, до отхода поезда остается каких-нибудь 10 минут. Вы уже опаздываете. Грех я беру на себя. Садитесь в мою машину и быстрее на вокзал». Когда я приехал на вокзал, поезда уже не было. Решили его догонять. Его обогнали за Субутаколе и лишь на Гумбейне я занял свое место в вагоне. Делегаты считали, что я уже не поеду на съезд. При первой встрече с Гугелем, когда я вернулся из Москвы, Гугель, поздоровавшись со мной, с усмешкой сказал: «Ну как, Анатолий Игнатьевич, натрепался в Москве на нас? Ильдрым был на моей стороне, он не возражал против поездки, ведь он курировал отдел».

В Москве меня действительно внимательно выслушали в ВМБИТе (Всесоюзном межсекционном бюро инженеров и техников) и обещали вынести вопрос о бытовом положении ИТР Магнитостроя на Президиум ВЦСПС. Товарищи Прокофьев и Лебедев сдержали свое обещание.

Осенью вопрос слушался на Президиуме ВЦСПС. Проводил его Н. Шверник, присутствовали тт. Гуревич, начальник Гумп'а Вышинский, Зелинский (Центросоюз), Питерский (других не помню). Мне было дано для сообщения семь минут. Сыграла также определенную роль в ускорении слушания этого вопроса моя большая статья в одном из сентябрьских номеров газеты «Труд» о положении ИТР на Магнитке. С. Я. Гугелю был вынесен выговор за пренебрежение к бытовым нуждам ИТР и предложено провести ряд практических мероприятий. Вот тогда-то были организованы для ИТР магазины, парикмахерская, столовые и даже баня. Отведен под дом ИТР двухэтажный щитовой дом недалеко от заводоуправления. Гостиница превращена в общежитие ИТР. Все это сказалось на значительном повышении авторитета инженерно-технической секции. Гугель Я. С., несмотря на полученные взыскания, никогда не менял благоприятное расположение ко мне. В 1933 г. он был переведен на Азовсталь. Период его работы на Магнитке, пожалуй, являлся самым насыщенным по энтузиазму, по развитию соцсоревнования на площадке.

В те годы особую роль на стройке сыграл комсомол с его трудовым порывом, заражавших даже индифферентных ко всему людей, втягивавший их в свою орбиту. Именно в этот период, в

период руководства строительством Гугелем Я. С., выявились такие молодые таланты, как Беккер, Тамаркин, Джапаридзе, Познанский, Райзер, Заслав, Анкудинов. В 1937 году Я. С. Гугель погиб в тюрьме.

После Я. С. Гугеля директором стал Мышков. Не ладились дела на домне, ее все время лихорадило, дело даже дошло до аварийного состояния. Весь актив был мобилизован и расставлен по многочисленным объектам с целью предупреждения возможных осложнений, успокоения нервозной обстановки и опровержения всякого рода нелепых слухов, которые кое-кто стал распускать, вроде того, что домна № 1 закозлилась и надо будет ее взрывать и тому подобное. Меня горком закрепил за цехом разливочных машин и я должен был следить за тем, чтобы рабочие смены не допускали скопления льда в мульдах, т. к. лед при разливке чугуна вызывал сильные взрывы, от которых сотрясались конструкции цеха, что могло привести к аварии. Чугун поступал редко и небольшими порциями. Мульды охлаждались и, если в них успевал образовываться лед, происходила серия взрывов. Бывали моменты, когда мне становилось даже страшно. В доменном цехе почти сутками находился технический директор Адам Александрович Свицин, инженер старой, закалки, окончивший два ВУЗа, к которому за консультациями по разнообразным вопросам обращались многие иностранные фирмы, в т. ч. из США и Германии. Считался крупнейшим специалистом в области металлургии и, очевидно, не зря его т. Орджоникидзе назвал королем металлургов, упрекая в допущении такого состояния в доменном цехе. Из Уральского обкома приехала в связи с создавшимся положением целая бригада во главе со вторым секретарем обкома. Я был свидетелем довольно жестокого отношения Свицина ко всем штабам, которые были тогда организованы в связи с аварийным положением.

Придя в контору доменного цеха, в ней кроме Свицина никого не было, я хотел выяснить, сколько времени придется еще находиться на разливочных машинах. Со Свициным Адамом Александровичем у меня были всегда самые непринужденные отношения, и с иностранным отделом он имел постоянную связь. В это время в контору зашел второй секретарь обкома (не помню фамилию).

Свицин сразу задал ему, с моей точки зрения, весьма нетактичный вопрос: «Что вам надо? Посторонним здесь делать нечего». Секретарь, ни слова не сказав, повернулся и вышел. Свицин обратился ко мне:

— Вы понимаете, они только мешают своими заседаниями, отнимают время, а ведь дело не в заседаниях и совещаниях, а в

работе.

Такая резкость с его стороны допускалась, очевидно, потому, что С. Орджоникидзе предоставил ему неограниченные права для быстрейшей ликвидации создавшегося аварийного положения.

Григорий Константинович Орджоникидзе

Ожидался приезд т. С. Орджоникидзе на Магнитку. Общеизвестно, какое значение в те годы т. Серго придавал использованию иностранного опыта. Являясь инициатором этого дела, он следил систематически за тем, чтобы опыт не только отдельных крупных иностранных специалистов, работавших за валюту по индивидуальным договорам, но и опыт высококвалифицированных иностранных рабочих с частичной валютной оплатой и даже без валюты, был как можно лучше использован нашими советскими людьми. Это была одна из главнейших сторон деятельности иностранных бюро или отделов строек, не считая обслуживания работавших иностранных фирм.

На строительстве Магнитки работало до 800 иностранных специалистов, иностранный отдел комбината являлся одним из самых крупных таких отделов среди других строек нашей страны.

Мне было известно от работников иностранного сектора Наркомтяжпрома и от его руководителя т. Сушкова, что им приходилось систематически информировать т. Серго о состоянии работы отделов и, в частности, Магнитогорского. Вполне естественно, что я был готов к возможным вопросам со стороны Наркома по работе отдела, но, независимо от этого, все же при мысли о предстоящей встрече волновался, хотя и знал исключительно притягательную силу человека, возглавлявшего самое сложное и самое большое хозяйство Советского Союза — тяжелую промышленность. Знал его справедливые, объективные оценки работников и его требовательность к ним, когда она подтверждалась реальной возможностью.

Тов. Серго никогда не требовал невозможного, наоборот, поправлял товарищей не совсем обдуманно бравших на себя нереальные сроки для выполнения какого-либо задания, исходя из желания сделать приятное Наркому. В этих случаях т. Орджоникидзе говорил:

— Подумайте еще раз, не торопитесь. Мне кажется, что вы назвали их нереально, не стесняйтесь, ведь вам выполнять и не забудьте, что надо быть человеком слова, его не надо бросать на ветер.

Свидетелем одного из таких разговоров мне пришлось быть самому, когда начальник коммунального управления (фамилию сейчас не помню), брал очень жесткие, почти невыполняемые сроки очистки территории 5-го жилищного участка от мусора.

На второй день приезда Наркома небольшая группа 15–20 работников комбината и строительства, вызванная новым директором т. Мышковым в заводоуправление, среди которых были тт. Познанский, Беккер, Райзер, Поверенный, Тамаркин, Беляев, Меркулов, Свицин и др., фамилии которых сейчас не помню, оживленно беседовали между собой в тупике коридора, метра три после дверей, в приемную директора, в ожидании приезда т. Орджоникидзе на это совещание.

С. Орджоникидзе появился несколько неожиданно, и вместо того, чтобы войти в кабинет, направился прямо к нам и начал здороваться с каждым из нас в отдельности, подавая руку. Меня поразило до глубины души, когда т. Серго, подойдя ко мне, протягивая руку спросил:

— Ну а вы, т. Конаржевский, как себя чувствуете в должности начальника ИНО?

Я был буквально ошеломлен. Как мог он запомнить фамилию, которая трудно запоминается и произносится, и вообще помнить меня, когда мне всего один единственный раз пришлось с ним встретиться год тому назад и то порядка нескольких минут, на партийно-хозяйственном активе, где мне довелось выступать как одному из руководителей инженерно-технической общественности Магнитогорска.

Оказывается, Орджоникидзе обладал колоссальной памятью и великолепно сохранял в ней лица и фамилии даже тех людей, не являвшихся ведущими «фигурами».

— Я знаю, вы работаете сейчас в иностранном отделе, мы с вами еще встретимся и поговорим. Вы расскажете мне, как у вас идут дела — это меня интересует.

Эти слова Наркомом были сказаны удивительно приветливо, покоряюще. От чего сразу прошло первоначальное смущение и в душе возникло чувство большой симпатии, безграничного уважения к этому человеку, за ту простоту и человечность, проявляемую к людям независимо от их положения и ранга. Он пригласил всех зайти в кабинет. Это совещание было несколько необычно, оно скорее всего напоминало самую простую, без всяких формальностей беседу, в которой руководители строек Магнитки рассказывали о трудностях, имевших место в ходе строительства цехов первого советского металлургического гиганта.

Тов. Серго внимательно выслушивал каждого, изредка задавал вопросы и попросил своего секретаря брать на заметку то, что он считал нужным и возможным сделать в порядке помощи через правительство, отвергая ряд просьб, которые с его точки зрения могли быть решены на месте без его вмешательства.

Особенно это касалось недостатка рабочих, на что жаловались все руководители строек.

В своем коротком резюме Нарком обратил внимание на необходимость резкого изменения отношения всех присутствующих к вопросам быта, отметив совершенно неудовлетворительные условия рабочих и инженерно-технических работников, захламленность жилых поселков, их неблагоустроенность и тогда же запретил называть строившийся на левом берегу «соцгород» социалистическим, т. к. по его мнению, ни планировка, ни сами дома, отсутствие наружного благоустройства и захламленность территории — ничего общего с понятием «социалистический» — не имели. Сейчас этот район города настолько изменился, что его просто не узнать, очевидно, архитекторам города пришлось немало поработать над его облагораживанием, в чем они несомненно добились большого успеха.

Тов. Серго в своем выступлении на этом совещании подчеркнул, что устроенный быт прекратит исключительно большую текучесть рабочих и ИТР и создаст нормальное положение на стройке. Одновременно с этим, им была предъявлена большая претензия по этому вопросу к бывшему директору комбината Гугелю Я. С.

На этом же совещании я просил Орджоникидзе дать согласие на встречу с городским активом инженерно-технического персонала секции Магнитогорска, на что получил немедленное согласие.

Такое совещание было созвано на другой день в Доме инженерно-технических работников — (ДИТР), где впоследствии находился клуб трудовых резервов. Это деревянное двухэтажное щитовое здание в свое время было «отвоевано» у дирекции комбината благодаря большому нажиму со стороны инженерно-технической общественности города, Горпрофсовета и даже вмешательства Всесоюзного Межсекционного Бюро инженеров и техников при ВЦСПС. К этому зданию был пристроен зрительный зал на 600 мест с небольшой, эстрадного типа сценой, в 1934 году реконструированной в совершенную сцену по последним требованиям сценической техники.

В ДИТРе не было еще той богатой красивой обстановки комнат, которая там появилась полгода спустя. В день совещания ДИТР ничего привлекательного из себя не представлял, кроме хорошего, по тому времени, для Магнитки зрительного зала.

Этот вечер остался в памяти у меня на всю жизнь. Ведь мне было всего 27 лет, не так давно я еще был комсомольцем и вот я

сижу рядом с Наркомом, да еще с каким! С тов. Орджоникидзе. Волнуюсь! Думаю, как бы не допустить какой-либо ошибки. В своем вступительном слове, открывая собрание, не хочется выглядеть «молодо-зелено». Тогда не было еще привычки выступать по бумажкам, как это делается сейчас и что производит неприятное впечатление на слушателей, выступали как умели и, поэтому все выступления звучали как-то искренне и убедительно, хотя, быть может, часто и коряво с точки зрения их литературного построения.

Перед совещанием т. Серго отозвал меня в сторону и попросил, пока собираются, вкратце рассказать о положении дел в иностранном отделе. Наша беседа длилась около десяти минут. Здесь же он высказал мысль о необходимости начать понемногу отказываться от столь дорогой помощи иностранных специалистов, указав на то, что уже наши молодые инженеры намного шагнули вперед в своих знаниях и опыте, решают сложные технические вопросы не хуже, а иногда даже лучше, чем иностранцы и, что надо подумать о сокращении этой помощи, которая как показала практика, работа инженеров фирмы «Макки» на строительстве доменного цеха, себя не всегда оправдывала, а вызывала иногда снижение темпов строительства, связанных с ненужными переписками и трениями.

Американские специалисты этой фирмы не понимали советской действительности, а отсюда и тех потенциальных возможностей, которые скрываются в ней, не понимали и недооценивали энтузиазма советских людей, самоотверженно работавших в очень тяжелых условиях на стройке. Для них это чувство было недоступно, поэтому они допускали ряд ошибок в своих расчетах и прогнозах, но с американской методичностью, высокомерием отстаивали свои, как они считали, непогрешимые позиции, фактически тормозившие ход строительства.

Орджоникидзе обратил мое внимание на создание самых благоприятных условий иностранным специалистам, независимо от того, кто они, инженеры или рабочие, изъявляющим желание перейти в советское подданство (а у нас на Магнитке таких было много), т. к. это фактор, как он сказал, «очень показателен для заграницы и имеет известное политическое значение, особенно для немецких рабочих».

В этой беседе он подчеркнул еще раз на необходимость расширения работы по передаче опыта высококвалифицированных иностранных рабочих нашим рабочим, отметив, что хотя эта работа у нас поставлена неплохо, но все же требует еще большего расширения.

Воспользовавшись случаем, я рискнул попросить Наркома

оказать нам помощь в отношении оборудования комнат ДИТРа подобающей обстановкой, показывая на сцену, где мы с ним стояли, убеждая его в невозможности пригласить в ДИТР на гастроли хороший театр, т. к. по своей величине она не соответствует потребностям такого театра.

Весь этот разговор происходил в присутствии директора комбината. Тов. Серго тут же предложил Мышкову включить постройку сцены в план строительства, при этом сказал, что надеется в следующий свой приезд быть на этой сцене. Сцена была пристроена в исключительно сжатые сроки и стала первой самой лучшей сценой Магнитогорска того времени (Драмтеатра еще не было). Она возвышалась как башня над щитовым двухэтажным домом. А еще через некоторое время, с дворовой стороны зала, пристроили стеклянный ресторан, где работал бывший царский повар. Самое активное участие в организации всех этих дел принимал Михаил Альбертович Арш, директор ДИТРа. В 1937 г. осужден на 7 лет, отбывавшего срок в Магадане.

Вскоре т. Мышков отпустил большие средства и на приобретение обстановки для ДИТРа, а я с его согласия был командирован в Москву и Ленинград, чтобы отобрать соответствующую и подобающую ДИТРу Магнитки мебель. Отправку и оплату счетов осуществляли наши представительства в соответствии с ассигнованной суммой.

Открывая собрание, я, кажется, высказал правильно все то, что давало определенное деловое направление совещанию нашего актива, а положение дел в это время было не совсем блестящим, особенно на первой доменной печи, которую долгое время очень лихорадило и вызывало беспокойство.

Больше всего, как помнится, выступали металлурги и в т. ч. А. А. Свицин, о котором т. Орджоникидзе в своем заключительном выступлении выразился как о «короле металлургов», поражаясь прорывом, имевшим место при наличии таких блестящих инженерно-технических сил. Он высказал твердую уверенность в том, что доменщики Магнитки будут впереди всего отряда доменщиков Советского Союза, что было впоследствии на самом деле.

Говоря о роли инженерно-технических работников, он подчеркивал необходимость осуществления ими систематической воспитательной работы среди рабочих, только тогда они могут быть подлинными командирами производства, когда будут заниматься не только техникой, но и работающими с ними людьми.

— В настоящее время, — говорил т. Серго, — даже трудно отличить, бывая на стройке, мастера или инженера от рядового

рабочего, все обезличены, — и ставил вопрос о том, не следует ли ввести какие-то знаки отличия для ИТР, чтобы чувствовалось их присутствие в цехе, на стройке и легко всегда можно было бы найти.

В своем выступлении он обращал внимание на то, что инженерно-технические работники не могут оставаться в стороне от борьбы за лучшие бытовые условия, без которых невозможно создание и закрепление постоянных рабочих кадров и ликвидации отголосков «сезонности», канувшей в вечность.

Все его выступление было проникнуто заботой о людях, проникнуто верой в силу рабочего класса, советской интеллигенции, в их творческие способности, верой в мощь и силу непобедимых ленинских идей.

Это была моя, теперь уже третья, встреча с Наркомом.

Н. М. Мышков, в связи с неудовлетворительным ходом строительства и, особенно, неудовлетворительным освоением мощностей на заводе и участившимися авариями, был отозван в Москву. ЦК партии решило укрепить Магнитку новыми высокозарекомендовавшими себя работниками и на Магнитку в качестве ее руководителя приезжает Абрам Павлович Завенягин.

Авраамий Павлович Завенягин

А. П. Завенягин прилетел на Магнитку одновременно с Васо Ломинадзе. ЦК партии решило серьезно укрепить руководство на строительстве и заводе. В моей памяти Абрам Павлович (как обычно мы его называли), сохранился как совсем еще молодой, полный сил человек. Несмотря на его 32 года, за его плечами была и гражданская война, и учеба в горной академии, партийная работа, директорство на металлургическом заводе, Гипромез и, наконец, Магнитка. Волевое, красивое, мужской красоты лицо, голос глухой, оратором он был неважным (с точки зрения ораторского искусства уступал Ломинадзе), говорил негромко, без выражения, но кратко и по-деловому.

Стиль его работы: минимум в кабинет, максимум среди непосредственных исполнителей — начальников цехов, мастеров и просто рабочих. Кое-кто даже жаловался на него в Наркомат, мол, Завенягин долгое время не занимается конторскими делами и почти не бывает у себя в кабинете. Он считал, что самая лучшая информация — это живая связь с людьми. С работой иностранного отдела, которым в то время руководил я, куда был рекомендован горкомом партии еще в 1932 г., Абрам Павлович познакомился только через полтора месяца после своего появления на Магнитке. Он попросил меня рассказать подробно, не торопясь, о работе отдела, охарактеризовать основательно специалистов, получающих валюту, перечислить затраты, связанные ***с*** ними, оценить отношение наших специалистов к ним и взаимоотношения между ними; указать в каких цехах, на каких участках строительства работают высококвалифицированные иностранные рабочие, работающие по договорам, кто к ним прикреплен и как проходит учеба. Затем поинтересовался качеством работы инснаба, жилищными условиями, даже таким вопросом, как обстоит дело с принятием ими нашего советского гражданства. Попросил высказать мою точку зрения на перспективу работы иностранного отдела и отказа в ближайшем будущем от услуг валютных специалистов. Мнение Абрама Павловича по этому вопросу подтверждалось целым рядом фактов.

Действительно, наши молодые специалисты, приобщившиеся к темпам строительства, шедшие нога в ногу с такими энтузиастами, как Байков, Галиулин, Банников, Чурак, Редин, Петунии, Чернов и др. — сами стали вдохновителями и организаторами тех достижений, которые так хорошо описал в своем романе из жизни Магнитки «Время вперед» Валентин

Катаев. Магнитка могла уже противопоставить иностранным валютным специалистам таких наших молодых специалистов, как Тамаркин, Джепаридзе, Беккер, Познанский, Тройнина и много других.

Вот некоторые характерные факты: приходит в отдел представитель фирмы АЕГ Гартман с заявлением о том, что снимает с себя ответственность за качество монтажа котла на ЦЭС, т. к. нарушают установленный фирмой режим сборки, на которую отводится фирмой 60 дней и 17 часов, а они хотят выполнить монтаж за двадцать дней. «Я с этим согласиться не могу. Передайте это заявление главному инженеру».

Оказалось, что бригадир Банных внес предложение смонтировать котел не в 60 дней, как требовал Гартман, а в 27. Его расчеты поддержали инженер Тумасов, молодые специалисты Дмитриев, Межеровский и Джепаридзе (дочь бакинского комиссара), Гартман от своего не отступал. Бригада начала монтаж по своему графику. Гартман тогда стал забирать, уходя с работы, чертежи с целью не допустить сверхурочной работы. Рабочие фирмы начали нелегально помогать бригаде разбираться в технологии монтажа и без чертежей (характерная рабочая солидарность и воздействие царившего в те годы на стройке энтузиазма и подлинного ударничества).

Котел был смонтирован за 20 дней. Гартман с явным пристрастием принимал гидравлическое испытание котла. Из 1680 трубок, при давлении 45 атмосфер, прослезилась только одна. Подписывая акт, Гартман пожал руку Банных и заявил: «Я не знаю такого случая в мировой практике, чтобы наш котел монтировался в три раза быстрее при таком высоком качестве. Вы поставили мировой рекорд. Банных, жму вашу руку».

Аналогичный случай имел место в это же время там же, на ЦЭС с фирмой «БЕРГМАН» и ее представителем Полас. Турбина станции была смонтирована бригадой Мордуховича на 30 дней раньше намеченного срока фирмой.

Таких примеров можно было бы привести множество. Наша молодежь настойчиво и смело ломала представление специалистов иностранных фирм о возможностях советских людей. Они говорили, что такое может быть только в России.

Мой разговор с Абрамом Павловичем проходил в присутствии очень интересного человека — Чингиза Ильдрыма, одного из заместителей Завенягина, курировавшего иностранный отдел. Он был первый из курдов, получивший инженерное образование, участник штурма Зимнего, командовал горской кавалерией, участвовавшей в подавлении мусавитского мятежа, вел подпольную работу в Баку, освобождал Баку, был не только

сподвижником С. М. Кирова, но и другом, был первым военным комиссаром Азербайджана, первым азербайджанцем, награжденным орденом Красного Знамени. На Магнитку приехал по решению ЦК ВКП(б). Некоторое время находился в США, имея дело с фирмой Мак-Ки, проектировавшей доменный цех Магнитки.

Он, Ильдрым, дал возможность мне еще раз встретиться с Сергеем Мироновичем Кировым в 1932 году.

Разговор о работе отдела длился около часа. Абрам Павлович предложил мне подготовить материал о сокращении валютных специалистов, о чем надо будет по этому вопросу посоветоваться с т. Серго — инициатором привлечения иностранных специалистов к участию в освоении новой техники. Да, на одном из совещаний т. Орджоникидзе высказал очень рискованную для того времени мысль: «…Вопрос о том, чтобы перенести к нам достижения заграничной техники — самый важный вопрос. Тут нечего нам чваниться своим коммунизмом… Если мы сумеем перенять самые последние достижения американской техники и перенести к себе, то тогда требование о том, чтобы перегнать Америку будет иметь под собой реальную почву…» (Т. К. Орджоникидзе. Статьи и речи. М. 1957, т. 2, стр. 121–122).

Я уже собрался уходить, но Завенягин остановил меня: «Вы возглавляете сейчас инженерно-техническую общественность, являетесь председателем инженерно-технической секции и заместителем председателя городского бюро инженеров и техников. Я слышал о вашей настойчивости в организации Дома инженерно-технических работников (ДИТР) и создании более или менее сносных бытовых условий для ИТР. Ведь это работа бюро ИТС — наличие сегодня на Магнитке ИТееровских магазинов, столовой, поликлиники, парикмахерской и даже бани, не говоря уже о передаче гостиницы под общежитие ИТР. Как сейчас дела у ИТС?».

Я ввел Абрама Павловича в курс наших дел, самокритично отметив отставание в вопросах технического порядка. Актив секции сильный, работоспособный, в нем участвуют такие известные лица, как Райзер, Заслав, Лебедев, Сапрыкин, Нейланд, Анкудинов, Фастовский и другие. Завенягин улыбнулся и предложил исправить этот недостаток в работе ИТС разработкой на 1934 год первого стройгенфинплана Магнитки. «Хорошо было бы его закончить к январю месяцу, как подарок XVII съезду партии. Серго Орджоникидзе будет очень доволен, об этом он со мной говорил перед отъездом сюда. Подумайте, посоветуйтесь с товарищами и через недельку расскажите мне, какие приняты решения. Я в свою очередь вас поддержу». Так состоялось мое

знакомство с этим замечательным человеком, вдумчивым, реалистичным руководителем, ставшим впоследствии, несмотря на свою молодость, (32 года), одним из виднейших командиров советской индустрии, имя которого присвоено Норильскому полиметаллическому комбинату.

Пришлось очень много работать над разработкой стройфинплана, бывать на строительных объектах, встречаться с начальниками строительства, проводить собрания ИТР, активизировать их творческие способности, т. е. было поднято на ноги все, что способствовало успеху дела. В эти несколько месяцев было собрано буквально около тысячи всякого рода предложений по совершенствованию строительства, по снижению его стоимости. Но, как это бывает, почти в нашей практике всегда — дата съезда приближалась, а план отставал. Прямо накануне отъезда Абрама Павловича в Москву, пришлось сидеть в типографии «Магнитогорский рабочий» ночь для того, чтобы его отпечатали и отвезти Завенягину домой. Типография выполнила план в красивой дермантиновой темно-синей обложке, на которой сверху золотыми буквами тиснение: «Посвящается XVII съезду ВКП(б)». План Завенягин на съезде вручил т. Серго. В феврале был издан приказ по комбинату, в котором отмечалось значение плана, устанавливались ответственные лица за его реализацию, и в нем же о премировании меня месячным окладом.

В июне Абрам Павлович вызвал меня и предложил заняться другим делом, не кабинетным. «Иностранный отдел надо понемногу сворачивать, руководить отделом останется ваш заместитель Ципорин, а вы, как я знаю, довольно успешно занимаетесь в ФОН гидротехникой, да и ваша работа с стройтехфинпланом показала, что вы неплохо разбираетесь в строительных делах, поэтому предлагаю вам перейти на строительство второй плотины заместителем начальника — Гуревича Михаила Ефимовича, которого вы хорошо знаете. Рекомендует на эту работу вас и Альперович, (зам. Завенягина по строительству, вместо уехавшего в Камыш-Бурун Чингиза Ильдрыма). Завтра же дайте ответ».

Я согласился, это предложение мне импонировало. Абрам Павлович исключительно внимательно относился к людям, в этом я убедился на целом ряде примеров. Как-то он приехал познакомиться с ходом работ на плотине. Водоснабжение комбината начинало приобретать остроту. Пошел с ним на место работ. Во время обхода он спросил меня:

— Который час?

Я же часов не имел, они были в то время большим дефицитом и ответить ему не смог. На следующий день в назначенное время,

я был у него для решения некоторых возникших вчера вопросов, требующих его вмешательства. По окончании разговора Завенягин снимает телефонную трубку, говорит начальнику административно-хозяйственного отдела Гаврилову: «К вам сейчас подойдет т. Конаржевский, выдайте ему часы, без них очень неудобно работать, тем более на плотине».

Я с сыном и женой, работавшей секретарем у одного из заместителей Завенягина, Вареласа, жили в общежитии ИТР (б. гостинице). С продуктами в это время было еще плохо. Накануне 1 Мая, рано утром, кто-то стучит в дверь. Посыльный передает небольшой ящик. Открываем, а там сверху записка: «Анатолий Игнатьевич! Поздравляю с 1 Мая! Проведите хорошо праздник. Завенягин». В ящике оказалось всего понемногу: сливочное масло, сахар, печенье, шоколад и бутылка «Токайского».

Собрался в отпуск. Пришел к Абраму Павловичу получить согласие, а он меня спрашивает:

— Как у вас с финансами?

— Получаю отпускные — хватит.

Позвонил Андрееву — начальнику финансового управления:

— Направляю к вам Анатолия Игнатьевича Конаржевского, наверное, вы его знаете, он едет в отпуск, давайте выдадим ему тысячу рублей (мой оклад был 900).

Так он относился к людям, не создавал никакой торжественности и помпы, никогда не подчеркивал свое «я», свое положение и делал это от души, по-простому. Товарищи говорили, что он имел специальный фонд, за который отчитывался только перед Орджоникидзе. Такие фонды не мешало бы иметь нашим сегодняшним директорам, которыми они могли распоряжаться по своему усмотрению, без всяких согласований с завкомом и СТК.

Еще работая в иностранном отделе, однажды мне позвонил начальник СПО НКВД, полковник Болдырев о том, чтобы подготовиться к приему японского военно-морского атташе Минору Маеду. Завенягин на это отреагировал так:

— Заниматься им не намерен. Займетесь вы. Ко мне его не водите. Некогда. Терпеть не могу подобного рода встреч, дам в ваше распоряжение автомобиль, на наших корзиночных фаэтонах неудобно возить.

Маедо прилетел на своем самолете. Это был рослый, спортивного стиля мужчина, великолепно владевший русским языком, причем, без всякого акцента, был хорошо знаком с нашей художественной литературой не только современной, но и классической. Два дня я его возил по стройке, но он довольно равнодушно воспринимал масштабы строительства. На третий

день, прощаясь со мной, вручил свою визитную карточку и пригласил сделать ответный визит к нему, когда буду в Москве. Выслушав его приглашение, я подумал о том, что после такого визита окажусь наверное в НКВД. В 1939 году прочел в газете о назначении Минора Маеду начальником генерального штаба ВМС Японии.

Инцидент с домом иностранных специалистов, когда Завенягин отдал его не им, а доменщикам, не посчитавшись с мнением Ломинадзе, показал о наличии какой-то недоговоренности, натянутости между этими двумя большими личностями, но это скрывалось внешне и не перерастало в открытый конфликт. Завенягин ценил Ломинадзе как прекрасного организатора партийно-политической работы, соответствующей даже требованиям сегодняшнего дня, ценил как вожака, в полном смысле этого слова, большого партийного коллектива Магнитки, умело направлявшего энергию и энтузиазм на решение конкретных задач.

Ломинадзе видел в Завенягине сильнейшего руководителя народнохозяйственного строительства, его способность твердо вести хозяйство намеченным курсом и доводить дело до намеченной цели. В 1936 году Магнитогорский металлургический комбинат стал прибыльным. Прогнозы его противников, а их было на его пути немало, и, в частности, Троцкого, не оправдались. Магнитка и сегодня дает самую дешевую продукцию и продолжает быть флагманом черной металлургии СССР.

Эти два человека, имея взаимную неприязнь, умели ее скрывать от постороннего взгляда и действовать рука об руку — двигать вперед на порученном участке нашу страну.

Абрам Павлович и в семейной жизни вел себя просто и непосредственно. Вот что мне рассказал его референт: «В один из летних дней, неожиданно для Завенягина, в доме появляется его отец — потомственный паровозный машинист. Встретив дома отца, он вполне естественно спросил:

— Почему не предупредил телеграммой о своем приезде, я бы выслал машину на вокзал.

Отец ответил ему с усмешкой:

— Это вы, наши приказчики, привыкли разъезжать на автомобилях, а мы, хозяева страны, предпочитаем пешочком ходить, так здоровее будем.

Они, во время отпуска отца, иногда садились в саду на скамеечку и запросто пели русские песни». Вот таким простым человеком был Авраамий Павлович Завенягин.

Наверное, мало кто знает, что этот человек в содружестве с Курчатовым стоял во главе строительства первой атомной бомбы,

первой водородной бомбы, первой атомной электростанции, что за время войны награжден не одним орденом Ленина, и что он был дважды Героем Социалистического Труда, и что в 1938 году, будучи заместителем наркомтяжпрома (Кагановича), благодаря происка м Кагановича, был отправлен в Норильск строить полиметаллический комбинат, носящий теперь имя Авраамия Павловича Завенягина.

Прощай Магнитка

Работая на плотине, я вынужден был сняться с партийного учета в Магнитогорске, в связи с тем, что плотина относилась к Агаповскому району Челябинской области. Связи с Агаповским райкомом я не заимел, в его актив не стремился, т. к. был загружен общественной работой в городе, продолжая возглавлять инженерно-техническую секцию Магнитостроя и работой в ДИТРе, как зам. председателя его правления.

В 1935 году, в связи с убийством 1 декабря 1934 т. Сергея Мироновича Кирова и самоубийством Ломинадзе, начались, пока еще редкие, аресты отдельных работников. Был арестован заместитель Завенягина по строительству Альперович, сменивший Ильдрыма. Мне приходилось часто бывать и решать текущие вопросы снабжения материально-техническими ресурсами и оборудованием. Всегда встречал понимание и помощь с его стороны. Наши потребности отоваривались в плане удовлетворительно. Контакт был тесным и деловым. Вопрос о происках врагов народа был вынесен на обсуждение в партийных организациях, в. т. ч. и нашей. Состоялось оно, кажется, в августе, с повесткой дня о повышении бдительности коммунистов в связи с вылазками врагов народа, тем более, что и у нас на плотине в это время был арестован как троцкист, прораб левого берега Лосев, который действительно не старался скрывать своих взглядов и несогласие с линией партии. Доклад на собрании делал второй секретарь райкома партии. В своем докладе, говоря об Альперовиче, особо подчеркнул то, что на плотине есть коммунисты Агеев и Конаржевский, которые имели дело с Альперовичем, и им надо будет выступить и охарактеризовать Альперовича, его вредительскую деятельность. Мы с Агеевым Николаем Дмитриевичем, ст. прорабом плотины, (впоследствии заместителем Устинова), сидели на одной парте, посмотрели друг на друга и шопотом Николай Дмитриевич спросил меня:

— Не знаю, что говорить, понятия не имею, ведь я с Альперовичем редко встречался. Ты сам знаешь, в Березках я редко бываю, ну что из того, что он был соседом?

— Я тоже не знаю, как быть, — ответил я.

Мы оба не знали как выступить. Кончился доклад. Как обычно, председательствующий объявил:

— Кто желает выступить?

Молчание. Желающих нет. Тогда секретарь райкома предлагает выступить мне. Деться было некуда. Иду медленно через весь класс и на этом коротком пути приходит молниеносно

решение — выступить дипломатично:

— Альперовича знаю с момента его приезда в Магнитогорск, как заместителя Абрама Павловича Завенягина, способного, энергичного работника, какими вредительскими делами занимался — мне неизвестно. В отношении плотины, с его стороны, не чувствовалось каких-либо действий, вызывающих недоумение и вопросы. Но если о вредительстве говорят наши официальные органы, значит у них, наверное, есть к этому основания. Может быть, он проводил тактику завоевания доверия, не только у отдельных работников, но и у общественности, поэтому у нас все было благополучно и гладко. Очевидно нам следует проявлять больше бдительности. Быть всегда начеку, критически рассматривать всевозможные негативные явления. Вот все, что я могу сказать.

Сразу за мной выступил Николай Дмитриевич Агеев. Он просто поддержал мою точку зрения, добавив, что: «в быту в Березках встречался с ним редко и что было у него на душе, не знаю. Чужая душа — потемки».

Остальные выступления — были в общем, и в целом — фигура Альперовича была от них далека. В заключительном слове секретарь райкома выразил неудовлетворительность нашими выступлениями, назвав их обтекаемыми, неконкретными, не дающими оценки.

Мне самому мое выступление было не по душе. Стало как-то не по себе. Я понимал, что оно являлось по существу соглашательским, безхребетным, противоречащим своей совести. Совесть говорила: «Ведь ты не веришь тому, что говоришь, мало веришь, что Альперович вредитель. Тебе не хватило мужества прямо об этом сказать». Поздно вечером, дома мы оба долго обсуждали то, что произошло на собрании (наши квартиры были рядом — с общей ванной комнатой и санузлом). Успокаивали себя тем, что все же мы не знаем, что скрыто от нас органами НКВД.

Каких-либо выдающихся событий на строительстве плотины не происходило, работы шли в графике, план выполнялся. Соцсоревнования не было, т. к. работы выполнялись заключенными ИТК, отделение которой находилось у нас прямо в поселке. Я был выбран членом поселкового Совета и его председателем. Конечно, в общественном порядке.

Жена больше жила в городе, где за мной сохранили номер в общежитии ИТР (б. гостиница). Сын Юра был со мной на плотине. Глубокой осенью меня вызвали в райком, а он находился в станице Магнитной, км. 10 от поселка плотины. Принял меня второй секретарь, тот, который проводил у нас партсобрание.

Попросил предъявить кандидатскую карточку. Вертел ее долго в руках, потом попросил рассказать подробно о себе, начиная с детства. Когда я кончил, он заявил мне, что партийный документ пока останется в райкоме: «Уж больно запутана ваша биография. Отец — потомственный дворянин. Ваша позиция, занятая тогда на собрании в отношении Альперовича, говорит о неустойчивости ваших взглядов, в них не видно принципиальности».

Уехал я из райкома с тяжелейшим чувством. Прошел месяц, меня вызвали на бюро, на котором послушали информацию секретаря, его характеристику, данную мне, как чуждому элементу, и не дали мне возможность опровергнуть эти обвинения. Я был исключен. Это был очередной перегиб, проявленный в период проверки партийных документов. Тогда пострадало около 700 тысяч коммунистов.

После насыщенной хорошими и плохими событиями шестилетней жизни и работы на строительстве неповторимого, единственного по масштабам Магнитогорского металлургического комбината, я был вынужден покинуть Магнитку. Оставаться работать заместителем начальника строительства 2-й Магнитогорской плотины, став временно беспартийным, благодаря очередному перегибу, в поисках «чуждых людей» в период т. н. «проверки партийных документов», я счел невозможным.

Меня хорошо знали в тресте «Союзэкскавация» и предложили поехать на Воронежский участок гидромеханизации, находившийся в поселке Орлов Лог, расположенный в 12 километров от Воронежа. Участок имел очень большой объем вскрышных работ в карьерах Воронежского рудоуправления по добыче высокосортной огнеупорной глины для расположенного рядом оборонного завода.

За моей спиной была только теория, да пожалуй богатый опыт общественно-политической и административной работы. Юнсекция на Волховстрое, профсоюзная в системе Ленинградского обкома союза строителей, инженерно-техническая секция на Магнитке, иностранный отдел там же, и наконец, 2-я плотина. Здесь в Орловой Лугу впервые пришлось окунуться во все тонкости производственной жизни со всеми ее гримасами и радостями. Здесь я приобрел опыт производственника, научился находить общий язык с рабочими, завоевывать делом их доверие и авторитет. Раньше все это было в теории, теперь надо было ее воплощать в практику.

Орлов Лог представлял из себя благоустроенный поселок, в котором жили рабочие рудника и гидромеханизаторы. Имелась приличная столовая, магазин, небольшой клуб, школа. Поселок

стоял недалеко от речки с романтическим названием Девица. В Петровских картах она значилась Смердячей девицей. Происхождение такого названия связано с красивой легендой о разбойнике Орле. Во времена царя Алексея Михайловича и этой местности появился разбойник, грабивший проезжих купцов, бояр и раздавший крестьянам награбленное. Слава о нем широко распространилась в округе. В одном селе он видел красивую девицу и полюбил ее. Как ни старались охранники его поймать, у них ничего не получалось. Орел для них был недосягаемым. Узнав о частых свиданиях Орла с любимой им девицей, они решили подкупить ее, чтобы она им сообщила о дне и месте свидания. Она соблазнилась обещанным вознаграждением и указала это место. Охранники в назначенный день подстерегли Орла и схватили его. Но он вырвался от них, вернувшись ночью в село, вызвал девицу, затащил ее к берегу и повесил на дереве, а затем снял с веревки труп, сбросил его в реку, привязав конец веревки к прибрежному дереву. Утром крестьяне нашли ее труп и похоронили, но на следующий день девица опять была в реке с веревкой на шее, но на этот раз на ее груди было написано: «Люди добрые, не трогайте ее, пускай лежит и смердит на устрашение предателям». Вот почему река носила название Смердячая девица.

Новые дела, новые люди

Впервые мне пришлось запроектировать не условную плотину, а самую настоящую через эту речку, от которой зависела нормальная работа насосной станции, предназначенной для подачи воды гидромониторам в забой. На станции были уже смонтированы три насоса производительностью 350 м^3 воды в час, из расчета размыва 650–700 м^3 грунта в смену. Начав проект 5 марта, я справился с ним в десять дней. Главный инженер Подозерский внес очень небольшие поправки и я приступил к его воплощению. Пришлось торопиться со строительством плотины в связи с началом работ в забое 4 мая.

План поджимал, и по совету старого мельника, жившего тут же недалеко от берега, для меньших потерь грунта при отсыпке его в русло реки, пустили в ход гречневую солому, делали тюки, набитые камнем, пускали их к месту укладки и придерживали шестами, намокнув, они опускались на дно реки, таким способом задерживался почти весь грунт при устройстве земляной части плотины. Молодым рабочим эта работа очень нравилась и вызывала много веселья. Тридцатого апреля, в ночь под 1 Мая плотина была закончена. За праздники уровень воды должен был подняться на два метра.

Я не спал почти трое суток и, когда отправился домой, то до него не дошел, споткнулся о какую-то кочку, упал и тут же заснул. Проснулся от яркого солнечного света, оказывается, проспал целых четыре часа. Вот так пришлось встретить 1 Мая 1936 года.

Забой мог начинать работу 4-го мая. Моя первая самостоятельная производственная работа была выполнена в срок. Экзамен на зрелость я выдержал. Дальше предстояло практически осваивать гидромеханизацию и я пел про себя: «Что день грядущий мне готовит?» А он готовил много неприятных часов, дней и ночей. Меня назначили начальником забоя (прорабом). Опять пришлось теоретические знания применять на практике.

Работа велась в три смены. Для того, чтобы глубже вникнуть в суть дела, пришлось не только пересматривать всю известную мне литературу., но бывать почти сутками в забое, самому вставать за монитор, беседовать с мониторщиками, прислушиваться к их мнению о наиболее эффективном способе обрушения грунта, при высоте забоя, колебавшимся от 8 до 18 метров, анализировать работу каждой смены не только с позиций выполненного объема, но и причин достижения хороших или

плохих результатов. К этой работе привлекал и приучал начальников смен, внося тем самым в некоторой степени дух осмысленности и соревновательности в совершенствовании технологии производства работ. Первое время все шло хорошо, значительно перевыполнялся план, у всех было хорошее настроение, высокие заработки, а затем начались неприятности: подработались дно и бока деревянных лотков из-за большого количества в грунте ноздреватых и острых кусков фосфорита, задиравших дерево и застревавших в этих задранных местах. В результате, в течение нескольких минут образовался затор пульны, проходящей по лотку в объеме 0,25–0,30 м в секунду и вся масса моментально начинала переливаться через верх лотка, затапливала водой и грунтом с высоты 18 метров, если это случалось в зоне, расположенного внизу действующего рудника и проходившей под эстакадой железнодорожных путей.

Приходилось останавливать забой, снимать с работы всю смену и перебрасывать рабочих на расчистку завалов. Это занимало иногда 2 4 смены. Бывало и так: появится на месте аварии главный инженер и с иронией спросит:

— Как, Анатолий Игнатьевич, вы собираетесь решить эту задачу? Решайте, решайте поскорее, время идет. Июньский план провален, июльский также.

Я давно пришел к заключению, что единственное спасение от таких заторов — это подводка трубопровода с чистой водой к голове лотка, тогда в случае затора можно будет немедленно подавать в лоток чистую воду и, тем самым, разжижать пульпу. Но главный не давал разрешения, ссылаясь на дефицит воды. Проваливался план и первой половины августа. Я минутами впадал в отчаяние, даже подумывал об уходе, считая позором свою беспомощность, но самолюбие брало вверх, стремление доказать, что я сумею исправить создавшееся положение.

В середине августа все руководство было вызвано в Москву на семинар и еще какое-то совещание и я остался за старшего. Посоветовавшись со своими помощниками, решил остановить забой, проверить все уклоны лотков по нивелиру, заменить изношенные доски и на свой риск подвести к лотку чистую воду. Все это заняло 5 дней. Забой не работал, а каждый день надо было передавать в Москву сводку об итогах суток. Там волновались, грозили расправой, но я стойко переносил все эти упреки и тяжелые телефонные разговоры. Зато когда на шестой день заработал забой, то я получил полное удовлетворение и, на следующий день, в Москву пошла телеграмма с рекордной цифрой — 1800 м^3 вместо 850 плановых.

В Москве не поверили и все следующие сводки шли,

примерно, в таких же пределах. Когда начальство вернулось, то главному нечего было возразить против самодеятельности, проявленной коллективом, хотя и было высказано недовольство относительно излишнего расхода воды. Вайсман Петр Самойлович поддержал нашу инициативу. Отставание на 40 тысяч кубометров в сентябре было перекрыто. В октябре забой работал на перевыполнение годового плана. Мы захватили еще ноябрь и декабря 10 дней.

Часто я вставал по ночам и шел в забой понаблюдать, как идет ночная работа. Днем вызывал геодезиста и вместе с ним мы делали замеры уклонов в подушке забоя с разными грунтами, сопоставляли производительность, консистенцию пульпы и другие анализы. Мною было сделано много схем и зарисовок, к зиме накопился большой интересный материал, который не встречался до этого в литературе по гидромеханизации.

В января меня вызвали в Челябинский обком партии для рассмотрения моего дела. Вел заседание старый большевик Маркус. Мне хорошо запомнились его слова, когда зашел разговор о происхождении: «Ну и что из того, что он из дворян. В Польше почти каждый поляк дворянин, а в Грузии, например, каждый пятый чуть ли не князь. Тут дело не в дворянстве и не в чуждом элементе, наши товарищи явно перегибают в этих вопросах. Дело в том, что из себя представляет данный товарищ. Отзывы о его работе, как из Магнитогорска, так и с места, где он работает сейчас, самые положительные». Решение Агаповского райкома было отменено. Меня восстановили в партии. Вернулся в Орлов Лог в самом хорошем настроении. Эта была самая большая радость в моей жизни. Этому обрадовались и товарищи по службе. В 1937 году намечалась еще более интересная работа — производить вскрышу карьера комбинированным методом — размыв грунта мониторами, а транспортировку его землесосом по трубопроводу в отстойник на расстояние около километра. Начали работать в апреле, а в мае я пришел к выводу о необходимости вести разработку грунта одновременно, сочетая размыв и песчаного, и глинистого. Глина, мешаясь с песком, его как бы смазывала, облегчая транспортировку по трубам, благодаря чего можно было повышать консистенцию пульпы с 1:10 проектных до 1:6–1:7, даже иногда до 1:5. Правда, это вызывало значительный нагрев электромотора, тогда переходили на резервный землесос, ускоряя охлаждение первого вентилятором. В одном из номеров журнала «Россия» появилась статья начальника гидромеханизации ГУЛАГА НКВД СССР Бориса Марковича Шкундина о работе на строительстве Южной гавани в Москве, в которой он затрагивал вопрос о высоком коэффициенте

землесосной установки и приводил ряд примеров, как значительное достижение. Показатели нашего участка были гораздо выше. Товарищи, прочитав статью, предложили мне тоже написать статью, освещающую работу и достижения нашего участка. Но получилась не статья, а целая книга. В этой работе я не соглашался с Б. М. Шкундиным по оценке коэффициента полезного действия землесоса. Прослышав в Москве об очень высокой производительности землесосной установки на нашем участке, к нам приехал профессор Бериловский лично убедиться в этом и познакомиться с методами работы в забое, дающими такую высокую выработку. Его резюме было следующее: «Конечно, признаю, что ваш метод дает очень хорошие результаты, но он приводит к варварской, с моей точки зрения, эксплуатации оборудования, получается насилие над ним, и оно выйдет из строя раньше положенного ему срока». Я эти доводы опровергал следующим положением: почему электромоторы землесоса обязательно должны работать 10 лет и из-за них надо содержать все 10 лет весь штат, который связан с работой забоя? Зачем это делать, если можно всю десятилетнюю программу с теми же людьми и тем же оборудованием выполнить в течение шести лет? Вы скажете: надо подбирать более мощные моторы, но их нет, тогда применяемый нами путь является вполне оправданным. От этого народное хозяйство только экономически выиграет, а не потеряет. Логика говорит «за». Профессор помолчал, а потом неуверенно заявил: «Так-то оно так, но все же это варварство». Сегодня, пожалуй, так не говорили бы. Все выполненные экономические расчеты подтвердили целесообразность этого метода.

В сентябре прислали из Москвы гранки книги, носившей название «Опыт ведения вскрышных работ методом гидромеханизации в карьере Орлов Лог». Просили их не задерживать, считая, что работа представляет большой интерес. Но ей не было суждено увидеть свет в связи с последующим моим арестом.

В этом же месяце меня вместе с начальником смены Иваном Ивановичем Медведевым и мониторщиком Петровым по распоряжению треста направили в Подольск и Пермь для передачи опыта, показа рациональных приемов размыва и транспортировки грунта. Наша поездка вполне себя оправдала.

Вернулись из командировки в начале октября. Вскоре я был арестован. Все мои труды пошли прахом.

Арест

Шесть часов утра. Пора вставать. Вот уже в течение нескольких минут с меня не сводит своих умных выразительных глаз Рекс, как будто спрашивая: «Что же ты подзамешкался? Я жду. Поторопись!» Рекс — красавец пес, великолепная мощная овчарка, вызывающая восхищение не только у любителей. Прекрасно отдрессированный, послушный, ласковый, он никогда не проявлял особой агрессивности. Даже стук в дверь вызывал в нем не лай, а какое-то тихое утробное ворчание. Вот и сейчас он сидит, внимательно следя за каждым моим движением и терпеливо ожидая, когда я, наконец, надену на него ошейник и выведу гулять.

Внезапный резкий стук в дверь прервал наши сборы. Кто бы это мог быть? Так рано? Отправив собаку на место я пошел открывать дверь. На лестничной площадке — зам. начальника милиции, наш участковый и два работника рудоуправления — понятые.

— Вы Конаржевский Анатолий Игнатьевич? — Вопрос звучал как утверждение.

— Да, я. А в чем дело?

— Читайте, — и участковый подал мне ордер на арест и обыск.

В первую минуту я ничего не мог сообразить. Арестовать меня? За что? Какое преступление я совершил? Я был ошеломлен. Тем временем нежданные посетители вошли в квартиру и зам. начальника милиции хотел открыть дверь в комнату, где находился Рекс, но оттуда послышалось такое грозное рычание, что даже я, — находясь почти в шоковом состоянии, был удивлен. Из комнаты вышла жена. Она все слышала и была готова к «приему» столь неожиданных «гостей».

Начался обыск. Внезапно Рекс, привязанный женой к ножке кровати скинул ошейник, мощный прыжок и он бросился на грудь участкового, морда с оскаленными клыками оказалась у самого его лица. Все шарахнулись в сторону. Участковым отлетел к стене. Я успел крикнуть:

— Рекс, ко мне! — И мой верный пес, пытавшийся защитить меня, послушно подошел и сел рядом.

Револьвер, который выхватил из кобуры зам. начальника милиции, уже не понадобился. Неприятный инцидент был исчерпан. Участковый, вытирая выступивший на лбу пот, проговорил:

— Ну и ну! Это же зверюга, а не собака, а это не в вашу

пользу, — и начал швырять книги на пол, почти не просматривая их.

От шума проснулся в соседней комнате 12-летний сын Юра. Он вбежал к нам, но увидев этих людей и, поняв, в чем дело, расплакался:

— Папочка, что это такое?!

— Ничего, ничего. Не расстраивайся. Все будет хорошо и вечером я буду дома. Иди в школу. Ну, пока!

Думал ли я тогда, что это «пока» затянется на 12 лет и, что наша встреча произойдет только в 1949 году?

Обыск продолжался полтора часа. Ужасное чувство испытываешь, когда вот так бесцеремонно вторгаются в твою жизнь. Кажется, что не в вещах роются, а в твою душу запускают пальцы и всю ее выворачивают.

Между тем, на столе росла стопка документов. Там были интересные записки в виде дневника, которые я вел, будучи бригадиром бригады в период коллективизации в Гдовском районе Ленинградской области в 1930 г., относящиеся к экспериментам, проводимым мною здесь на участке гидромеханизации. На основании их должна была появиться на свет, находившаяся уже в типографии, книга «Опыт вскрышных работ методом гидромеханизации в карьере Орлов Лог». Альбомы с фотографиями, связанными со строительством Магнитки, были тоже отложены. Все это не было мне возвращено и пропало бесследно.

Обыск закончился. Будучи в полной уверенности, что все это какое-то недоразумение, даже не попрощавшись с женой, я вышел вместе с зам. начальника милиции. На мне был легкий костюм, т. к. стояла теплая погода. Не верилось, что уже 22 октября. Мы отправились в контору участка, где мое появление, очевидно, ждал нач. участка Петр Самойлович Вайсман, человек исключительно порядочный, добросовестный, знающий свое дело. На лице Вайсмана было написано огорчение. «Анатолий Игнатьевич, я не допускаю мысли, что предъявленное вам обвинение серьезное. Ваш арест просто недоразумение и скоро вы вернетесь. Во всяком случае, я позабочусь об Анфии Александровне».

К конторе подошла грузовая машина, появился участковый, «Все в порядке, тов. начальник, можем ехать». Машина была обустроена брезентовым тентом и лестничкой. Когда я влез в кузов, то с большим удивлением увидел в нем Георгия Ивановича Манучарова, главного механика участка, хорошего специалиста, прекрасно справлявшегося со своими обязанностями и болевшего за дело всей душой. Георгий Иванович был сыном сподвижника

Кропоткина и в книге его отца под собственным портретом помещено изречение «Государство — это я». Книга была издана еще до революции. Умер он, если не ошибаюсь, или в ссылке, или в царской тюрьме. Георгий Иванович был настолько расстроен своим арестом, что даже не понял, по какой статье его обвиняют. Переживал он больше всего за Екатерину Ивановну, свою жену, очень вспыльчивую, невыдержанную женщину. Она преподавала в школе и действительно отличалась резкостью суждений и откровенностью. В школе многие ее недолюбливали, оба они души не чаяли в своей маленькой дочке, с которой мой Юра любил возиться, ее забавлять, рассказывать ей сказки. Когда они временно уезжали в Воронеж, то Алочка оставалась под его покровительством у нас.

Мы проехали Семилуки, значит нас везут в Воронеж. Грузовик остановился у тюрьмы. Зам. начальника милиции пошел решать вопрос о нашем приеме. Эта процедура не заняла у него много времени. Открылась дверь, и мы с Манучаровым стали с этого момента обитателями тюрьмы. После регистрации, тщательного обыска, изъятия ремней и шнурков от ботинок, чтобы мы не повесились, нас отвели в камеру, которая была рассчитана на 12 человек. Остановившись у дверей, я огляделся. С правой стороны от входа — двухэтажные нары, у противоположной стены — большой стол с деревянной скамьей. У двери — вонючая, наполовину заполненная параша. Бледные, небритые люди лежали и сидели на нарах, на скамейке и даже на столе, а несколько человек — просто на полу.

В камере было душно, но светло: железные козырьки, очевидно, не успели установить на этом этаже. Надзиратель бросил нам матрац из мешковины, набитый соломой, такую же подушку и старенькое одеяло. Все это воспринималось как сквозь призму. Казалось, что это дурной сон, какое-то наваждение. Вот сейчас еще немного — и я проснусь.

Обитатели камеры приняли нас сочувственно и предложили расположиться около стола на полу. В камере находилось 22 человека, почти в два раза больше нормы. Манучаров и я довели ее до двух дюжин. Кто были эти люди?

Два секретаря райкома партии,
Два председателя исполкомов,
Один командир полка,
Три директора промышленных предприятий,
Два председателя колхоза,
Один рядовой колхозник,
Один священник,
Два баптиста,

Три инженера,
Один КВЖдинец,
Один военный юрист,
Один вор — здоровый, сильный парень.

Так я оказался в очень разнообразном, по своему социальному положению, «обществе». Порядок в камере был установлен, как выяснилось, общим собранием. Старостой был полковник, один из инженеров исполнял роль культорганизатора, председатель колхоза распоряжался хозяйственными делами. Фамилии их, к сожалению, не помню.

К моему удивлению в камере действовал шахматный кружок. Шахматы изготавливались из хлеба, а две доски были нарисованы на столе. Ложиться спать полагалось по команде. Когда все были на своих спальных местах, но чтобы попасть к параше, надо было шагать через спящих, как на сочинском пляже.

Когда мы с Манучаровым оказались в камере, нас стали расспрашивать, кто мы, какова причина нашего ареста.

Какова причина? Да если бы мы сами знали это. Поначалу и он, и я отвечали на вопросы сдержанно, т. к. трудно было сразу заступить в тесный контакт с незнакомыми людьми. А во-вторых, высказывания, которые нам довелось услышать, порой носили весьма скользкий характер. В них преобладала злая критика властей и следственных органов и даже фразы о страшном произволе, и даже физическом насилии на допросах вызывали протест. Слушая эти разговоры, как-то не верилось в их правдоподобность. И в то же время интонации заключенных, их искренность, открытость, вызывали симпатии. Само собой напрашивалась мысль: неужели все эти люди — контрреволюционеры, враги народа? Но если не враги, то как же они сюда попали? Ведь напрасно у нас не сажают. Стоп! А ты сам? Как ты сам сюда попал? Да, но я… Это же недоразумение, ошибка, которая выяснится во время первого же допроса. Но сколько же времени придется находиться в этой камере? Угнетало еще одно обстоятельство. Меня последние три года очень мучила язва желудка, чем только ее ни лечили, ничего не помогало. И, попав в тюрьму, я сразу подумал: «Ну, теперь мне конец!» И первая же баланда, да еще с плохо выпеченным хлебом, утвердила меня в этой мысли. Прошло часа два после еды, а болей и в помине нет. Наступил вечер, а я здоров! Вот эта да! Но и завтра, а затем месяцы и даже годы мой желудок больше не болел. Язва куда-то исчезла.

Наступил вечер. В камере почти темно. Маленькая лампочка под высоким потолком горит тускло и наводит еще большую тоску. «Приготовиться ко сну» — и все жители, в том числе и я,

расстилаем свои постели, а в это время многие спешат занять очередь к параше, чтобы ночью поменьше беспокоить спящих на полу и не наступить на кого-нибудь из них.

Когда все улеглись, как было установлено до нашего появления, наступал час рассказов. Каждый вечер по очереди кто-то должен был или рассказывать что-то из художественных произведений, или вспомнить интересные события в своей жизни. В этот, мой первый тюремный вечер, я услышал артистически выполненную одним из председателей исполкома новеллу Бокачио «Отшельник». Где-то в полночь загремел засов, надзиратель вызвал инженера грузина, страдавшего от неизвестности, он не знал в чем его обвиняют. Ему было, наверное, более шестидесяти лет. Когда он вернулся, я уже спал. Так прошел мой первый тюремный день. Здесь же я узнал что такое статья 58, п. 6 — это шпионаж.

Тюрьма — допросы — тюрьма

На другое утро нам с Георгием Ивановичем, как новеньким, выпала работа — вынести парашу, пройтись с этой бадьей, наполненной доверху испражнениями, до уборной, прополоскать ее и в сопровождении заключенного бытовика вернуться в камеру. Бытовики пользовались большим доверием у администрации тюрьмы, они разносили хлеб, обед, они же, при случае, доставляли махорку, конечно, за определенную мзду. Все это казалось каким-то кошмарным, неправдоподобным сном, а разговоры окружающих людей вызывали недоверие к ним, подозрительность.

Снова и снова возникал вопрос: «Кто они? Неужели, действительно, враги или такие же как я, жертвы какого-то „злого рока“? Ведь мы с Манучаровым, в конце концов, говорили то же самое, что и большинство из них: „Зачем мы здесь? Чти это значит? Ведь это нелепость!“».

Подошел инженер грузин. Он улыбался и был в хорошем настроении. Ему хотелось поделиться с нами о ночном допросе:

— Вы представляете, в чем меня обвиняют? Просто невероятно, какой-то анекдот. Я все время ломал себе голову, думал, что может быть, какой-то из десятков мостов, построенных мною, провалился, рухнул, но этого не могло быть, т. к. я всегда был уверен в их прочности, а тут, пожалуйста! — он рассмеялся. — Представляете себе, следователь обвиняет меня в том, что я, покупая на базаре пряную зелень в кооперативном ларьке, возмутился ее высокой ценой и сказал:

— Вот так кооперация дерет, хуже чем частник. А это означает по понятию следователя, дискредитацию кооперативной торговли и равносильно антисоветской агитации и подпадает под статью 58 п. 10. Как он только это сказал, то вся моя тяжесть на сердце сразу исчезла. Вот какие дела, и какие глупости. Я, конечно, без разговоров, подписал эту глупость, подтвердил сказанные мною слова.

Через несколько дней его вызвали к начальнику тюрьмы и объявили, что он приговорен тройкой НКВД на 7 лет лишения свободы. Я не верил своим ушам и подумал, что дело, очевидно, все-таки, не в зелени, а в чем-то другом.

Чтобы отвлечься от тяжелых дум, я старался больше и дольше играть в шахматы и в этом находил некоторое успокоение.

Через несколько дней меня вызвали без вещей — значат на допрос. Оказалось, за мной из Семилук приехал милиционер. Повел на вокзал. Я шел впереди, он — позади с пистолетом в

руке. Всем встречным было сразу понятно — ведут преступника, арестанта. Состояние мое было ужасным, и обида, и возмущение, и в то же время, бессилие. В Семилуки добрались без всяких инцидентов. Провели меня в какой-то, расположенный во дворе, флигель, напоминавший курятник, открыли самую обыкновенную деревянную дверь с огромным амбарным замком, и я оказался в небольшой комнатке с маленьким зарешеченным окошком. В первую очередь в глаза бросилась железная койка, невероятно старая и на ней лежащий вниз лицом человек с длинными, как у художника, волосами. В комнате стояло что-то, напоминающее тумбочку и вторая койка, на неструганных досках матрац из мешковины, а вернее — просто мешок, еле-еле набитый соломой и подушка с наволочкой подозрительной чистоты. Обстановка подействовала просто удручающе. Я присел на кровать, лежащий человек поднял голову, повернулся набок лицом ко мне, пристально посмотрел на меня, и на его лице появилось недоумение. Он быстро поднялся и сел.

— Здравствуйте, Анатолий Игнатьевич! Вы здесь? — Его лицо обросло черной бородой, в которой бросалась в глаза прядь седых волос.

— Простите, откуда вы меня знаете? — в свою очередь спросил я.

— Как, вы меня не узнаете? Неужели я так изменился, что вы не узнали меня? Ведь вы встречались со мной почти ежедневно. Я Плоткин Давид Александрович.

Это было просто невероятно. В июле он, директор Воронежского горного управления и наш заказчик был арестован, как враг советского государства. А два года назад его наградили орденом Ленина. Серго Орджоникидзе ценил его как способного инженера и организатора.

Я внимательно посмотрел на Плоткина, изучая его лицо, но это был уже не тот Плоткин, которого я знал — уверенный в себе, подтянутый, решительный — нет. Передо мной сидел почти старик с измученным лицом, потухшими глазами и бессильно опущенными руками.

— Давид Александрович, — сказал я, — вы настолько изменились, что я действительно вас не узнал, прошло всего-навсего каких-то три месяца.

— Ведь, наверное, меня уже прорабатывали на собраниях как врага народа. Так ведь?

— Да, — ответил я. — было такое.

Давид Александрович показал пальцем на дверь.

— Это они стараются превратить меня во врага, в контрреволюционера. Я понял одно, кто сюда попадется, то

отсюда не возвращается. За эти три месяца я в этом убедился. Я не оракул, но и вы готовые себя к худшему: к семи, восьми, десяти годам лишения свободы.

— Зачем вы так, я не допускаю мысли, что работники НКВД — следователи и прокуроры специально, но совершенно необъяснимым мотивам идут по пути произвола. Ведь они почти все коммунисты. А то, что вы говорите, просто невероятно! Этого не может быть!

— Эх, Анатолий Игнатьевич! Так, наверное, думает весь народ. Хотите, я вам нарисую картину ваших ближайших часов или минут? Слушайте. Вас сейчас вызовут. Вы войдете в кабинет. Вам предложат сесть, но как?! Не «садитесь», а «садись». Если у вас есть чувство достоинства, невольно спросите: «Почему так невежливо?» Вам ответят: «Отошло время Дукельского (б. начальника Воронежского НКВД), когда с вами, врагами народа, цацкались: „Садитесь, пожалуйста, не хотите ли закурить? и тому подобные вежливости. С врагами простой разговор — никакой вежливости: таких, как вы, надо брать в ежовые рукавицы“. Вам предложат, даже не заполняя анкеты, признаться в своей контрреволюционной деятельности, т. к. добровольное признание облегчит вашу участь. Вот тебе бумага, карандаш — и пиши. Вы возразите: „Я за собой никакой вины не имею, мне не в чем признаваться“. Он ответит: „Напрасно будем время терять, у нас есть все доказательства, отпираться бесполезно, незачем представляться дурачком“. Вы опять будете отрицать свою вину, ему, наконец, надоест вести с вами такой бесполезный, для него, диалог в мирных тонах и он начнет повышать голос, требовать прекратить валять дурака. Если вы будете продолжать упорствовать, он вам предложит пройти к стенке и там подумать о ваших злодеяниях, а сам займется своими делами или уйдет, посадив вместо себя кого-либо из практикантов. Вы же будете стоять и думать о том, что это все означает, где вы находитесь, куда попали. Через какое-то время следователь вернется. Его отсутствие может продлиться и два, и три, и больше часов. Начнет заполнять ваше личное дело».

Я слушал и думал о том, что это бред больного человека или действительно врага, а он продолжал:

— Меня продержали не менее десяти или одиннадцати часов на «стойке», потом не трогали недели две, затем я опять стоял, но уже не десять, а двадцать часов, у меня распухли ноги, мои мучители менялись и изредка спрашивали:

— Ну как, надумал?

Больше я стоять не мог и сел на пол, заявив:

— Больше стоять не намерен.

Следователь вызвал двух парней, они подняли меня под мышки, скрутили за спиной руки шпагатом и привязали к дверной ручке. Я уже сесть не мог: выворачиваются руки — боль невозможная, а они:

— Ну как, надумал? Или предпочитаешь стоять?

С этими словами Плоткин задирает одну штанину и показывает вывалившуюся из полуботинка опухоль ноги.

— Я не помню, как добрался до койки, кто-то меня поддерживал. Вы видите, Анатолий Игнатьевич: я в летнем белом костюме, уже октябрь, здесь пока не топят, по ночам холодно, я прошу, чтобы дали мне что-нибудь потеплее, или разрешили бы принести из дома пальто, но мне отказали, заявив:

— Подумаешь какие нежности! Еще не зима… Признавайся, тогда все тебе будет: и пальто, и передача.

Но тут открылась дверь и меня повели на допрос. Следователь, молодой человек лет двадцати пяти, на вид довольно симпатичный, в штатской одежде. Фамилию его не помню. Он вежливо предложил сесть и у меня мелькнуло: «Плоткин говорил неправду».

— Ну что же, Анатолий Игнатьевич, давайте будем знакомиться. Начнем с анкеты, а потом поговорим об остальном.

Дошли до отца.

— Кто ваш отец?

— Отец военный врач, доктор медицины, он умер в 1917 году вследствие полученной на фронте контузии.

— А вы не помните его чина?

— По документам он был коллежским советником, а погоны носил полковника.

— Хорошо, запишем: сын полковника.

— Но, позвольте, — возразил я, — ведь между полковником и врачом большая разница. Первый командует людьми, от него зависит их жизнь, а врач только их лечит. Отец занимал довольно высокий пост в армии Брусилова и, несмотря на это, бросил все в критический момент одного сражения, когда не успевали подбирать раненых и оказывать им первую помощь, бросил все и выехал на место боя, где и получил контузию, приведшую к его смерти. Он еще и в японскую войну был награжден золотыми именными часами, помимо других наград. Как видите, своим отцом я могу только гордиться.

— Кому нужны эти сказки, Анатолий Игнатьевич! — с иронией отозвался следователь. — Идем дальше.

— Беспартийный.

Я запротестовал.

— Вы прекрасно знаете, что я кандидат в члены ВКП(б). Я

ошибочно был исключен во время проверки партийных документов и восстановлен, и все мои документы находятся в райкоме, о чем последний, еще два месяца тому назад, сообщил парткому участка. Я их не смог взять потому, что почти месяц находился в командировке по передаче передового опыта и методов работы, достигнутых участком, которым я руковожу, а когда приехал, то никого не смог застать в райкоме — куда-то все его работники исчезли.

— Раз мы их не изъяли во время обыска и у нас их нет, то будем считать вас беспартийным, — бесстрастно констатировал он.

Дошли до участия в общественной работе. Он пишет: «В общественной работе не участвовал, или очень немного». Это меня возмутило до глубины души.

— Как это так? Ведь я был кандидатом в члены Ленинградского Совета, председателем юнсекции на Волховстрое, внештатным инспектором Ленинградского бюро жалоб ККРКИ, председателем бюро инженерно-технической секции на Магнитострое, членом Уральского правления профсоюза строителей, делегатом V съезда инженерно-технических секций, членом горсовета Магнитки. Разве этого мало? Разве это не характеризует мою общественную работу?

— Все это ерунда. У нас нет документов, подтверждающих то, о чем вы говорите.

— Как так? — воскликнул я. — Все документы забрали во время обыска.

— У меня их нет, мне их не передавали, значит их нет.

Дело дошло до подписания анкеты. Я категорически отказался ее подписать.

— Ах, так! Хорошего обращения с тобой не понимаешь? Встать! Марш в угол! Будешь стоять до тех пор, пока не подпишешь, отвернись лицом к стенке! Ты еще расскажешь, как работал начальником иностранного отдела, передавая сведения иностранным разведкам.

Я был настолько ошеломлен брошенным мне обвинением, что на какое-то время потерял всякое соображение. Придя в себя, я заявил:

— Вы лучше о моей работе запросите полковника Болдырева, начальника СПО, он хорошо знает, кто я такой.

— На черта он мне нужен! — крикнул следователь. — Я и без него обойдусь. Подписывай!

— Не подпишу.

— Ну и стой!

Я стоял, наверное, часа два и невольно вспомнился

незаконченный рассказ Плоткина, неужели он прав? Не может этого быть! Очевидно, этот произвол исходит от местных органов. Я стоял еще какое-то время лицом к стенке в углу и вдруг мне стало почему-то смешно: меня, взрослого человека, поставили в угол, как напроказившего ребенка.

Устали ноги, я повернулся к сидящему за столом следователю и заявил:

— Стоять больше не буду. Это недопустимые методы следствия, противоречащие нашим законам конституции, это насилие!

Он вскочил и начал орать:

— Ах ты, контрреволюционная сволочь, еще рассуждаешь, что законно и что незаконно. Для вас, контриков, нет законов! Я тебе покажу закон! Такой закон, который тебе надолго запомнится.

В это время открылась дверь в кабинет и на пороге появился начальник райотдела.

— Что за шум, в чем дело?

Я заявил ему, что следствие ведется недопустимыми методами и требую свидания с прокурором. В ответ услышал, сказанное совершенно спокойным голосом, в котором сквозила ирония:

— Ему прокурор нужен! Посади его в карцер, пускай там встретится с прокурором, протрезвится немного, умнее станет.

Да, Плоткин был прав. Все шло по разработанному сценарию. Дежурный милиционер впихнул меня в какую-то темную коморку без освещения, т. к. в ней не было окна. Здесь можно было или только стоять или сидеть на полу.

Когда я немного освоился с темнотой, сел на пол, т. к. ноги все же устали, хотя стойка и не была длительной, начал осмысливать в этой темноте вопросы задававшиеся следователем и интерпретацией им моих ответов. Больше всего задело его лаконичная категоричная запись «сын полковника». Перед глазами отчетливо возник образ отца: веселого, остроумного, смелого, мужественного, порядочного, принципиального, правда, вспыльчивого человека.

Отец

Ребенком, оставшись без родителей, погибших в последнем польском восстании, был взят на воспитание его сестрой, моей теткой Марией Константиновной, сосланной вместе со своим женихом в Сибирь.

Там отец окончил гимназию и медицинский факультет Томского университета, став лекарем, практиковал в разных уездах Сибири, ведя одновременно научную работу по исследованию целебных источников, на эту тему им была опубликована не одна работа, часть из которых можно найти в библиотеке имени В. И. Ленина. В холерный год он составил антихолерную микстуру и опробовал ее на себе. Она была названа его именем. С моей матерью он встретился в Петербурге, когда там находился на повышении квалификации в одной из клиник. Они поженились помимо воли ее отчима Мартынова Николая Гавриловича, одного из основателей антикварного дела у нас в России. Он до конца своей жизни оставался врагом отца, не разрешил даже бывать в своем доме, и, когда отец приезжал в Петербург, то с матерью встречался только в часы, когда дед был на работе.

Нормальной семейной жизни у них не получилось. Мать не захотела бросить консерваторию и уехать с ним в Сибирь, а он не хотел оставаться в Питере, считая его гнилым местом по климату и городом чиновничьих интриг, где было мало места творческому простору.

Во время русско-японской войны отец находился в действующей армии. Проявил мужество и храбрость, за что, помимо воинской награды, был награжден золотыми часами с выгравированной на внутренней крышке надписью:

> Игнатию Константиновичу Конаржевскому, врачу 28-го Восточно-Сибирского стрелкового полка, в воздаяние за выдающийся подвиг человеколюбия, самопожертвования, находчивости и распорядительности при выводе раненых из-под станции Щахе в ночь с 29 на 30 сентября 1904 года.
>
> От Ея Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны 27 апреля 1906 года за № 4246 Царское Село.

Тогда же он был ранен. Мать с годовалой дочерью добралась до Читы, где он находился в госпитале, для того, чтобы в эти

тяжелые для него дни быть вместе с ним.

По выздоровлении он уехал на Кавказ в Карский укрепленный район, а мать вернулась в Петербург продолжать свою учебу.

Когда мне было немного больше года, с сестрой приключилась беда, принесшая отцу большую популярность. Находясь на даче с матерью в Гатчине и бегая по саду, она упала и слегка поранила ногу. Мать помазала ранку йодом, но через несколько дней ранка стала гноиться. Девочку повезли в Петербург к врачу, постоянно лечившему нас. Доктор Медовой предложил положить ее в больницу. За несколько месяцев ей было сделано девять операций. Собрался консилиум из видных врачей того времени, единогласно принявших решение — ампутировать ногу по колено.

Получив от матери телеграмму о положении дочери, отец немедленно приехал в Питер. Ознакомившись с историей болезни, исследовав рану, предложил провести какую-то особую операцию. Вновь собранный консилиум отверг его предложение, как губительное для девочки. Тогда он попросил дать ему возможность самому выполнить эту операцию. В этом было отказано. Заведующий клиникой заявил, что не может допустить у себя в клинике детоубийства. Отец был поддержан молодым военным врачом и они решили забрать девочку в частную клинику, где он сам и сделал предложенную им самим операцию. Сестра осталась с ногой и даже не прихрамывала. Всю свою жизнь выступала на сцене и даже танцевала. Эта история получила широкий резонанс в Петербурге и отцу предложили остаться в городе и даже попросили войти в состав консилиума по болезни наследника сына Николая II.

Я впервые увидел отца когда мне было шесть лет. Бегали с братом Константином во дворе, играли в снежки и вдруг слышим:

— Котя! Толя! Папа приехал!

«Что за папа? — подумалось нам. Наверное, страшный, сердитый». Вошли в гостиную и видим: на диване сидит симпатичный с бородой и длинными усами, в военной форме, дядька. На плечах красивые с кисточкой эполеты, а на мундире много орденов и медалей, на шее — один. Мы подошли к нему в нерешительности, он обняв сразу нас двоих, прижал крепко к себе, расцеловал.

— Ай, да молодцы какие!

Повернул нас несколько раз вокруг себя, еще раз поцеловал и усадил на колени, а на столе стояли всякие чудные кушанья: и рахат-лукум, и неизвестные нам сладости, и громадная ваза с виноградом.

— Ребята, это все ваше!

И он для нас стал совершенно не страшным. Приехал отец для того, чтобы устроить сестру в патриотический институт благородных девиц и подготовить почву для поступления брата в Военную школу императора Александра II. Через три года я тоже учился в ней. Отец ради нас, детей, добился восстановления звания «Потомственный дворянин», которого был лишен, как сосланного в Сибирь.

Как-то отец спросил:

— Кто из вас хочет поехать на Кавказ, посмотреть кота Василия Ивановича, умеющего ездить с ним верхом на лошади, собак Мильку и Гектора, как они гонятся за зайцами, поглядеть на турок, приходящих к нему лечиться и увидеть настоящего Мишку Топтыгина и поиграть с ним.

Первым изъявил согласие я. На другой день отец взял меня в гостиный двор и купил красную, красивую черкеску и кавказскую папаху. Уехать мы должны были через день, а назавтра я заболел корью. Отец отправился один.

Второй раз я встретился с отцом в 1914 году, когда его назначили начальником санитарной части в армию Брусилова и он уезжал на фронт. Третий раз лежал с ним в Николаевском военном госпитале, куда его привезли долечиваться после ранения в живот. Госпиталь посетила мать царя Николая II со своими фрейлинами, раздавала мелкие подарки раненым, мне достался портрет наследника Алексея. Там, в госпитале пришлось быть свидетелем результата диверсионного взрыва на пороховых складах, когда всю ночь в госпиталь привозили раненых. По выздоровлении отец взял меня с собой в Финляндию, куда он выехал по поручению командования проверить состояние дел на протезных заводах, а затем вернулся в действующую армию.

Из этой поездки мне больше всего запомнилось: обмен рублей на финские деньги, забытые отцом в купе поезда калоши, доставленные на другой день без всякой заявки в номер гостиницы, маленькие, зеленого цвета, трамвайчики с одним колесиком на штанге. Замечательный зоологический парк, где животные находились в почти естественных природных условиях, а главное — это военные корабли.

В декабре умер дедушка и отец переехал к нам. Мы жили на углу Лермонтовского и Троицкого проспектов в доме, где было всего три квартиры: наша, бабушкина и сестры дедушки, остальное в доме занимали гостиница, пекарня, булочная. В 1919 году из жильцов там никого не осталось. Дом стал беспризорным и его растащили на дрова. Таковы были 1919 и 1920 годы. Недаром, в 1921 году появилась характерная для тех времен

песенка «Кирпичики», где были такие строчки: «… И по винтику, по кирпичику растащили весь этот завод».

Сейчас на этом месте небольшой скверик. Узнав об убийстве Распутина, отец воскликнул:

— Слава богу, наконец-то убрали этот позор России!

Он не терпел царицу, царя считал тряпкой, человеком, не способным управлять государством. Когда свергли царя, вспоминал его без сожаления. К Октябрьской революции отнесся полусочувственно. Сначала занял, как рассказывала бабушка, выжидательную позицию, но продолжал работать санитарным инспектором.

Расстались мы с ним в июле 17-го года в связи с отъездом в Таганрог к родственнице матери. Отца больше не увидели, он умер в результате осложнения недолеченного перелома позвоночника. Телеграмма о его смерти пришла в Таганрог только в феврале 1918 года.

До сих пор сохранился в памяти инцидент, невольным свидетелем которого я был. Получилось так, что я и отец в 1915 году одновременно выписались из госпиталя, и он провожал, меня домой. Сели в трамвай и, когда зашли из тамбура в салон вагона, то у самого входа сидевший солдат с костылем в руке попытался при виде отца встать и отдать ему честь. На груди солдата красовался Георгиевский крест. Отец сказал:

— Сиди, сиди, не беспокойся.

На второй или третьей остановке в вагон зашел какой-то гвардейский подпоручик, увидя сидевшего солдата, остановился перед ним и громко скомандовал:

— А ну, встать! Что это еще за новости, чтобы нижние чины ездили в салоне? Твое место в тамбуре! Марш туда!

Отец вскочил быстро и подошел к подпоручику, схватил его за воротник и со словами: «Щенок! Молокосос! Ты должен ему в ноги кланяться» — вытолкнул его в тамбур. В вагоне раздались аплодисменты.

Именно таким горячим, действенным остался в моей памяти отец, не имевший ничего общего с тем полковничьим символом власти над тысячами солдат, которые он носил. Он был врач, доктор медицины.

Все, что я знал о нем, промелькнуло передо мной в этом темном карцере, как в калейдоскопе…

Как создавались враги народа

Продержали меня в карцере недолго. Очевидно, он понадобился для очередной жертвы. А меня отвели в камеру к Плоткину. Его в ней не было, наверное, вызвали на допрос. Я лег на свою жесткую койку и стал разбираться во всем, что случилось со мной. Было нестерпимо больно от того, что Давид Александрович оказался прав. За несколько дней нахождения в тюрьме я не слышал от обитателей камеры о таких грубых нарушениях. Да, говорили о недопустимом тоне, о стремлении следователей обязательно настоять на своем, об их грубости. Может, это было вызвано тем, что большинство из камеры вызывались на допросы по первому разу и проходили, главным образом, процедуру оформления анкет.

Поздно вечером появился Плоткин. У него был измученный вид.

— Очевидно, не выдержу всего этого ужаса, — сказал он обреченно, — от меня требуют, чтобы я сознался в каком-то моем вредительстве, а в каком, не говорят. На мой вопрос: «Что же я совершил», отвечают: «Сам знаешь». Он долго молчал, потом тихо спросил:

— Анатолий Игнатьевич! Кто из рудничных работников за время моего отсутствия арестован?

Я назвал ему нескольких, о которых знал.

— Придется что-либо сочинить, превратить в недостатки, какие-то аварии в степень вредительства.

Я отпрянул от него в ужасе.

— Давид Александрович! Неужели вы решили сдаться, на себя возвести поклеп и дать возможность им закрутить целое дело? Ведь это потянет за вами еще каких-то невиновных людей.

На это Плоткин возразил:

— Я напишу так, будто всем этим вредительством занимался только я один и никого из сотрудников не затрону.

— Вряд ли они вам поверят.

Утром меня отвезли в Воронеж, Георгий Иванович был на месте. Ему рассказал о том, что случилось со мной в Семилуках. Он слушал внимательно, не перебивая и только хмурился А в камере шли разговоры о том, что в тюрьму привезли Варейкиса, бывшего секретаря партийной организации Центральной Черноземной области и, якобы, здесь находится жена Тухачевского.

Наступила 20-я годовщина Октября. Мы отметили этот праздник чокнувшись кружками, наполненными водой. Нашлось

шесть человек, отказавшихся поднять «бокалы» в этот юбилейный день.

На допрос вызвали КВЖДинца, молодого красивого парня со спортивной фигурой. Родился он в Харбине, его родители работали в Управлении КВЖД еще до революции, и когда наша деятельность была там свернута, он вернулся на родину. В один прекрасный день пришел к ним домой рассыльный и велел им вам идти на собрание работников в клуб КВЖД. На сцене клуба находился капитан из НКВД. Когда все собравшиеся уселись в зале, он крикнул:

— Внимание! Все здесь сидящие считаются арестованными. Прошу немедленно подойти к столу и зарегистрироваться.

В дверях зала стояли четыре солдата с винтовками из войск внутренней охраны. После регистрации арестованных построили и привели в тюрьму. Никто из них не предполагал такого исхода, а то бы захватили с собой хотя бы полотенце, мыло и зубную щетку. А сколько придется пробыть здесь — неизвестно. Все думали — недолго: ведь это явное недоразумение. Всех разместили по разным камерам. Красивый «харбинец» вернулся в камеру после допроса часа через четыре. Вернее не дошел, его просто втолкнули с дверь и он еле дополз до своего места. Говорить не мог, лицо было а крыто синяками, нос распух, одного переднего зуба недоставало. Он стонал.

Мы начали стучать в дверь, требуя врача. Появился надзиратель и заявил:

— Врача сейчас нет, а вы не шумите, а то лишитесь прогулки. А этот очухается — здоровый парень.

На другой день, немного придя в себя, молодой человек рассказал, как его заставили признать себя шпионом, работавшим на китайскую разведку, заставляли подтвердить, что ряд его товарищей тоже были шпионами, связанными с хунгузами. За время моего пребывания в тюрьме подобного рода случаев с сокамерниками произошло четыре. Один имел тяжелые последствия, когда администрация тюрьмы вынуждена была отправить человека в больницу. Все это производило жуткое впечатление. В таких случаях камера замирала, устанавливалось молчание, т. к. каждый начинал думать о своей судьбе. Как будет с ним? Что его ждет? Но проходил час, другой, и камера начинала опять жить по-прежнему — разговоры о случившемся, шахматы, а иногда и споры.

Всем становилось ясно, что наступал период массовых репрессий. Бытовики рассказывали о том, что камеры забиты людьми сверх всякой нормы и следователи работают день и ночь. Среди арестованных шли споры о том, знает или не знает Сталин

о творящихся безобразиях. Я считал, что не знает. Манучаров — также.

В один из дней в камере появились три блатных типа. Один из них посмотрел кругом и подошел к нарам, на которых лежал в это время один из баптистов — тихий, тщедушный человек.

— Эй, контрик, — рявкнул тип, — поднимайся. Это место теперь будет моим, а твое вон там у параши и, выдернув из под баптиста одеяло, швырнул его на пол.

Тот робко запротестовал. Тогда ворюга схватил его за шиворот и потащил к параше. Это вызвало возмущение всей камеры. Люди бросились к бандиту и так ему поддали, что он завопил:

— Братцы, не бейте! Не буду! Простите!

Двое других блатных молчали и не вмешивались в эту потасовку, разумно оценив невыгодную для них ситуацию. К счастью эту троицу вскоре забрали.

А я опять в Семилуках и опять в камере с Плоткиным. Он совершенно расклеился. Сразу видно, что у него высокая температура.

— Как дела, Давид Александрович, — спросил я у него.

Он посмотрел на меня красными воспаленными глазами.

— Я совсем болен. Написал на себя всякую всячину. Когда писал, то даже заходили сюда, интересовались, скоро ли кончу. Ведет следствие зам. начальника райотдела НКВД, старший лейтенант по званию. Он прочитал мое признание, взял его и порвал на мелкие кусочки, бросил в корзину.

— Все, что ты написал, это чепуха. Нам стало известно о твоем участии в контрреволюционной группе Гуревича-Канера (начальника Главного управления металлургической промышленности союза) и одного из руководителей этого управления, ставившей себе задачу — свержение Советской власти и восстановление капитализма.

Я, как услышал это чудовищное обвинение, чуть не потерял сознание.

— Но ведь никакого отношения к Гуревичу и Канеру я не имел. Такое обвинение противоречит всей моей жизни и работе. Меня хорошо знает т. Серго Орджоникидзе. Он меня представлял к награждению орденом Ленина, — говорил я.

Но он перебил меня с усмешкой, заявив:

— Знаем мы вас, троцкистов! Годами завоевываете доверие, авторитет тихой сапой для того, чтобы потом ударить в спину. Вот, на тебе бумагу и карандаш и изложи как все было, кто с тобой действовал заодно, а своей дурацкой писаниной не прикрывайся. Понял?

Я заявил:

— Писать подобное не буду, делайте со мной, что хотите, писать не буду.

— Не будешь? Тогда постой, раз тебе это нравится.

Я выдержал стойку больше суток… А когда упал, меня облили холодной водой, привели в чувство и отправили в камеру.

— Посмотрите, на что похожи мои ноги.

На них было страшно смотреть, но посочувствовать ему я не успел, т. к. меня вызвали к следователю. За столом сидел ст. лейтенант, зам. начальника, тот, который вел дело Плоткина. Он обратился ко мне:

— Конаржевский, расскажи как ты заилял Дон, приносил убытки колхозам, затоплял их огороды?

Я в свою очередь спросил:

— А как же мой шпионаж. Ведь об этом прошлый раз велся со мной разговор?

— Об этом пока говорить не будем, а вот о твоих забойных делах, потолкуем.

Я понял, что очевидно, они запросили Магнитогорск о моей работе в иностранном отделе и их версия шпионажа не подтвердилась, а вот к работе в Орловом Логу можно было, с их точки зрения, прицепиться. Я начал свои объяснения с того, что я, во-первых, не начальник участка, а только прораб забоя.

Он меня перебил:

— Вот и расскажи, как это у тебя получалось, что вода из дворовых колодцев у многих колхозников стала заливать дворы, затопила их огороды, погибли овощи у многих хозяев; расскажи, как ты спускал из отстойников неосветленную воду и этим самым заилял Дон.

Пришлось объяснять, что затопление какого-то количества огородов было предусмотрено проектом, и это было связано с несвоевременным оформлением наркоматом в Совнаркоме отчуждения части земли, подпадающих под повышение грунтовых вод. Вставал вопрос: или прекратить работы, или пойти на компенсацию обязательных убытков. Наркоматом было принято решение — пойти на убытки и предусмотреть их в смете, в составлении которой принимала участие специальная комиссия в составе представителей райисполкома, поселкового совета, треста, рудника и владельцев огородов, а также Райфо и представитель нашего участка. Была оценена урожайность и, по существующим рыночным ценам выплачена компенсация, никто из пострадавших не предъявил ни одной претензии. Прекращение же вскрышных работ привело бы к остановке завода, имеющего оборонное значение.

— Так, что, — заключил я, — не могу считать себя вредителем. Поинтересуйтесь документами, они подтвердят мои объяснения. Случай прорыва дамбы действительно имел место, единственный раз и был связан с сильным ливнем, но грунт до реки Девицы не дошел, так что никакого заиления Дона не было.

К моему удивлению, он очень спокойно выслушал мое объяснение и сказал:

— Хорошо, проверим. — Затем задал вопрос:

— Почему ты не подписываешь анкету? Это задерживает следствие. Есть такая статья 206, которая предъявляется обвиняемому по окончании следствия и дает ему право изложить свои замечания и претензии по самому следствию, свое несогласие с сим. Эти замечания обязательно рассматриваются прокурором и ты будешь иметь право написать все, что найдешь нужным. Подумай об этом.

В тюрьме я поинтересовался, есть ли такая статья или это выдумки. Военный юрист, тоже арестованный, подтвердил мне, что она существует.

Георгия Ивановича так на допрос и не вызвали, чем он был очень удручен, неизвестность хуже всего.

15 ноября меня опять увезли в Семилуки и я снова увиделся с Плоткиным. Когда зашел в камеру, то на кровати сидел Плоткин, но это был уже другой Плоткин, и я его снова не узнал. Он был побрит, умиротворен, на нем был уже не летний костюм. Он, улыбаясь, открыл тумбочку и предложил угощаться. Чего только и ней не было! Сливочное масло, печенье, варенье, поджаренная курица, шоколад и отдельно завернутый в прозрачную бумагу белый хлеб.

Откуда все это богатство, Давид Александрович?

— Благодаря тому, что я подписал все их требования, вынес сам себе, наверное, смертный приговор. А это их «благодарность».

А произошло это так:

— Вы, уходя отсюда в прошлый раз, оставили меня совсем больным, поздно вечером или ночью меня под руки два дежурных парня доставили в кабинет к ст. лейтенанту. Он сходу предложил подписать заготовленную ими бумагу, в которой была изложена версия моего участия в контрреволюционной группе Гуревича, о которой я вам говорил прошлый раз и, которая, как оказалось, была включена уже полностью в протокол допроса. Я отказался ставить свою подпись, заявив, что пока еще не сошел с ума. Началось повторение методов первых допросов. Не знаю, не помню, сколько пришлось снова стоять. Я потерял сознание меня обливали водой, пичкали нашатырем. Словом, привели в чувство, и опять заработала эта, как будто не имевшая и не носившая в

себе никакой угрозы, дверная ручка. Мне было очень плохо: ведь я был болен, у меня поднялась температура до 40°. Я испытывал одно единственное желание — спать, спать и спать, на остальное на все было наплевать. Я находился в каком-то бредовом состоянии, а тут под ухо твердили — «Подпиши — и ты будешь отдыхать, сколько захочешь, тебе все будет дано: и теплый костюм, и богатая передача».

— Поверьте, сил сопротивляться больше у меня не хватило, и внутренне рыдая, я подписал, не читая уже полного текста. Вот и все, таков финал. Понимаете, Анатолий Игнатьевич, я дошел до такого состояния, что даже не презираю себя и приготовил себя к смерти. Вы говорите «Сталин». Поверьте мне, он все знает, что делается в его застенках, в застенках Ежова. Вы сами уже частично испытали эту «прелесть» на себе. Дай вам бог не испытывать большего.

Я был буквально ошеломлен его речью. И невольно подумалось: боже мой, до какого же состояния нужно было довести человека, что он доволен (не будем говорить «счастлив») тем, что подписав себе, может быть, смертный приговор, обрел хоть какое-то подобие покоя.

Я опять у ст. лейтенанта.

— Знаешь, Конаржевский, давай кончать всю эту волынку. Вот все записи, протоколы допросов о твоем вредительстве. Я рву их при тебе, бросаю в корзинку, если хочешь, то могу их при тебе сжечь. — С этими словами, к моему величайшему удивлению, он порвал на мелкие кусочки эти документы.

— Но это вовсе не значит, — продолжал он, — что ты невинная овечка. Ничего подобного. Ты остаешься врагом. Теперь не отвертишься. Ты слушал Гитлера по радио? Слушал! И рассказывая некоторым товарищам из твоего коллектива, в т. ч. и Манучарову, ты восхвалял Гитлера, на что имеются свидетельские показания. И он мне зачитывает, не называя фамилий.

— Скажите же, кто эти клеветники? — только и мог выговорить я.

— А тебе это не обязательно знать — отрезал он.

— В таком случае я разговаривать с вами отказываюсь.

— Ну, ладно, назову.

И он действительно называет двух-трех работников с моего забоя. Фамилии их не называю, но пускай заговорит в них совесть, если когда-нибудь они прочтут эти строки. Трусливые, подленькие душонки. В 1956 году, когда разбирался мой вопрос о партийности в Сталиградском обкоме партии, выяснилось, что они дали ложные показания под нажимом следователя.

— Но ведь это ложь! ложь! Это самая настоящая клевета!

Дайте очную ставку с ними, — потребовал я.

— Никаких ставок! Это вполне достаточный документ, чтобы предъявить статью 10, что означает антисоветскую агитацию, которую ты вел. Давай будем составлять протокол.

Мои ответы были все отрицательными, и он их записывал слово в слово, не искажая, поэтому я безо всякого возражения подписал протокол.

— Ну вот и хорошо! Остается теперь последнее — подписать анкету. Я тебе говорил о 206 статье. Воспользуйся ею, или ты будешь сидеть в тюрьме бесконечно, если она тебе нравится.

Я вспомнил свой разговор с юристом в тюрьме по поводу этой статьи и решил подписать анкету в расчете на изложение своих несогласий с теми искажениями ее, которые допущены следствием. Прокурор, прочтя их, наверняка должен будет мое дело передать на переследствие. Да я взял и подписал. К моему удивлению, следователь встал и протянул мне руку.

— Вы правильно поступили, Анатолий Игнатьевич.

Впервые он обращался на «Вы» и по имени и отчеству.

Так закончились мои следственные дела. Здесь, в Семилуках, очевидно, не применяли сильных физических воздействий, считая, что объект истязаний может кричать и крик будет услышан в соседних домах. В тюрьме иное дело, там все глухо, поэтому некоторые следователи приезжали из районов для ведения следствия прямо в тюрьму.

Меня тут-же отправили в Воронеж, на этот раз в машине. Плоткина Давида Александровича я так больше и не увидел. Не знаю, что с ним стало, остался ли он жив или погиб в этой страшной мясорубке. И вот я снова в прежней, набитой людьми, камере. Она гудела как улей: со следствия вернулось в этот день шесть человек, причем, без синяков, кровоподтеков и с целыми зубами.

Я рассказал Георгию Ивановичу о том, что было со мной и чем все обернулось, о том, как там фигурирует и его фамилия, но что о нем следователь ни разу не упомянул при моем допросе. Однако, было ясно, что кто-то написал донос.

Георгий Иванович по-прежнему болезненно переживал неясность своего положения. Действительно, было странно — со мной было все закончено, а его как-будто забыли.

Теперь я ждал вызова на переследствие. За время трехнедельного пребывания в тюрьме нас водили в баню всего один раз, да и спали мы в одежде. Это способствовало быстрому размножению паразитов. Вечером вся камера по команде начинала охоту за вшами. Противное, очень противное занятие, но ничего не поделаешь, иначе заедят. Неожиданно, числа 20-го

получил передачу от жены. В ней был мой цигейковый полушубок, приобретенный еще в Магнитогорске, благодаря встрече в 1934 году в очень сильные морозы делегации из Кузнецка во главе с Хитаровым, приехавшей для заключения договора на соцсоревнование, а также шапка-ушанка, теплые носки. 23 или 24 ноября меня вызвали к начальнику тюрьмы. Я решил, что, наверное, к прокурору. В его приемной находилось человек десять, вызывали нас поодиночке. В кабинет зашел какой-то дед, лет шестидесяти, если не больше. Пробыл он там минуты три и вышел с совсем белым лицом и слезами на глазах. Остановился на середине приемной и сквозь рыдания негромко произнес:

— Что же это делается? Господи, помилуй! Ведь я не доживу до свободы, не выдержу десять лет. За что я должен принять эти страдания?

За ним пошел второй, третий, четвертый и выходили все, кто с восемью, кто с десятью годами лишения свободы. У всех были растерянные лица, некоторые даже как-то странно криво улыбались, настолько все эти приговоры казались невероятными.

Очередь дошла до меня. Начальник сидел за большим письменным столом, рассматривал какие-то бумаги, как-будто меня и нет в кабинете. Я кашлянул, он поднял голову.

— Как ваша фамилия?

— Конаржевский Анатолий Игнатьевич.

Он перелистал несколько листов и какой-то взял в руки.

— Подойдите к столу, вот вам ручка и чернильница, вот в этом месте распишитесь, а сейчас я вам зачитаю: «Тройкой НКВД осуждены по статье 58 п. 10 за антисоветскую агитацию — к 10-ти годам лишения свободы с отбыванием срока наказания в исправительно-трудовых лагерях. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит».

Вот и все… Я вышел из кабинета убитый. А где же статья 206? Где прокурор? Где переследствие? В конце концов, где же суд? Как же можно осудить человека, вернее приговорить его к 10 годам лишения свободы, даже не посмотрев на него, не поговорив с ним. Все заочно. А ведь тройки, наверное, состоят из коммунистов. Где же их коммунистическая совесть? Где элементарные понятия о справедливости? Вот где действительные враги народа. И все же Сталин, наверное, не знает о том, что творится вокруг и что делается знаменитыми «Ежовыми рукавицами». С такими мыслями я вернулся в камеру. Остановившись у дверей, я не мог сделать ни шагу. Все, все кончено. 10 лет! А мне сейчас всего 31 год. Боже мой! Лучшие годы провести там, за колючей проволокой. Манучаров подошел

ко мне и одними глазами спросил:

— Ну, что?

Я едва слышно ответил:

— Десять.

Георгий Иванович мне не поверил. Потекли дни ожидания… Через некоторое время меня перевели в другую камеру, камеру осужденных. С Георгием Ивановичем мы расстались с болью в сердце. Его так и не вызывали на следствие.

Перед этапом

Это была большая камера. И ни одного знакомого лица. На душе, ой, как тяжело. На другой день начались самые унизительные процедуры. Первая из них была дактилоскопия пальцев. Эта процедура вызывала нестерпимую душевную боль. Когда каждый палец, бесцеремонно взятый хлесткой рукой тюремщика, намазанный черной мастикой и прижатый к белой бумаге, отдавал десятью болевыми ударами в мозг и безмолвным криком «За что? За что?».

Представьте себе, что должен пережить человек, не знающий за собой никакой вины и превращенный в закоренелого преступника, в деле которого в архивах будут храниться до конца его жизни отпечатки его пальцев. Остригли. Затем фотограф заснял меня к анфас и в два профиля. Замерили рост, описали цвет волос, глаз, но особых примет не оказалось. Теперь я, оформленный по всем правилам и инструкции, как настоящий преступник, вычеркнут на 10 лет из общественной жизни страны. Неужели это не сон? Что теперь будет с Феей и с Юрой? Как они перенесут этот позор? И, невольно, мне вспомнился юрист, который говорил о деятельности всякого рода особых совещаний, троек, расправлявшихся направо и налево, как только им захочется, имеющих право расстреливать и отправлять людей на долгие годы за колючую проволоку лагерей и колоний, ссылать их на 10 и больше лет в глухие, совсем необжитые места нашей страны, а оставшихся без родителей детей прятать в интернаты под другой фамилией. Путь к этому проложило Постановление ЦИК СССР от 1 октября 1934 года «О внесении изменений в действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик», в котором говорилось, во-первых о том, что следствия по делам о террористических организациях актов против работников Советской власти, должны заканчиваться в срок не более десяти дней; во-вторых необходимо вручать обвинительные заключения за одни сутки до рассмотрения дел в суде; в-третьих — дела можно слушать без участия сторон; в четвертых — не следует допускать кассационного обжалования приговора, равно как и подачи ходатайства о помиловании, и в пятых — приговор к высшей мере наказания приводить в исполнение немедленно по вынесению приговора. На этом постановлении стояли подписи Калинина и Енукидзе. Не это ли постановление, появившееся в ответ на убийство С. М. Кирова, воспринятое большинством населения страны, как вполне правомерное, явилось благоприятной почвой для чудовищных, бесчеловечных действий

идеологически неустойчивой, беспринципной части работников НКВД, прокуратуры, подмявшей под себя истинных последователей Дзержинского.

Безнаказанность и благословление свыше привели к «соревнованию»: «кто больше разоблачит врагов народа — тот впереди». Раздумывая все время над этим, я вспомнил годы массовой коллективизации, когда бригада в составе т, т. Михеева, Вихорева и меня, бригадира, не могла никак понять успехов ряда ответственных работников Гдовского района Ленинградской области, допивавшихся 100 % вступления крестьян в колхозы. У нас этого не получилось, и в наш адрес сыпались обвинения в неумении работать и даже обещания сообщить в Ленинград. Шло тоже своеобразное соревнование «Кто больше даст процентов охвата», что вызывало стремление у многих работников во что бы то ни стало быть впереди, и для достижения цели применялись недопустимые приемы вроде таких: агитирующий выкладывал из кармана на стол пистолет и возглашал:

— Колхозы — это детище Советской власти, кто против их и не хочет вступить в колхоз, значит он против Советской власти и таким место на Луне, а не на советской земле.

И люди, сжавшись от страха, записывались, шли в колхоз. Правда, разница была в том, что тогда эти перегибы, в какой-то мере, были исправлены Сталинским письмом «Головокружение от успехов», а преступления 37–39 годов — только сейчас, когда согни тысяч были уже уничтожены, а вернувшиеся домой оказались больными и, в большинстве своем, надломленными стариками. И все-таки Сталин оставался Сталиным — «отцом народа». Даже за решеткой многие, очень многие, продолжали верить ему, даже, вернее, не ему, а в него.

В камеру с каждым часом прибывали осужденные. Очевидно, спешно готовился этап, надо было разгружать слишком переполненную контрреволюционерами тюрьму и дать место очередным жертвам произвола. К вечеру в ней собралось 32 человека. Среди них оказались уже знакомые мне два баптиста, здоровенный дядька Черноиванов, лет 45, осужденный за бандитизм, и колхозник из той камеры Литвинов, имевший статью просто КР (была, оказывается, и такая аморфная статья). Мое внимание привлек сидевший в самом уголке мальчик лет 15-ти. Выглядел он совершенно не растерянным, с любопытством рассматривал людей, он не был похож на удрученного своей судьбой человека. Я подошел к нему и поинтересовался, за что его осудили и на сколько. Оказалось, группа ребят, школьников затеяла игру в Сталина, Молотова, Ворошилова и Тухачевского, в которой получилось так, что Тухачевский арестовал Молотова, об

этом услышал кто-то из учителей и написал в НКВД. Всю группу в шесть человек арестовали и дали по 5, 7 и 8 лет.

— Я получил 7, — сказал мальчик.

Вот, оказывается, как просто и коротко решались судьбы. Но сколько трагедий, в этой неподдающейся здравому смыслу истории, с детьми, сколько в ней затронуто семей, переживающих, потрясенных, неожиданно свалившимся на них несчастьем. Сколько искалеченных маленьких жизней? Володя сидит на своем рюкзаке и улыбается, он даже, пожалуй, чувствует себя в некотором роде героем, не верит в эти семь лет, считает, что это так просто, несерьезно и скоро он вернется домой. А я подумал, ведь это дети, что же с ними будет, когда они пройдут через школу лагерей и колоний, какова будет их судьбы с клеймом КР за плечами. А сейчас вот он, еще мальчик, Володя будет оторван от здоровой, нормальной жизни, от родителей, школы, общества; не захлестнет ли его и таких, как он, лагерная блатная, извращенная среда? На эти вопросы я не находил ответа. А что происходило со мной? Я не жил, а был в каком-то кошмарном трансе. Неужели, неужели это не сон? Эти избитые люди, лишенные свободы заочно, отсутствие права самозащиты, пытки, искусственное создание врагов народа. Далеко не сразу я понял, что это не единичные, из ряда вон выходящие случаи, а определенная система. Но кому это надо? Кто же стоит за всем этим? Он, Сталин? Нет, не может этого быть. Его образ для меня оставался чистым. Я защищал его перед меньшинством, утверждающим обратное, говорил, что лес рубят — щепки летят, что один, действительный враг, может быть опаснее целой армии, а недопустимое поведение многих следователей не что иное, как произвол. К сожалению, это оказалось не так. Большинство было жестоко обмануто, в том числе и я.

Этап

Наступил вечер. Всех занимал один-единственный вопрос: куда повезут, в какие места, отдаленные или близкие? Что готовит ближайшее будущее? Работая в начале тридцатых годов зам. начальника строительства второй магнитогорской плотины, я получил довольно хорошее представление об исправительно-трудовых колониях, т. к. на строительстве плотины все неквалифицированные работы исполняли заключенные только с бытовыми статьями, политических в колонии не было. Возницей, а просто кучером закрепленных за мной пары лошадей был Степан, убивший из ревности свою жену и имевший срок наказания 8 лет. Как-то даже не верилось, что такой простой, общительный человек мог стать убийцей. Мне приходилось часто бывать в зоне колонии, там всегда был порядок и чистота: в бараках аккуратно застеленные постели, возле каждой кровати тумбочки, полы мытые и питание вполне сносное; в зоне даже был продуктовый ларек. Магнитогорская НТК имела несколько участков, ее возглавлял деловой, высококультурный начальник — Гейнеман, с которым у меня сложились хорошие взаимоотношения, как в деловой, так и в личной жизни. В 1938 году его расстреляли, об этом поведал мне Михаил Альбертович Арш, работавший в Магнитке директором дома инженерно-технических работников, где я был неосвобожденным сначала заместителем, а потом председателем правления. М. Арш, его жена Зоя Левицкая и Поляков были организаторами Магнитогорского ТРАМА, а когда в 1936 году закончили строительство драматического театра, Арш стал его первым директором. В 1938 году он угодил в Магадан на 7 лет, счастливо отделался, т. к. «группа» обвиняемых, по которой он шел, была почти вся расстреляна. Умер он в Москве, реабилитированным. Помогал известной всем народной артистке Ирме Яунзен в ее работе в ЦДРИ. Так что представление об ИТК я имел, а что такое лагеря — не знал, и эта неизвестность, неопределенность в отношении ближайшего будущего, естественно, вызывала тревогу. Хотелось об этом не думать, но ничего не получалось, все равно думалось.

Особенно плохо было тогда; когда приходили в голову мысли о семье. Я считал необходимым при первой же возможности сообщить жене, чтобы она считала себя совершенно свободной, не связывала бы свою дальнейшую жизнь с моей. Ей было только 32 года, она молодая, интересная женщина, немало мужчин обращало на нее внимание; вернусь ли я через 10 лет, это вилами

по воде писано, и если, допустим, вернусь, то в 42 года с тяжким грузом за плечами, вряд ли можно будет устроить нормальную жизнь. Надо обязательно «развязать ей руки». Юру есть кому воспитать, брат Константин, сестра Ираида, мама, возьмут его под свою опеку и выведут в люди. Поможет жена, ее брат. Он не останется в стороне, он один из первых пролетарских писателей, автор нашумевшего в начале 20-х годов романа «Голод», сибиряковец, челюскинец, Сергей Семенов.

Зашел надзиратель и объявил:

— Приготовиться к отправке.

Начали вызывать по одному человеку. В коридоре обыскивал вещи военный конвой, каждого раздевали донага, и самое унизительное, в моральном отношении, осматривали даже задний проход. Мне хоть в чем-то повезло: за час до этапа я получил передачу — вещевой мешок и в нем теплое белье, полотенце, теплые шерстяные носки и буханка белого хлеба, которую конвой при обыске протыкал шилом вдоль и поперек. Формировался комплект на вагон — 32 человека. Но вот обыск и приемка заключенных закончены. Нас вывели во двор к воротам тюрьмы, а затем по одиночке на улицу, где опять происходила сверка с формулярами, но уже в оцеплении солдат с винтовками наперевес и овчарок.

Несмотря на то, что был только конец ноября, стоял довольно сильный мороз, пришлось опустить наушники, ноги почти не мерзли, выручали теплые носки. Мы не имели права стоять и, топчась, разогревать ноги. Нас сразу, при выходе, встречала команда «Садись!». Наконец колонна сформирована. Команда: «Встать! Внимание! Во время движения колонны не разговаривать, соблюдать строгий порядок, идти в затылок, не отставать, из рядов не выходить, шаг вправо, шаг влево — считается побегом, конвой применяет оружие без предупреждения!»

Такую тираду приходилось слышать не один раз, но запомнилась больше всего эта, первая. Я до сих пор часто слышу ее во сне, хотя прошло уже немало лет с тех пор. Колонна тронулась. Злой, хриплый собачий лай и крики конвойных «подтянись!», сопровождали нас всю дорогу. Наконец, привели в какой-то железнодорожный тупик, где находился эшелон из двадцатитонных вагонов, он освещался отблесками прожекторов и фонарей товарной станции и одного прожектора, установленного на последнем вагоне эшелона. У каждого вагона стояли охранники. Нас подвели к составу, посадили на землю. Вся колонна, как оказалось, была разбита и построена по вагонам. Я был в первом таком подразделении. Появившийся откуда-то

командир предложил нашей группе следовать за ним и повел нас вдоль эшелона к самому дальнему вагону, здесь он вытащил из полевой сумки папку и начал выкликать фамилии по алфавиту. Внимательно вглядываясь в наши лица, сравнивал каждого, наверное, с фотокарточкой, предлагал назвать имя, отчество, статью, срок. Затем, опрошенный лез в вагон. Я выбрал себе место на верхних нарах у зарешеченного окошка. На нарах разостлана довольно толстым слоем солома, посередине вагона стояла буржуйка, около нее — небольшая кучка угля. На полке, прибитой к противоположной двери, стоя бак с водой и прикрепленная к нему тонкой цепочкой жестяная кружка. У той же полки, внизу, находилась небольшая параша без крышки, доставлявшая нам большие неприятности в пути в связи с ее малой емкостью: она часто переполнялась и из нее выплескивалось содержимое на пол вагона.

Рядом со мной разместился Литвинов — добродушный здоровяк, осужденный по ст. КР на 10 лет, за ним Василий Федорович, пожилой, но физически крепкий человек (фамилии не помню), директор совхоза, член партии с 1923 года, участник гражданской войны, осужденный на 8 лет по ст. КР, его обвиняли в пособничестве троцкистам. Вторым от меня был веселый, неунывающий комсомолец Филипп, или, как его потом все звали, Филя. Работал он в райкоме комсомола вторым секретарем. Попал в тюрьму за то, что в разговоре с ребятами-комсомольцами высказал свое мнение в отношении появления такого большого количества врагов народа. Кто-то донес на него. Дальше, за ним, колхозник средних лет, ляпнувший в адрес колхоза и райисполкома какую-то глупость, подхваченную выслуживающейся дрянью и донесшей куда следует. На противоположной стороне разместились — старый знакомый Черноиванов, два баптиста, причем один из них с благолепным лицом, действительно представлял собой противника нашего строя, не стесняясь, говорил об этом мне, часто приходилось с ним дискутировать во время нашей длинной дороги. Там же устроился и подросток Володя, волею судеб оказавшийся в нашей группе, другие спутники совершенно стерлись в моей памяти, если не считать четырех жуликов, молодых ребят, компанией продававших на жд станциях табак в пачках, набитых опилками, не брезговали и мелким грабежом. Сидели они уже не один раз, но вели себя тихо, без каких-либо выкрутасов.

Через некоторое время в вагоне появился старшина и приказал выбрать старосту вагона. Старостой избрали меня. Я предложил распорядок жизни и поведения во время следования эшелона. Они заключались в следующем: чтобы никому не было

обидно, в отношении горбушек и мякишей хлеба, или кажущейся на вид большей или меньшей порции, дежурный пальцем показывает на ту или иную пайку, спрашивая:

— Кому?

То же самое при раздаче сахара. Раздает баланду также дежурный один раз в день. Запрещено нецензурно ругаться. Всем ложиться спать в одно время, кто не хочет — разговаривать вполголоса. Делать пятиминутные физзарядки, курить только внизу, у буржуйки во избежание пожара. Топить и ночью (это входит в обязанности дежурного), уголь беречь, т. к. достается он тяжело, согласно заявлению конвоя. Парашу выносить по очереди, мимо не мочиться, окурки бросать или в буржуйку, или в парашу. Вот такой жесткий распорядок был установлен в нашем вагоне.

Этот первый этапный вечер прошел больше в молчании, каждый думал о пройденных днях и о своем неизвестном будущем, о том, как сложится жизнь, придется ли свидеться с родными, как к тебе отнесутся, если останешься живым и выйдешь на свободу, окружающие люди: с сочувствием или с подозрительностью и холодностью будут к ним относиться. Не хотелось разговаривать и потому, что слишком все устали после многочисленных треволнений.

Ночь прошла спокойно, но спалось плохо: будили и раздражали периодические удары деревянного молотка по дну вагона и наружным боковым стенкам. Это конвой проверял, нет ли сорванной доски — подготовки к побегу. Целесообразность такой проверки сомнительна. Никто не рискнет прыгать на ходу поезда под вагон, зная, что в конце эшелона пристроены специальные грабли, которые обязательно поймают беглеца. На остановках, с двух сторон эшелона стоят часовые, кроме того, эшелон освещен прожектором.

Наступил второй день этапа. Утром открылась дверь и нам передали в мешке 32 порции хлеба, розданные согласно принятому порядку. Затем принесли бак с горячей водой и сахар, что было очень кстати, т. к. за ночь все здорово продрогли. Конвой предложил кого-нибудь послать за углем. Послали моего соседа, как самого здорового с наказом, по возможности побольше набить мешок. Наказ был выполнен добросовестно. Это уже кое-что. Можно пороскошничать с теплом.

Прошел день, а мы все еще находились в Воронеже. Родные некоторых заключенных, узнав где стоит эшелон, каким-то образом, сумели организовать им передачи. Такая передача была получена неприятным баптистом и юным Володей. Баптист свою передачу сразу запрятал под голову, даже не посмотрев, что там

ему прислали и ел ее содержимое по ночам, даже не угощая своего товарища. Володя сразу же разложил все на виду у всех, а там, оказалось сало, масло, белый хлеб, домашние пирожки и пирог с мясом. В общем не менее десяти килограмм.

Мальчик начал тут же всем предлагать отпробовать пирожки, но все как-будто сговорились, категорически отказывались от угощения и рекомендовали ему не набрасываться на еду сразу, а разумно растянуть припасы, учитывая неизвестность, т. е. длительность в дороге. Лишь через час наш эшелон тронулся. Это был третий день. Вздохнули с облегчением — все ближе к цели, хотя и малоутешительной. Поезд набирал скорость.

Двадцатитонный вагон качало из стороны в сторону. Вспомнился 1918 год, когда мать, сестра, брат и я добирались из Таганрога в Петроград, в голодный, холодный, холерный Петроград. Маме тогда говорили:

— Что ты делаешь, Лиля? Ты погубишь ребят, ты же слышала о Совдепии, что там творится.

Но она была непреклонна, какими-то путями получила разрешение от германских властей на выезд в Советскую Россию и мы все четверо благополучно добрались в свой родной Петроград. Было все, и подобная теплушка, и демаркационная зона, через которую тряслись по ухабам на простой телеге, и Питер без кошек, собак и голубей, они были съедены, и холера, унесшая близких, и помощь АРы в виде яичного порошка, но это был наш Петроград! Ох! Как тяжело заснуть, когда помимо твоей воли возникают всякие воспоминания, хорошие или плохие, и стал я считать по примеру Владимира Ильича от ста до нуля. Заснул. Место мое оказалось очень плохим. Стенка была ледяной, да еще из окошка, хоть и небольшого, несло холодом. Прямо на голову приходилось опускать наушники и поднимать воротник шубенки, здорово спасавшей меня от замерзания. Мы с соседом, тесно прижавшись друг к другу, старались не двигаться, чтобы не растерять накопившееся от собственных тел тепло.

Итак, мы едем, едем, едем. Вернее нас везут, везут, везут. Людям делать нечего — лежат, ходить некуда, да и негде. Сидеть, свесив ноги с верхних нар, доставляло неприятности нижним жильцам, садиться внизу на первом «этаже» — тоже неудобно, надо тревожить лежащих, а может, и уснувших. Опять нехорошо. Вот и начинается всякая никчемная болтовня. Тут Литвинов и вспомнил о моем участии в вечерних рассказах, проводимых в камере тюрьмы.

— А что, если вы, Анатолий Игнатьевич, что-нибудь расскажете нам интересное?

Я подумал, стоит ли, поймут ли все: публика разношерстная.

Но решил: стоит, может быть отвлекутся от всяких грустных мыслей, похабных анекдотов. Рассказал «Отшельника» Боккачио. Всем понравилось, слушали внимательно и в один голос попросили еще что-нибудь рассказать и я рассказал о слепом музыканте Ваяна Кутюрье. С этого дня я стал заправским рассказчиком. Пришлось восстанавливать в памяти все, что когда-то и недавно читал: Золя, Стендаля, Лавренева, Мериме, Роллана, Толстого, Шагинян. Память у меня была очень хорошая.

На тридцатый день пути пришлось уже кое-что просто фантазировать, выдумывать такое, которое захватывало бы моих невольных слушателей. Я удивился своей фантазии, переплетал между собой различные произведения разных авторов: и Драйзера, и Дюма, и Келермана. Слушали с исключительным вниманием, как ни странно, большими поклонниками этих часов, почти художественного рассказа, были четыре жулика-воришки. В эти часы, во всяком случае, большинство жителей вагона, в том числе и я, забывали, отключались от всяких грустных мыслей. Иногда играли. Задумывалось имя знаменитого человека, вошедшего в мировую историю. И нужно было, задавая вопросы, отгадать это имя. Я отгадывал быстро.

Эшелон шел и шел. Узнать где мы находимся, было невозможно, т. к. его принимали на боковых или задних путях. Окошко покрылось толстым слоем льда и через него ничего не было видно. Приносившие пищу, на наши вопросы «где мы?», не отвечали и вообще не разговаривали с нами, настолько они были отдрессированы. Но вот, однажды открылись двери и кто-то предложил приготовиться к выходу, но без вещей.

— Пойдете в баню.

Это была большая радость, т. к. вши за это время (30 дней) нас в полном смысле слова заели, хотя мы и вели с ними борьбу, уничтожая их над раскаленной буржуйкой.

Опять те же винтовки наперевес, лающие морды овчарок, команды:

— Не отставать! Подтянись!

Привели нас на пропускной санитарный пункт, предназначенный, очевидно, для приема воинских частей. Меня поразило обслуживание нас, голых мужчин, молодыми женщинами, было неудобно, стеснительно, а они вели себя как рыба в воде. Отмылись мы наславу. Впервые моя шубка попала в вошебойку и, когда принесли одежду и я взял ее в руки, то сразу ощутил ее хрупкость — так она высохла. На дворе мороз градусов сорок — ведь это Красноярск. Когда вернулись к эшелону и построились у вагонов, неожиданно раздалась команда «Садись!» и часть конвоиров полезла в вагоны делать обыск. Ну, подумал я,

это наверняка или воспаление легких, или в лучшем случае, ангина. Сидели, правда, недолго, минут двадцать и, замерзшие, дрожащие, поднимались в вагон, холодный, потерявший за время нашего отсутствия созданный в нем нами, нашим дыханием и телами тепло… Начали немедленно заниматься гимнастикой, разогревать в кружках на буржуйке замершую в баке воду. Вся эта процедура заняла не менее часа.

В Красноярске мы стояли сутки. Как ни странно, но среди нас никто не заболел.

Новый, 1938 год, встречали в пути. Я поздравил всех спутников по несчастью с Новым, 1938 годом, пожелал не отчаиваться и надеяться на освобождение и скорую встречу с родными и близкими. А сам мысленно представил себе, как невесело жена и сын встретят этот Новый год. Где они? Или у моих родных, или у брата жены Николая, носившего один ромб в петлице, работника НКВД и в последнее время пристрастившегося к спиртному.

При встречах со мной в откровенных беседах он намеками давал понять, с какими трудностями ему приходится сталкиваться последнее время на службе. Многое, с его точки зрения, делается недопустимого, т. к. ему часто теперь приходится вступать в конфликт с начальством. В 1938 г. его понизили в должности и перевели в какую-то ИТК начальником ППЧ.

И снова стук колес возвращает меня в мою собственную жизнь. Темный, неосвещенный, холодный вагон, невероятная тоска, окружение непонятных мне людей, с их чуждой, примитивной психологией, в которой преобладал основной мотив «наплевать мне на все и на всех, лишь бы я выжил». Особенно это проявлялось среди бытовиков. Такой мрачной была для меня встреча этого Нового года. Вспомнился Новый, 1934 год, шумный, веселый, полный планов, надежд… И передо мной возник образ Виссариона Виссарионовича Ломинадзе. Почему-то именно в эту ночь перед моими глазами прошла его жизнь на Магнитке.

Ломинадзе В. В.

Приехал он в Магнитогорск в сентябре месяце 1933 года одновременно с Абрамом Павловичем Завенягиным. Ломинадзе сменил Спирова в горкоме партии, Завенягин — Мышкова, директора комбината. Эта замена явилась результатом посещения Магнитки Серго Орджоникидзе в июле, когда он высказал явное недовольство состоянием дел, как в эксплуатации, так и в строительстве низкой организации труда, качеством продукции действующих цехов, медленным освоением новой техники и технологическими процессами. Особенно резко критиковал он руководство на собрании актива с широким участием рабочих за грязь, недоделки, отсутствие заботы о бытовых условиях, культуры в бараках.

Серго тогда прямо заявил, что город в том виде, какой имеет, не может называться социалистическим. За доменщиками образовался значительный долг по чугуну. Вот в такой сложной, неудовлетворительной обстановке пришлось начинать свою деятельность на Магнитке Виссариону Ломинадзе, бывшему секретарю КИМа, секретарю ЦК партии Грузии и Закавказского крайкома. Магнитка получила партийного работника ленинского стиля, высочайшей культуры и эрудиции, одного из соратников Орджоникидзе и Кирова, высоко ценивших способности и энергию Ломинадзе.

Назначение Ломинадзе магнитогорцами было встречено с большим удовлетворением, тем более, что оно свидетельствовало об отмене опалы, которой Ломинадзе подвергся в 1930 году, будучи, по предложению Сталина, постановлением объединенного Пленума ЦК и ЦКК в 1930 году исключен из членов ЦК КПСС за «фракционную антипартийную деятельность право-левацкого блока Сырцова-Ломинадзе», объявление успехов нашего строительства очковтирательством утверждение, что в советском аппарате Закавказья царит барско-феодальное отношение к нуждам и интересам рабочих и крестьян. Опала закончилась награждением В. Ломинадзе орденом Ленина за работу на заводе № 24, куда он был направлен после исключения из ЦК.

Я не мог вспомнить, кто из обкома партии представлял нам Васо (так иногда товарищи звали Ломинадзе), но хорошо помню мою первую встречу с ним. Это произошло вскоре после его приезда. Зашел я однажды в ДИТР — дом инженерно-технических работников, заместителем председателя правления которого я был, чтобы решить с Михаилом Альбертовичем Аршем,

директором ДИТР, некоторые текущие вопросы. Мы сидели в кабинете Арша, обсуждая наши дела, как неожиданно к ДИТРу подъехал на машине Ломинадзе. Арш поспешил навстречу. Я вышел в вестибюль за ним. Арш представился сам и представил меня. Ломинадзе был высокого роста, плотный, с волевым лицом, копной черных волос на голове и со взглядом несколько исподлобья, а в целом, он почему-то напомнил льва.

— Ну, покажите мне ваш ДИТР! Наслышан о нем, как об одном лучшем месте для отдыха на Магнитке.

Мы начали свой показ с гостиной комнаты с роскошным диваном и креслами на гагачьем пуху, мягкими стульями, столом с инкрустированной столешницей. Все это из красного дерева, с бронзовой отделкой в стиле «ампир». На полу во всю комнату — мягкий персидский ковер. Кабинет для деловых встреч был обставлен кожаной мебелью с двумя вольтеровскими креслами и круглым, большим дубовым столом. Украшал комнату и ковер. Задержались мы в небольшой шахматной, в которой Ломинадзе потом засиживался иногда до поздней ночи, сражаясь с лучшим шахматистом Крушинским. Играл он с увлечением и не любил проигрывать. Несколько раз и мне приходилось сражаться с ним, но в большинстве случаев я проигрывал, т. к. имел более низкий шахматный разряд. Потом мы провели Ломинадзе в зал, предназначенный для проведения небольших собраний, рассчитанный на 60–70 человек, в котором иногда проводились небольшие банкеты или ужины с приезжими светилами художественно-артистического мира. Внизу находилась бильярдная — единственная на всю Магнитку, ресторан, фойе и зрительный зал на 650 мест со сценой, оборудованной по последнему слову театральной техники благодаря помощи т. Серго Орджоникидзе. Ломинадзе остался очень доволен увиденным и поинтересовался содержанием самой работы ДИТРа: читаются ли лекции, доклады, как часто удается приглашать ведущих артистов Союза и театральные коллективы, используется ли сцена и есть ли какие-нибудь возможности для создания своего театра. Пробыл он в ДИТРе больше часа.

Перед уходом он предупредил меня, что выберет время для знакомства с работой среди иностранцев. На меня Ломинадзе произвел неизгладимое впечатление простотой общения, отсутствием какого бы то ни было намека на свое высокое положение. Я сразу понял, что имел дело с необыкновенным человеком, который оставит большой положительный след в жизни партийной организации Магнитогорска. Обидно, что его имя до недавнего времени нигде не фигурировало в истории Магнитки. Вскоре инструктор по иностранной работе горкома

Митя Глейзер передал мне просьбу Ломинадзе приехать в горком для встречи с ним. Он дотошно интересовался настроениями иноспециалистов, особенно немецких, в связи с происходящими событиями в Германии, их участием в общественной жизни, в движении ударников, спрашивал, как опыт и знания иностранцев распространяются отделом комбината среди наших рабочих и молодых специалистов. Подчеркнул свой интерес к моей оценке роли иностранных коммунистов в работе среди всего иностранного коллектива рабочих и специалистов:

— Оценку Глейзера как партийного работника, я знаю. А какова ваша, как работающего в административно-техническом направлении?

Большое значение он придал состоянию бытовых условий снабжения продуктами питания, особенно специалистов, не работающих за валюту. Ломинадзе было присуще все человеческое, он не стыдился показывать свою увлеченность, отдавался полностью тому, что делал. Никогда не забуду, как он на открытии в парке ледяной горки собрал кучу ребятишек, усадил в санки, обхватив их, чтобы не вывалились и весело катался с ними вниз под общий смех детворы. Увидев меня, случайно проходившего через парк, крикнул:

— Конаржевский, присоединяйтесь к нам!

Вспомнился мне и другой случай в эту тяжелую новогоднюю ночь в холодном, промерзшем товарном вагоне. Это было вечером 31 декабря 1933 года. Ломинадзе приехал в ДИТР посмотреть программу встречи Нового, 1934 года и, заодно, зашел в бильярдную. Там было в это время человек 8, ожидавших свою очередь. Игра шла навылет. Играл секретарь парторганизации коксохима Пфандер, виртуозно владевший кием, напоминавший Жарова в кинофильме «Юность Максима». Пфандер ухитрялся класть шары в лузы по заказу. Войдя в бильярдную, Ломинадзе поздоровался со всеми и спросил, кто последний. Ему с удовольствием уступили очередь. Ломинадзе предстояло играть с Пфандером, остроумным и веселым секретарем коксохима, который решил, зная несколько самолюбивый характер секретаря горкома, подзадорить его и заявил:

— Тов. Ломинадзе, мне не особенно интересно играть с вами. Вы ведь не особенно хороший игрок, давайте для остроты дам вам фору два шара.

— Ты хвастунишка, Пфандер! И я тебя постараюсь проучить, будем играть со всеми шарами, никаких фор.

— Хорошо, — ответил Пфандер, — тогда давайте играть на интерес, кто проиграет, тот лезет под стол на другую сторону. Согласны?

Ломинадзе при большом оживлении присутствующих (а их собралось не менее пятнадцати), согласился на это условие. Конечно, он проиграл. Все ожидали, что же будет дальше, а дальше было так:

— Тов. Ломинадзе, — смеясь обратился к нему Пфандер, — слово надо держать!

— Слово есть слово, — ответил тоже смеясь Виссарион Виссарионович.

И вот этот семипудовый дядя, иногда так его называл Н. И. Бухарин, под общий дружелюбный смех полез под стол. От этого его авторитет нисколько не пострадал. Находившиеся в бильярдной товарищи лишний раз убедились в том, что Ломинадзе простой человечный человек. Его можно было видеть запросто беседующим не только с ударниками, но и с рабочими отстающих бригад, присутствующим на собраниях в цехах завода, посещающим бараки, рабочие столовые, и все знали о том, что если там побывал «Вассо», то обязательно что-то изменится к лучшему. Это был руководитель, не ограничивающий свою деятельность кабинетом, а живший интересами людей, среди людей и искренне переживавшего их трудности. К моему сожалению, ДИТР со временем стал яблоком раздора между мной и Ломинадзе. Дело заключалось в следующем: Виссарион Виссарионович слишком часто настаивал на проведении совещаний, пленумов горкома, собраний актива в зале ДИТРа, а последний имел свой план и работал на хозрасчете.

Нередко бывало так, что эти собрания совпадали с платными спектаклями или с выступлением приглашенных из Москвы известных мастеров искусства. В таких случаях Михаил Арш звонил мне по телефону и просил переговорить с Ломинадзе, вернее уговорить его перенести собрание в другое помещение, но в большинстве случаев мне не удавалось это сделать. Он всегда в таких случаях говорил:

— Вот и хорошо, покажите концерт после собраний, пускай его участники отдохнут на нем.

— Тов. Ломинадзе, но кто будет платить за него?

— Конечно ДИТР, у него денег хватит.

На этом, обычно, мои просьбы оканчивались, но в душе оставался протест против такого партийного нажима. В конце 1933 года по инициативе вновь назначенного директора и начальника строительства Магнитогорского комбината Абрама Павловича Завенягина мне, как председателю инженерно-технической секции строительства, хотя и исполнявшего эту почетную работу на общественных началах, пришлось заняться очень большой и интересной работой — составлением первого на

Магнитке стройтехфинплана с привлечением для выполнения этой задачи всей инженерно-технической общественности. План должен был быть закончен к открытию XVII съезда ВКП(б). Ломинадзе беспрерывно интересовался состоянием разработки. Вызывал в горком, расспрашивал как участвуют в нем партийные организации строительства, как в нем отражаются вопросы быта, перспективы жилищного строительства, снабжения, чем необходимо помочь. Но эти встречи были официальными. К официальности привели конфликты, возникавшие на почве использования ДИТРа.

После ознакомления с работой иностранного отдела Виссарион Виссарионович договорился с Завенягиным о выделении одного из строящихся домов в соцгородке иностранным специалистам и поручил мне взять под контроль ход его строительства. Используя все свои возможности и положение начальника иностранного отдела и председателя инженерно-технической секции, я добился досрочного окончания строительства этого дома. Пришел к Абраму Павловичу и прошу дать указание о заселении. Он посмотрел на меня как-то хитро улыбнулся и говорит:

— А знаете, Анатолий Игнатьевич, я решил этот дом отдать доменщикам. Они находятся в значительно худших условиях, чем иностранцы, а тем отдадим следующий, а вам спасибо за ускорение. А потом вообще следует продумать вопрос о сокращении услуг иноспециалистов, они слишком дорого нам обходятся, тем более, что наша молодежь начала решать вопросы не хуже, а даже, в ряде случаев, лучше. Возьмите Беккера, Заслава Познанского и других.

Это было столь неожиданно, что я сперва растерялся, представив себе, какой резонанс вызовет это решение в горкоме у Ломинадзе.

— Абрам Павлович! Но это скандал, неприятности! Что скажет горком по поводу такого решения? Иностранцы тоже ждут этот дом.

— Ничего, подождут, а доменщики воспрянут духом. С Ломинадзе я улажу, не беспокойтесь.

Через несколько дней меня вызвали в горком. Ломинадзе обвинил меня в том, что я не сумел отстоять дом и вовремя не поставил в известность горком.

— Будем слушать вас на бюро о работе иностранного отдела, — и обратился к присутствующему Дмитрию Глейзеру. — Подготовь вопрос к следующему бюро.

На бюро Завенягина не было. Я коротко рассказал о направлениях работы отдела, об использовании опыта

иноспециалистов, о методах, применяемых для достижения положительных результатов. Вопросов было задано много. Выступил Глейзер, положительно охарактеризовав работу отдела. Заключал вопрос Ломинадзе. Он обрушился на меня примерно в таком духе:

— Вы ничего не делаете в отношении улучшения бытовых условий, прохлопали дом. За что вам только деньги платят? — И внес предложение вынести мне выговор за неудовлетворительную работу отдела, за пренебрежение к бытовым делам.

В это время появился Завенягин и, услышав предложение Ломинадзе, взял слово для справки.

— Я не так давно получил заключение комиссии Коминтерна, знакомившейся с работой отдела, и в ней работа отдела признана вполне удовлетворительной. Рекомендовано другим стройкам широко использовать его опыт. Так за что же будем выносить выговор Конаржевскому? Это будет несправедливо.

Ломинадзе согласился с этим, но настоял на том, чтобы мне в решении было указано за недостаточное внимание бытовым вопросам. На этом инцидент был исчерпан, но мое уважение к нему ни на одну каплю не изменилось.

1 декабря 1934 года злодейски был убит Сергей Миронович Киров. На срочно созванном партактиве Ломинадзе было не узнать, так глубоко и болезненно он переживал смерть С. М. Кирова.

Недели через две его вызвали в Москву. По возвращении он собрал актив, на котором рассказал, зачем был вызван в Москву к Сталину, который интересовался его отношениями с Шацким и тем, продолжалась ли его дружба с ним. Сталин остался, якобы, доволен его объяснениями и даже предложил ему возглавить намечавшуюся поездку первой промышленной делегации в США. Ломинадзе был весел и доволен итогами встречи со Сталиным.

Прошло после актива не так много дней, как вдруг мне на плотину звонит Глейзер:

— Анатолий! Несколько часов тому назад застрелился Ломинадзе…

Что произошло? Как это могло случиться? Часа в три Ломинадзе заглянул к Глейзеру, как бы между прочим, спросил у него, нет ли у того револьвера, т. к. свой забыл, а надо ехать в совхоз. Постоял еще немного в странной задумчивости и решительно вышел. Рассказывал шофер: машина проехала от Магнитки километров 20, Ломинадзе велел остановиться, выбрался на дорогу, отошел в сторону, достал пистолет и спичечную коробку, положил ее на снег, отступил на несколько шагов и, прицелившись, выстрелил. Выстрел был точным.

Виссарион Виссарионович обернулся к шоферу и сказал:

— Вот видишь, я еще не разучился стрелять. Ну а теперь поехали!

Машина покатила дальше, побежали километры. Внезапно шофер услышал какой-то треск. Решив, что лопнула камера, он остановился, осмотрел ее. Нет, все четыре колеса были целыми.

Садясь за руль, взглянул на Ломиназде: тот весь бледный сидел, привалившись к углу машины.

— Что с Вами? — воскликнул в испуге шофер и услышал:

— Скорее вези домой.

Машина помчалась на самой большой скорости. Треск, принятый водителем как звук лопнувшей камеры, был выстрелом под шубой. Ломинадзе стрелял себе в сердце, но от толчка машины рука дрогнула в момент выстрела, пуля прошла рядом с сердцем. И все же организм его не выдержал, врачи не смогли спасти Виссариона Виссарионовича Ломинадзе, большевика, ленинца, одного из видных работников партии, соратника Кирова, Орджоникидзе. Но, очевидно, для него такой исход был лучше, чем возможные мучительные пытки и расстрел своими же «товарищами по партии».

Причина самоубийства, как говорили тогда в партийных кругах, заключалась в том, что Сталину, якобы, стало известно о посещении Ломинадзе Каменева перед отъездом из Москвы и Сталин был этим крайне возмущен. Кто-то из друзей Ломинадзе по телефону сообщил о сложившейся ситуации, и он, зная жестокость Сталина, его нетерпимость и беспощадность, понял, что ему больше не жить. Подтвердилась характеристика, данная им однажды Сталину: «Это Робеспьер, он нас зарежет!» Его предсмертные слова: «Лучше смерть, чем арест именем Советской власти».

В последний путь провожали Виссариона Виссарионовича Ломинадзе только самые близкие люди, впоследствии все они за это серьезно пострадали, а могила Ломинадзе была потом сравнена с землей…

А эшелон все шел и шел. Нудно стучали на стыках рельс колеса. Куда они меня забросят? В какую даль или глушь? Где будет конец их бегу? Возникший в памяти без всякой логической связи эпизод в бильярдной и образ Вассо Ломинадзе вызвал целый калейдоскоп воспоминаний об этом большом человеке. Картина самоубийства, как живая, несколько минут стоявшая перед моими глазами, невольно наводила на мысль, а не пойти ли и мне по этому пути? Только подумать! 10 лет быть изгоем общества! А потом что? Недоверчивые взгляды одних, сочувственные — других, опасливые — третьих.

Встретятся и такие люди, которые будут думать: «А, наверное, дыма без огня не бывает. Просто так получить 10 лет нельзя».

На душе безысходная тоска. Встряхнул головой несколько раз и сказал самому себе: «Ты что распустил нюни, надо верить, только верить, что восторжествует правда. Ведь ты коммунист, обязан верить, что вся эта накипь обязательно всплывет, она дойдет до Сталина. А пока спать, Анатошка» (так меня в 1929 году иногда называл А. Е. Бадаев, возглавлявший в то время ЛСПО, старый большевик, бывший член Государственной думы).

Наступил 47 или 48 день пути в неизвестность. На одной из очередных остановок открылась дверь нашей теплушки и раздалась команда:

— Приготовиться на выход с вещами!

Бамлаг — вторые пути

Выйдя из вагона, мы увидели, что от длинного эшелона остался только наш вагон. Никаких собак не видно, конвоиров только два. Подошел какой-то начальник в черной шинели с синими петлицами и такого же цвета кубиками на воротнике. Он поздоровался и объявил:

— Вы прибыли на станцию Приисковую и приступаете для отбытия наказания в Урульгинское отделение Бамлага Гулага НКВД на ДВК. О внутреннем распорядке и правилах поведения поговорим, когда приедем в лагерь.

Его помощник взял наши личные дела и начал перекличку, причем, каждый названный должен был делать шаг вперед. Затем мы тронулись в лагерь. Оказалось, он был от станции не дальше одного километра, рядом с железнодорожными путями.

Так кончилась моя этапная эпопея и началась другая. Какая? Ближайшее время покажет. Теперь, наверняка, можно будет написать домой письмо и сообщить, где нахожусь.

Лагерем оказался небольшой участок, огороженный столбами с колючей проволокой, двумя вышками и прожекторами и одним больших размеров каменным бараком. Но нас повели не к нему, а к небольшому зданию недалеко от него. Это оказалась баня с вошебойкой. Сопровождавший нас конвоир предложил разбиться на две одинаковые группы, т. к. баня всех не вмещала. Я попал во вторую очередь пришлось ждать в тесноте в предбаннике.

Зашел начальник и попросил (именно попросил) потерпеть и посидеть «в тесноте, но не в обиде».

— Я вас не могу пустить в лагерь на ваше новое местожительство без того, чтобы не уничтожить паразитов, которые, наверное, здорово расплодились за время этапа.

Работало два парикмахера. Были выданы всем по паре белья, правда не нового, стиранного, но еще вполне сносного.

Не только помылись, но и попарились. Вся эта процедура длилась часа три. Никто не торопил. Отмылись как следует. Пошли в зону. Барак разделен на две половины. Вход посередине. Нас ввели в правую часть и мы оказались в светлом просторном помещении с горячей большой черной печкой посередине, с большим столом, вокруг которого свободно могло разместиться человек сорок. Метра полтора-два в сторону от стола стояли два ряда добротных металлических односпальных сеточных кроватей, застеленных одеялами и свежими чистыми наволочками на подушках.

— Вот ваше местожительство. Соблюдайте чистоту и порядок.

Сейчас занимайте койки, раздевайтесь, осмотритесь и минут через 15–20 будет ужин.

На ужин бытовик принес в большом чане горячую, густую пшенную кашу и два больших чайника с кипятком, заправленным морковным чаем и сахаром.

Начальник попросил минуту внимания и обратился к нам с такой краткой речью:

— В связи с тем, что ваш путь был слишком долгим, в течении двух дней вы будете отдыхать, писать письма родным, любимым, а затем возьметесь за работу. Желаю вам отдохнуть хорошо.

Все были удивлены такому приему и такому разговору. Это было очень необычно после всего виденного и слышанного на допросах в тюрьме и этапе. Единогласно принято решение сейчас же ложиться спать, хотя время не было еще и девяти вечера. Единогласно решено спать. Я заснул быстро, спал крепко. Никто утром нас не будил. Это просто удивительно! Проснувшись, мы все засели за письма. Спустя какое-то время появился начальник, забрал все письма, предложил всем сесть за стол и объявил:

— Руководство колонии изучило все ваши личные дела. К сожалению, маловато плотников и столяров. Они нам нужны для достройки водонапорной башни на станции. Организуются две бригады. Одна пойдет в количестве 18 человек на заготовку леса, отсюда недалеко, а вторая, 14 человек, на достройку башни. Бригадиром в первую бригаду мы назначили Черноиванова, а во вторую — Конаржевского, как разбирающегося в строительстве, как инженера. Подъем в 7 часов. Выход на работу в 8 часов. О порядке поведения говорить не буду — он написан вот на той бумаге, которую я только что прикрепил. Думаю, что мы с вами ругаться не будем, а вы будете работать добросовестно. Отказчиков не может быть, мы таких отправляем в штрафную колонну.

Все мы получили валенки, правда, не новые, но все же валенки. Итак, завтра начинался мой первый рабочий день в условиях неволи. Ну что ж, будем трудиться. В мою бригаду попали Литвинов, два баптиста, один из жуликов, директор совхоза и Вова, почему-то не запомнились. Сопровождал нас и в этот раз и в дальнейшем всего один конвоир. У башни нас ожидал, очевидно, десятник или прораб из вольнонаемных. На площадке лежали бревна с объемистыми комлями лиственницы, стоял козел для распиловки бревен на доски. На нем лежало нераспиленное бревно. Вольнонаемный вызвал бригадира, то есть меня. Задание на сегодня — распустить это бревно на доски толщиной 50 мм, а затем из них на двух верстаках заготовить

доски шириной 20 мм. Убрать в одну кучу опилки, лежавшие на площадке, на третьем верстаке сначала доски обработать шерхебелем, а потом рубанком, на четвертом их отфуговать и подогнать кромки, и уложить в штабель, который был уже кем-то до нас начат. Когда-то я хорошо познал столярное дело и даже умел полировать мебель, поэтому мне ничего не стоило объяснить, как надо пилить лучковой пилой, как строгать и фуговать, да и ученики мои оказались достаточно толковыми, тем более, что среди них было два плотника. Сам я встал за нижнего пильщика, верхним был Литвинов. Верх мне оказался не под силу. Слишком тяжелая работа тянуть снизу вверх эту громадную пилу. В первый день задание мы не выполнили. До зоны еле доплелись от усталости. Еще бы, столько дней быть в почти неподвижном состоянии — и сразу навалилась тяжелая физическая работа. Я никогда не забуду, как в 1928 г. с трудом подносил ко рту ложку с супом, придя домой после целого дня работы с лучковой пилой, распуская доски на рейки и работая шерхебелем. Все это пригодилось сейчас. После ужина сразу завалились спать. Такое состояние длилось несколько дней, а потом мы втянулись и все пошло гладко.

Прошло недели три, как я бригадирствовал, наступила середина февраля. На работе мною были установлены следующие порядки: десятиминутный перерыв на курение через каждые два часа, курить только в одном месте, где нет стружек и опилок. Такое место было расчищено, и устроена скамейка из двух чурбаков и доски. Все спички обязаны были сдавать мне, хотя это и не понравилось кое-кому, но я настоял на своем, т. к., не зная всех членов бригады, я не мог доверять им. Морозы, на наше счастье, не превышали 12–15°, и работать приходилось, даже сбросив свое верхнее одеяние, особенно мне — нижнему пильщику. На время перерывов Володя разжигал небольшой костер вдали от нашей рабочей площадки, куда собиралась вся бригада погреться. На обед ходили в зону. В один из таких ясных тихих февральских дней, вернувшись с работы в зону, сели за ужин. Внезапно раздался крик: «Смотрите, башня горит!» Все бросились к окну. Из башни клубами валил черный дым и вырывались яркие языки пламени. Загудели паровозы на станции, один из них уже двигался к башне. У меня в полном смысле слова упало сердце. Это конец. Надвинулась страшная угроза обвинения в поджоге или в лучшем случае в том, что я, как бригадир, не уследил, а может и сам навредил, а статья 58 только способствовала таким выводам. Короче говоря, я переживал чертовски, да и бригада была очень удручена. Но все в один голос говорили о том, что в башне никто из них не был и не мог быть.

Это было часов в 6 вечера, а в 10 меня вызвали к срочно приехавшему из Урульги оперуполномоченному. Удивляло то, то никто из лагерного начальства за все эти три-четыре часа к нам ни разу не зашел. Первый, заданный им вопрос: «Вы бригадир?» — «Да». — «Какая у вас статья?»— «58, п. 10». — «Расскажите о составе вашей бригады, что там за люди. Не мог ли возникнуть пожар от брошенного окурка?» Я ответил отрицательно, объяснив, почему такого произойти не могло: порядок, действовавший на площадке, исключал возможность пожара. Тем более, что в этот день никто не заходил внутрь башни, только я лично после окончания работ, как всегда, зашел в башню и все проверил. В самой башне не могло быть и не было стружек, т. к. туда заносились только готовые и шпунтовые доски. Маленькая печурка, находящаяся у стены бетонного стакана, нами никогда не разжигалась, даже несмотря на замечание конвоира, почему мы ее не используем. Так что, я совершенно не понимаю, как это могло случиться. Просто логики нет в том, что поджог мог сделать кто-либо из бригады, т. к. он должен был понимать, что вся бригада понесет какое-то серьезное наказание, в том числе и он. Оперуполномоченный допросил всех членов бригады и ушел.

Настроение у всех нас было, прямо скажем, отвратительное. Тревога усилилась, когда на следующий день нас на работу утром не вывели. Часов в 12 появился начальник и предложил быстро отправиться всем на участок. Отозвав меня в сторону, он сказал, что там на башне приготовлена горячая вода, тряпки и щетки, надо будет во что бы то ни стало к вечеру смыть копоть не только со стен, но и отовсюду. «Пол, лестницы — все должно быть чистым. Надеюсь, вы поняли задачу?»— закончил он.

Войдя в башню, мы с удивлением огляделись: почти нигде не было видно следов пожара. Только в некоторых местах внутренней обшивки чернела копоть. В башне уже потрудились вольнонаемные и бытовики, так что нам осталось по существу доделать их работу. Оказалось, что пожар возник по вине сторожа, который наладил буржуйку, растопил ее, а сам пошел куда-то в магазин на станцию. Труба, выведенная внутрь бетонного стакана, раскалилась, от чего загорелась одна из досок, находившаяся в стакане. Доска была сухой и пошла полыхать, как спичка, а там вспыхнули и остальные. Подоспевший паровоз их затушил. К приезду комиссии из Урульги все было чисто, никакого следа пожара не осталось. Был составлен и акт, в котором убыток определялся в несколько десятков рублей. Все мы, конечно, были очень рады такому окончанию инцидента.

В начале марта я получил первое ответное письмо от жены. Она сообщала, что с ними, т. е. с ней и Юрой, все в порядке. Она

пока живет у Сергея, а Юра — у брата Константина. Но дальше не знает, как быть, т. к. у Сергея начались неприятности из-за нее. Жена сообщала, что моя сестра Ира выслала посылку с теплым бельем, носками и немного всяких продуктов. Посылку также собирает и Сергей. Она с трудом устроилась плановиком на какую-то овощную базу, где директор не посчитался с тем, что муж — враг народа, а то она ходила месяца два без работы. Нигде не принимали, как только заходил разговор обо мне. Брата Костю тоже уволили из его СКБ, и он целый месяц искал работу, пока его не приняли в Электротехнический институт им. Ульянова-Ленина зав. радиолабораторией. И то это произошло благодаря помощи военкомата, куда он обратился. Таким образом, вести из дома не особенно успокаивали.

На днях откуда-то появилось несколько газет, в которых были напечатаны выступления Молотова не то на сессии Верховного Совета, не то на Пленуме ЦК ВКП(б) (сейчас не помню), где он останавливался на перегибах в разоблачении врагов народа, говорил о том, что дело дошло до того, что некоторые следователи ввели следующую классификацию: «вражище», «враг», «враженок», бесконтрольно со стороны прокуратуры арестовывали людей и т. п. Когда я прочел это выступление, то подумал: «Ага! Начинает выступать на свет истина!» Появилась надежда на пересмотр решения тройки, стало пока легче на душе. Но этого не случилось. Дела осужденных тройкой, очевидно, не подлежали пересмотру, или это был просто иезуитский маневр для успокоения общественности.

Строительство башни между тем подходило к концу. Мартовское весеннее солнышко сгоняло с полей снег. Он оставался уже только в оврагах. Возникал вопрос: а где же мы будем по окончании башни? Что с нами будет? И настал такой день. На работу нас не вывели, а предложили собрать вещи, и вот мы опять в вагоне-теплушке, с той только разницей, что было днем тепло и дверь вагона открыта. Теплушка стояла прицепленная в хвосте какого-то небольшого эшелона с заключенными и охрана была не воинская, а лагерная.

Опять этап

Куда? Неизвестно. Кого из начальства я ни спрашивал, получал один и тот же ответ: «Сами пока не знаем». Наконец, поезд тронулся. С наступлением темноты двери нашего вагона закрывали. Стук колес, стук колес, стук колес… Утром прибыли в Урульгу. К великой моей радости, меня ждали здесь две посылки. Одна от сестры, другая — от Сергея Семенова с небольшим письмом от жены. Вместе с посылками получил еще два письма. В Ириной посылке было все то, о чем писала жена в своем первом письме, полученном на Приисковой. Посылка Сергея и Наташи, его жены, была, если можно так выразиться, деловой: пара теплого белья, шерстяной шарф и боты-валенки. Еды никакой. Хотя нет — были три пачки кускового сахара, который ой как мне пригодился в самые ближайшие дни. Почти половина бригады получила посылки. Эшелон тронулся на следующий день. Через сутки нас высадили из вагонов и повели. Куда — неизвестно. Мы оказались в Улан-Уде. Хорошо, что посылка Сергея была зашита материей, а содержимое находилось в вещевом мешке с лямками. Это дало возможность обе посылки, весом не менее 15–17 кг, да плюс то, что я имел в этапе, сложить все в этот мешок и нацепить его себе на плечи. Так пришлось тащить весь этот груз на себе, но я был молод и «сдюжил». Физическая работа в течение двух месяцев на Приисковой здорово закалила меня, но все же было тяжело. Мы вышли за город, а там, оказывается, находилась очень большая колонна, числом не меньше чем 1000 заключенных, очевидно, поджидавшая нашу группу, тоже состоявшую из порядка 500 человек. Команда: «Внимание! Вам предстоит совершить пеший переход протяженностью 200 км. Через каждые 10–12 км часть колонны будет в пути формироваться в колонну под номером километра, где останется для производства работ по строительству железной дороги. Вы находитесь в Южжилдорстройлаге НКВД на ДВК. Части заключенным придется идти четыре — пять дней. У кого много багажа за плечами, положите на подводы, которые будут вас сопровождать. Не растягиваться, идти организованно. Ответственность несут бригадиры. Построение колонны побригадное». Мы тронулись. Это было часов в 10 утра. К 12 часам дня солнце начало сильно припекать. Я в своей цигейковой дошке весьма ощутимо чувствовал его теплоту. Кругом расстилалась голая, без всякой растительности холмистая степь, изрезанная оврагами, а в оврагах еще лежал снег. К этому снегу люди бросались, хватали его пригоршнями и запихивали в рот, утоляя жажду.

Я тоже ее испытывал, но считал, что есть снег просто недопустимо. Когда сделали первый привал (примерно часа через три хода), то люди уже были измучены жарой, несмотря на то, что был конец марта. Я решил свою проблему жажды куском сахара и, как ни странно, как ни противоречиво, но пить мне захотелось меньше.

К вечеру мы пришли в какой-то населенный пункт. Ночевали в полуразвалившемся сарае прямо на соломе. Был только один кипяток, больше ничего. С рассветом опять вышли. Какая-то партия заключенных осталась в этом селении. Кажется, его название было Торгоботай. Второй день был тяжелее. Опять жара. Колонна растянулась не меньше, чем на километр. Люди шли по 10–15 человек, как попало. Конвой не подгонял, не кричал. Бежать было все равно не куда, т. к. кругом голая степь и все просматривается как на ладони. Но появилось весьма неприятное явление. Кучки воров группами окружали то одного, то другого заключенного; разумеется к тем, кто был хорошо одет и обут. Их раздевали, бросая им какое-то старье.

Моя бригада в этой неорганизованной толпе, как ни странно, сохранила свое лицо и, увидев эти грабежи, мы решили держаться еще сплоченнее, а если понадобится, дать соответствующий отпор уркачам. Я не сдал свой мешок на подводу, а разделил его на две половины. Одну половину взял на себя член моей бригады — молодой крепкий парень, бытовик, осужденный за угон двух лошадей на 5 лет. Звали его Семен. Он не имел никаких вещей. Конечно, мне приходилось делиться с ним своими продуктами, но я их не жалел и был очень ему благодарен.

Вторую ночь мы ночевали прямо в степи. Развели костер из прошлогодней сухой травы и на нем из собранного в ложбине снега получили кипяток, да еще с заваркой чая, оказавшегося в моей посылке. Ночь была очень светлая, благодаря полнолунию. Земля за день прогрелась. На своей «территории» мы установили поочередное дежурство для предупреждения налета на нас уркачей.

А они днем несколько раз присматривались к нам, т. к. одежда в бригаде, за исключением нескольких человек, была добротная. Оцепление места ночевки было усилено. Охранники стояли через каждые 10 метров.

Настал третий день пути. Все та же жара. К вечеру мы были в Гусином озере. Здесь нас ожидала горячая баланда из пшенной крупы и, на удивление, самовары. Часть колонны опять куда-то увели. Ночевали нормально в теплом помещении, похожем на избу-читальню. Происшествий — никаких. На следующий день мы дошли до Селендума. Опять ночевка нормальная, но ноги

гудят. На этот раз в обед появилась кухня, а не сухой паек. Подошли к очень быстрой, довольно широкой реке, свернули от нее в сторону километра на два и увидели огражденную колючей проволокой зону. Солнце уже клонилось к закату. Нас, оставшихся от первоначальной тысячной колонны (человек 180–200), завели в эту зону, где стояло несколько больших палаток. Бригаду направили в одну из них. Сюда же попало много узбеков. В палатке были двухъярусные нары, сплетенные из ивовых прутьев. Никаких матрацев и подушек не было и в помине. В ней поместилось человек 75, не меньше. У выхода встал часовой. Освещение отсутствовало. Из палатки никого не выпускают. Зашел кто-то из начальства и объявил, что мы прибыли на место — в колонну № 194 Южжелдорстройлага НКВД на ДВК. Завтра начнем обустраивать себя сами. Бытовик из обслуги колонны велел построиться и нас подсчитал. Оказалось 68 человек. Через минут 10 в палатку добавили еще 7 человек. В пути тоже происходила какая-то пересортировка, т. к. из бригады забрали всех бытовиков, и в ней осталось всего 18 человек. Я эту цифру хорошо запомнил потому, что как бригадир на это количество получал хлеб и сахар. Неожиданно разразился весьма неприятный инцидент. Один из узбеков просил конвоира выпустить его оправиться. Конвоир ему отказал. Он через некоторое время опять подошел к выходу из палатки и опять просил разрешения, объясняя, что он уже не может больше терпеть. Тот ему опять отказал. Бедняга не выдержал и начал мочиться в углу палатки у выхода. В это время зашел командир отделения охраны и, увидев это, схватил парня и начал бить его палкой, которая была у него в руках. Меня это возмутило, я подошел и потребовал немедленно прекратить избиения, т. к. человек совершенно не виноват в своем поступке, а виноват конвоир, но тот продолжал свою черную работу. Тогда я просто закричал: «И вам не стыдно? Вы позорите звание командира Красной Армии. Прекратите немедленно!» Многие зк тоже запротестовали. Командир повернулся ко мне и замахнулся палкой со словами: «Ты что, контрик, тоже захотел попробовать? Ишь какой заступник! Как твоя фамилия?» Я назвал себя. «Смотри у меня, больно грамотный». И с этими словами он вышел.

Через некоторое время обслуга принесла бочку-парашу, которую поставили около палатки. Инцидент на этом, казалось, был исчерпан, но, как показали ближайшие дни, он не был закончен для меня.

Колонна — «194»

Утром всех подняли ударами о рельсу. Кухня была не походная, а стационарная, стены ее были выполнены из ивняковых оштукатуренных снаружи и внутри плетней. Крыша крыта дерном. Похлебали баланду с черным хлебом и айда на выход к вахте всей колонной. У вахты стояли подводы, нагруженные пилами, топорами, лопатами.

Мы тронулись по направлению к сопкам, находившимся от нас на расстоянии 6–7 километров. Шли часа два, пока не остановились на одной сопке с редкой лесной порослью. Была поставлена задача — на каждые четыре человека спилить или срубить одно дерево, его очистить и ошкурить. К обеду работа была закончена. Каждая четверка теперь взваливала себе на плечи свою работу и трогалась в обратный путь. Я шел и нес бревно с его макушечной стороны. Доставалось, конечно, больше всех переднему, на плече которого находился комель. Пронести, как оказалось, восемь километров бревно длиной 8–10 метров, не особенно легкая задача. Пришлось нам всем здорово попотеть. В зоне бревна распилили на плахи. Часть зк в это время занималась копкой котлована под полуземлянку с заложением на глубину примерно метр.

Через пять-шесть дней землянка была готова к заселению. С палатками было покончено и их убрали. Надолго ли? Вот вопрос. Через два дня бригаду вывели на работу. Предстояло строить до Монгольской народной республики одноколейную железнодорожную линию, соединяющую Улан-Удэ с Усть-Кяхтой. Наша колонна занимала участок протяженностью в шесть километров. Недалеко от трассы бежала быстротечная, производившая большое впечатление судоходная река Джида, истоки которой находились в глубине Монголии. Колонне не повезло, т. к. весь отведенный участок оказался сплошной скалой, в связи с чем приходилось проводить взрывные работы для ее рыхления и превращать ее в разборную, самим же работать ломом, клином и кувалдой, а чаще — просто руками, укладывая куски породы в тачку. Тачку нужно было катить по двадцатиметровому трапу к месту прокладки жд полотна.

Дневная норма за десятичасовой рабочий день являлась весьма напряженной — что-то около одного кубометра на человека. В моей бригаде, состоявшей из 18 человек, выработка равнялась 18 м^3. При выполнении бригадной нормы каждый член бригады получал 800 граммов хлеба, первое и второе блюдо вечером, а днем — какую-либо кашу прямо на трассе. При 110 %

— 900 граммов хлеба, при 120 % — 1 кг хлеба и дополнительное второе блюдо на трассе. Свыше 120 % — 1,2 кг хлеба и дополнительную кашу на трассе, а вечером к ужину — пирожок. Работа в забое производилась звеньями по два человека — один подготавливал грунт для загрузки тачки, второй отвозил его к месту укладки.

После обеда напарники менялись местами. Мне как бригадиру к концу рабочего дня приходилось производить замер выполненного объема работ каждым звеном и, складывая девять таких замеров, получать общебригадную выработку. Сразу было видно, какое звено отстает или идет впереди — исключалось всякое «сачкование». Мои замеры проверялись замерщиком колонны и без его подписи составляемая мною рапортичка считалась недействительной для зачисления бригады на питание в следующий день.

В таких случаях бригада получала минимальную норму, т. е. 600 граммов хлеба и баланду. От замерщика зависело очень многое. С ним старались дружить все бригадиры, его обихаживали. Да чего только не делали, чтобы его ублажить! Сплошные взятки в виде подношений из содержимого посылок. В общем он жил припеваючи, катался как сыр в масле — об этом было известно начальству колонны.

Последнее представляло из себя следующий конгломерат отбывающих наказание бытовиков: начальник колоны со сроком 7 лет; прораб — 8 лет за большую растрату в кондитерской промышленности; нарядчик — пять лет за связь с преступным миром — продажу краденого; замерщик — за взятки. Всем им до освобождения оставались буквально считанные годы и месяцы. Только один среди них — десятник Акоев из Северной Осетии — был не испорчен лагерной жизнью, представляя собой вполне нормального человека, причем вызывавшего к себе даже симпатию, несмотря на то, что сидел за убийство, совершенное по настоянию своей матери по закону кровной мести. Ему было всего двадцать два года.

Начальник и прораб жили в отдельной мазанке, расположенной около вахты и почти рядом с ними, тоже в мазанке, рассчитанной на четыре деревянных топчана с тумбочкой у каждого и довольно большим столом размещались десятник, замерщик, нарядчик и снабженец. За зоной находилась построенная нами баня и вошебойка.

На двенадцатый или пятнадцатый день пребывания в колонии и нескольких дней работы на трассе, я заполнял у себя в землянке очередную рапортичку, как вдруг прибегает рассыльный и передает распоряжение начальства немедленно прийти к вахте.

Спешно закончив рапортичку, отнес ее прорабу, заодно спросив, не знает ли он, зачем меня вызывают на вахту. Он не знал. Смотрю: ворота открыты. Верхом на лошади какой-то начальник, а рядом с ним тот начальник отделения, с которым у меня было столкновение в день прихода в колонну (инцидент в палатке).

Верховой оказался командиром взвода охраны. В этот день из колонны убежало три заключенных, один из них заправский урка, притворившийся больным и получивший от старика-фельдшера освобождение, сумел каким-то образом пролезть через проволочное ограждение и убежал, а вместе с ним бежали еще двое бытовиков. «Ну, где твой этот самый контрик?», — такой вопрос я услышал, подходя к вахте. «Вот он, — показывая на меня пальцем, — сказал командир отделения». «Ваша фамилия?» «Конаржевский». «Встань к ним».

На острие бритвы

Я присоединился к этой группе. Каким-то странным, полупьяным голосом взводный не очень громко, но угрожающе произнес: «Идти по три, не отставать, шаг вправо, шаг влево считается побегом, стреляю без предупреждения». Оказалось, он на самом деле был крепко подвыпивши. «Пошли!» И мы отправились. Кто эти люди, с которыми я должен был идти в неизвестность? Маленький, щупленький старичок-фельдшер, рядом с ним средних лет человек в хорошем кожаном пальто, третий — из блатных, фасонистый парень в шароварах и кожаных сапогах. Во втором ряду крайним слева шел я, рядом — совершенно больной человек, с опухшим лицом от цинги, еле передвигавший ноги, вот-вот готовый упасть, и третьим — инженер-механик, которого я видел в одной из бригад.

Луны нет, темнота невероятная, кругом голые сопки. Позади явно выпивший всадник, качающийся из стороны в сторону, еле удерживающийся в седле, с пистолетом в руке и время от времени пьяным голосом кричавший: подтянись, не отставать! А то захочу — и побежите, как миленькие, со скоростью моего коня.

Шли молча. Разговаривать он запретил. Больной сосед умоляющим шопотом попросил взять его под руки: «Иначе упаду, и тогда мне конец — застрелит». Я обратился к механику: «Давайте поможем». Но в ответ услышал: «Вот еще! Ради чего я буду собой рисковать, тут такие дела, что каждому надо думать о самом себе, подыхать не хочу». Я промолчал, но про себя подумал: «Вот мерзавец, негодяй». Тогда я обратился к парню в шароварах, он согласился. Незаметно мы обменялись местами и взяли больного под руки.

Прошли километра два, на горизонте появилась луна, стало светло. Уже легче… Но куда ведут? Зачем ведут? И этот пьяный командир, которому ничего не стоит любого из шестерых застрелить и даже перестрелять всех и, не моргнув глазом, оправдать это убийство попыткой к бегству. Одна эта мысль приводила в дрожь. Убьет — и никто из своих не узнает, где ты зарыт, что с тобой было. Неожиданно раздается команда: «Стой!» Остановились. Сосед, как только мы перестали его поддерживать, сразу упал. Жданов, так звали командира, подъехал вплотную на коне и, не слезая с него заорал: «Знаем мы вас, контриков, умеете притворяться. Вставай! Возиться не буду, пристрелю — и дело с концом!»

Я попробовал его поднять, не вышло — слишком тяжел, на помощь пришел блатной (звали его Мишка) — резаный.

«Шестерка» тронулась дальше. Прошли не больше километра — опять команда: «Стой!» Покачиваясь в седле, пьяный взводный вынул из планшетки какую-то бумагу, поднес ее к глазам, что-то прочел и приказал фельдшеру отойти на пять шагов в сторону.

Трясущийся, полуживой от страха старик вышел. Жданов подъехал к нему вплотную, поднял пистолет и прицелился в него. «Говори, сволочь, куда бежали твои подопечные? Ты знаешь! Они тебя, наверное, купили. Если не скажешь, то больше не сойдешь с этого места. Даю тебе на раздумье три минуты».

Затем посмотрел в бумагу и назвал мою фамилию. «Встать рядом! Это ты, любезный, захотел свои права качать? Нашелся мне учитель! Говори, куда бежали те трое?»

Я молчал, мозг лихорадочно работал, молнией пронеслось только одно слово — «конец». Вот здесь, в этих сопках, закончится моя жизнь. И вспомнилась песня из фильма «Путевка в жизнь» «… и никто не узнает, где могилка моя». И вдруг Жданов изрек: ну ладно, черт с вами! Идите на место. Там разберемся.

Прошли еще километра два, а может, и меньше, и видели совсем близко вынырнувший из-за сопки огонек. Направились к нему. Это была колонна. Подходя к вахте, Жданов вызвал дежурного, сдал нас ему. Первым завели на вахту фельдшера. Поскольку вахта представляла небольшую плетенку, обмазанную глиной, то нам было слышно от слова до слова все, что там происходило. Беднягу били кулаками и ногами, он кричал от боли и твердил одно: «Не знаю, не знаю, где они, ничего не знаю, не бейте меня». Через некоторое время его вынесли в клетушку, стоящую напротив вахты, и втолкнули в нее. Парня в шароварах увели куда-то вглубь колоны. Били механика, несколько раз ударили больного колхозника, а затем тоже отправили их в зону.

Было слышно, как кто-то из охранников со злостью сказал: «На черта он пригнал сюда эту шваль, и без нее мороки и так много». Пятого сразу отвели в зону, ни о чем не расспрашивая. Я оказался последним. Для себя решил: «если меня только тронут, то будь что будет, соберу свои силы и дам сдачи. Конец — так конец». Сразу появилось спокойствие. Меня ввели в мазанку. На вахте двое: один в кожаной тужурке с пистолетом в кобуре на ремне, второй — в шинели охранника, в петлице — один кубик. Кожаная куртка просматривала лежавшие на столе бумаги. Обернувшись ко второму, спросил: «Зачем еще и этого пригнали к нам?»

Какое-то время длилось молчание. Прищурившись, с пистолетом, разглядывал меня. Все нервы во мне были напряжены. Что дальше?.. Не торопясь, он подошел ко мне так близко, что его одежда почти касалась меня. Ну, думаю, сейчас

начнется, а сам смотрю в упор в его глаза. Он скрипнул зубами, обругался сволочью, толкнул в грудь и отошел. «Раздевайся!» Я снял свою неизменную дошку. «Снимай костюм!» Я остался в одном белье. «Отведи его напротив, пускай посидит, проветрит свои слишком умные мозги». Так я оказался в клетушке — карцере, размером около 10 кв. м, с маленьким, но без стекла окошечком в сторону вахты, а на улице мороз, наверняка, не меньше пяти градусов. Проникавший сквозь окошечко лунный свет дал возможность разглядеть голые нары на четыре места и лежащего на них стонущего фельдшера. Вторым жильцом оказался пацан лет четырнадцати, в чем-то провинившийся.

Чтоб не простудиться, я решил ходить взад и вперед мелкими шажками быстро-быстро. Если не буду двигаться, наверняка заболею. Как-нибудь вытерплю до утра, а там станет теплее, а днем даже жарко, а дальше будет видно.

Поднялся парнишка. Одет он был тепло, но, видно, посочувствовал мне: «Слушай, я сейчас разожгу огонь», — и он отламывает от нар сухой прутик, достает откуда-то веревочку, находившуюся в каркасе нар, делает небольшую лунку — и давай вращать прутик в лунке — так он хотел добыть огонь методом наших предков. Пошел небольшой дымок, но на нем все и кончилось, номер не удался. Во время этой работы он скинул с себя бушлат, и я, набросив его на себя, немного согрелся. Фельдшер все время стонал. Я пытался с ним заговорить, но он не отвечал, а только качал головой. Утром я увидел через окошко нового вахтера, попросил его подойти и сказал ему, что здесь лежит очень больной старик, и если не принять меры, то с ним что-нибудь случится.

Часа через два старика посадили в телегу и отвезли в больницу. Потом я узнал, что ему отбили почку. (Оказалось, я попал в штрафную колонну с особым режимом). О таких местах я уже имел понятие. Страшное дело — попасть туда. Там содержались не люди, а явные звери. Это были субъекты, потерявшие человеческий образ. Они способны играть в карты на все что угодно, а когда уже было не на что, то играют на свои собственные пальцы, глаза и, проигрывая их, обязаны сами или отрубить палец, или выколоть глаз. Если не хватит силы это выполнить, то ими займутся другие подобные звери. Воровские законы были жестокими, беспощадными. Не дай бог, если кто-либо из вольнонаемных работников лагеря или колонии проигрывался в карты или просто на спор. Его необходимо было немедленно переводить куда-либо в другое место, иначе он обязательно будет убит или изуродован.

Днем солнышко нагрело примитивный карцер и мне стало

значительно легче переносить холод в одном нижнем белье. Примерно часа в два дежурный открыл его и бросил мне одежду: «Одевайся!» Подошел охранник. В его сопровождении я отправился обратно в 194 колонну. Результат — поседевшая борода.

Примерно через месяц колонну посетил начальник третьего отделения Южжелдорстройлага НКВД на ДВК Тор. Состоялось собрание заключенных. Тор предложил высказать все претензии, касающиеся работы и жизненных условий в зоне.

Все молчали. Тогда взял слово я и рассказал обо всем пережитом в ту ночь и о причине, по которой оказался в штрафной колонне. Начальник внимательно выслушал всю историю, что-то записал себе в блокнот, но ничего не ответил. Когда он уехал, то члены не только моей бригады, но и других окружили меня с возгласами: «Зачем высунулся? Что ты сделал? Неужели не понимаешь, что теперь тебе не будет житья? Нашелся праведник!» Но, как ни странно, со мной ничего не случилось. Тор оказался руководителем, стоящим на страже официального закона. Вскоре Жданов стал рядовым стрелком, охраняющим склад со взрывчаткой, а отделенный переведен в другое отделение. Значит, есть еще справедливость, не все пошли по ежовскому пути, олицетворявшемуся на плакате с изображением ежовых рукавиц.

За это время я полностью втянулся в тяжелую физическую работу. Тачки катал даже бегом. Работал и ломом, пробовал действовать им с наименьшим приложением силы и пришел к выводу, что можно добывать куски скалы без больших усилий при помощи смекалки: в скале имелись трещины, и я использовал их. Свой опыт начал передавать членам бригады. Подходил к каждому и показывал, как это надо делать, как лучше ковырять породу, не применяя клина и кувалды. Вскоре бригада начала перевыполнять норму и стала передовой и о питании речь больше не возникала. После собрания, на котором присутствовал начальник отделения, у меня сложились хорошие отношения с руководством колонны.

Я ни слова не говорил о некоторых непорядках в самой колонне, поскольку они были незначительными по сравнению с тем, что пришлось пережить в ту злополучную ночь. Очевидно это оценили начальник и прораб колонны. Они довольно часто приглашали меня к себе и расспрашивали о моем житье-бытье на воле, иногда угощали чем-нибудь вкусным из получаемых посылок, да и я сам кое-что уделил им из полученных уже двух посылок.

Все это, однако, не спасло меня от цинги. Распухали стопы

ног, зашатались зубы. Даже если слегка надавишь на стопу пальцем, на ней надолго оставались углубления. Настой из сосновых игл не помогал. Вместо старика-фельдшера работал молодой парень, который знал только одно лекарство — сосновый настой да еще аспирин. Жил он припеваючи, т. к. в ближайших бурятских аймаках не было ни одного врача и фельдшера, и буряты узнав, что в колонии есть «дохтур», стали ездить к нему, а одна выздоровевшая старушка принесла ему небывалый авторитет. Привозили ему масло, лепешки, молоко, чай и другие продукты, которыми он делился с начальством.

Я замерщик

Когда освободился замерщик, мне предложили занять его место. Так совершенно неожиданно изменилось мое положение. Из землянки я перешел в плетенку рядом с вахтой, где жили нарядчик, десятник Акоев, каптер и замерщик. Теперь я уже не был привязан к одной бригаде. Моими подопечными стали все бригады колонии.

Кормили нас однообразно, но сытно; поэтому люди не теряли силы, несмотря на тяжелый физический труд.

Через некоторое время меня расконвоировали, это было приятной неожиданностью. Я получил возможность оставаться на целый день в зоне, спокойно писать письма, вести свои записки, продумывать методы своей новой работы. Теперь я мог выйти на берег красавицы Джиды и любоваться ее быстрым течением, наблюдать как бурятки с ружьями за плечами верхом на лошадях перегоняют большие стада скота через Джиду, как быстрое течение относит их на целый километр в сторону. Имел возможность в выходные дни пробираться через камыши в молельные домики и долго рассматривать страшных, зубастых синих божков и великолепно выполненные в бронзе статуэтки богинь.

Буряты и монголы в то время только начали заниматься сельским хозяйством, преодолевая поверие о том, что копать землю — значит наносить раны матери-земле. Сколько было передумано на берегу реки, под шум ее течения! Где правда? Где совесть правоохранительных органов, их работников? Неужели обо всех ужасах, которые переносили и переносят тысячи, десятки тысяч ни в чем не повинных людей, не знает Сталин?! Эта мысль терзала больше всего. Неужели он знает и молчит? Тогда я ничего не понимаю, отказываюсь понимать. Нет, этого не может быть, чтобы он был не тем, каким представлял его народ и, в том числе, я.

Приходившие сомнения тут же отбрасывал, считая их кощунством. В конце концов Сталин не один. Есть же Калинин, Ворошилов, Молотов и другие члены правительства и ЦК партии. Спрашивается: где ни? Не может быть, чтобы они все стояли в стороне, не знали о творившемся в стране и молчали. Или действительно классовая борьба приняла острые формы?

Вспомнились происки врагов, имевшие место на Магнитке, когда подпиливались леса, на которых работали люди, то подрубались столбы эстакады, то бросали в турбину чайку, поджигали тепляки, подпиливали трос лебедки, поднимавшей на

высоту сорок метров люльку с монтажниками, что привело к гибели комсомольца Миши Крутякова. Все эти вредительские акты действительно имели место и это не было выдумкой или случайностью. Еще и еще раз возникал вопрос, где же истина? Ответить на него я тогда не мог.

Разве я знал о политике, проводимой Ежовым, Вышинским, Берия с согласия Сталина — кумира народа, направленной на массовое уничтожение людей, о списке, утвержденном Сталиным в марте 1937 года, согласно которого 250 человек заранее были приговорены к расстрелу, 185 — к тюремному заключению на 10 лет и 60 — на 8 лет. И все это только по десяти регионам страны. Кто из нас, рядовых работников и большинства руководящих работников партии, знал о существовании донесения Ульриха от 15 октября 1937 года, направленного Берия, которое гласило: «За время с 1 октября 1936 года по 30 сентября 1938 года Военной коллегией Верховного суда СССР и Выездными сессиями коллегии в шестидесяти городах осуждено: к расстрелу — 30 514 человек, к тюремному заключению — 5643».

Только подумать! Ведь это была «работа» всего-навсего одной военной коллегии, выносившей эти приговоры, главным образом, людям военным, а сколько было других?! Даже представить себе трудно масштабы невиданного уничтожения невинных людей в годы власти Вышинского, Берия и Ежова, этих ближайших сподвижников Сталина, приготавливавших материал и осуществлявших настоящий геноцид советской интеллигенции, также заблуждавшейся в своей вере в Сталина, как и я.

В Ленинские времена, даже в самые трудные годы становления Советской власти ничего подобного не было. Достаточно привести высказывание одного из старейших чекистов Мартина Яновича Лациса, который считал, что за два года гражданской войны, когда по стране полыхали кулацкие восстания, когда контрреволюционные заговорщики убивали, вешали, зарывали в землю живыми коммунистов, красноармейцев, советских работников, за эти два года органами ЧК было арестовано 128 тысяч человек, причем 54 тысячи, т. е. половина, освобождены ввиду незначительности преступлений. К высшей мере наказания было приговорено 9641 человек, в том числе — 7068 контрреволюционеров, 1204 — отъявленных бандитов. Пролетарий был сдержан и мягок (Новый мир, № 7, 1961 год, стр. 199).

Я старался противосталинские мысли отгонять, не думать об этом, заглушать их работой. Когда Джида слегка замерзала, пользуясь относительной свободой, выходил на рассвете с ведром и колотушкой на реку и добывал спящих под тонким льдом у

самого берега налимов. От удара колотушки по льду над спящим налимом последний, оглушенный, переворачивался, я быстро пробивал лунку и доставал рыбу. За какой-нибудь час набиралась половина ведра. Повар колонны варил из добычи великолепную уху, которую я и мои соседи с удовольствием уплетали, особенно налимью печень, приготовленную отдельно.

В колонну поступило небольшое пополнение. Среди вновь прибывших оказался некто Екальчик — веселый, остроумный еврей, всегда имевший в запасе неисчерпаемое количество анекдотов, частенько изрекавший: «Что бедному еврею надо? Кусочек хлеба и вагон масла». У него оригинально сложились обстоятельства, приведшие на скамью подсудимых и в лагерь.

Отец и мать жили в Москве. Квартира была большая, и старики решили сдать одну комнату в аренду. Вывесили объявление. Вскоре появился прилично одетый гражданин, согласился на предъявленные ими условия заявив, что проживет не более двух недель и все деньги внес вперед. Старушка, будучи любопытной и наблюдательной, обратила внимание на то, что жилец приходит домой с одним чемоданчиком, а уходит с другим, а потом как придет, то обязательно закрывает дверь на ключ. Решила подсмотреть через отверстие от ключа второго, недействующего, замка и увидела, как жилец достал чемоданчик, положил его на стул, затем открыл чемодан с которым пришел, и начал перекладывать в него целую кучу денег, а потом из него же вынул несколько пачек с новенькими деньгами. У нее забилось сердце от увиденного богатства. Эти деньги не давали ей покоя ни днем, ни ночью. Ничего не говоря мужу, она в один из дней, воспользовавшись запасным ключом, взяла три или четыре сотни рублей новенькими, а чтобы жилец не подумал, если только обнаружит пропажу, что это сделали хозяева комнаты, разбила стекло в окне и таким образом имитировала кражу.

На другой же день жилец съехал, заявив, что не может оставаться там, где происходит воровство. Старушка спрятала деньги от мужа в укромное место и решила понемногу пользоваться ими так, чтобы не заметил старик. Прошло какое-то время и, старая женщина, взяв двадцатипятирублевку пошла в магазин купить масло. Получив сдачи решила полакомиться пирожным. Ей этих двадцати пяти рублей хватило надолго. В банке однажды обнаружили одну, а затем и вторую фальшивку, поступавшие из магазинов одного и того же квартала и докопались до матери Екальчика.

Нагрянул обыск, и нашли три сотни фальшивых 25-рублевок. Началось следствие. На вопрос, откуда у нее эти деньги она, не задумываясь, отвечала: от сыновей. Наведенные справки

установили: один сын — химик, второй — технолог в полиграфической промышленности. Все стало ясным. Привезли их в Москву. Естественно, они отрицали предъявленное им обвинение, но мать твердила свое: их деньги. Во время одной из очных ставок она обратилась к ним: «Неужели вы допустите, чтобы ваша мать на старости лет пошла на каторгу?» И он, младший Екальчик, решил взять на себя вину, заявив, что деньги изготовил он один. Это была якобы пробная партия, после которой он все препараты уничтожил. Но еще при мне он получил письмо от матери, где она Христом богом умоляла ее простить, что она больше не может жить, т. к. совесть замучила. В конце концов она пошла к прокурору и рассказала ему обо всем, как было на самом деле.

При мне его отправили в Москву на переследствие. Работа шла нормально, расхождений моих замеров с замерами участкового замерщика, производившего их с подчиненной ему инструментальной группой не было, все совпадало и ко мне не предъявлялось никаких претензий. Правда, это доставалось нелегко. Приходилось иногда кривить душой, заменяя в актах категорию уложенного грунта в полотно дороги ради того, чтобы не посадить колону на голодный паек, зная, что невыполнение нормы не было связано с халатной работой людей, их нерадивостью, а действительно завышенными нормами, которые никто не хотел пересматривать. А в насыпи полотна кубометры сходились.

Неожиданный поворот

Наступила зима. Неожиданно для меня приходит вызов в Усть-Кяхту — Штаб Отделения. Уже было уложено железнодорожное полотно и местами рельсы. На некоторых участках пользовались дрезинами. Оказалось, вызывал главный инженер Сегал и сообщил о моем назначении замерщиком Бюлитайского участка. «В вашем распоряжении будет инструментальная группа. Вы пока поселитесь в домике недалеко от вашей колоны, у вас будет дневальный, будете получать в колоне продукты на себя и на группу, а потом переберетесь в Билютай. Мы вам доверяем, надеемся, не допустите нарушений».

Все это было так невероятно, что просто не верилось, но факт остается фактом. Каждые две недели я должен был являться в отделение и докладывать о состоянии дел. Теперь надо было проверять и чисто строительные работы, связанные с обустройством станций, разъездов, инженерных коммуникаций. Моим куратором в техническом отделе была жена Сегала, жившая долго в Ленинграде, в связи с чем с каждым моим приездом всегда находились интересные темы для разговоров и воспоминаний о прожитых там днях и годах. Она никогда не гнушалась мной — тем, что я заключенный, с известным риском для себя приглашала меня на чашку чая, снабжала последними литературными новинками. Особенно щедро и систематически это делала, когда узнала, что я в какой-то степени связан с литературным миром Ленинграда, будучи мужем сестры Сергея Семенова, работавшего одно время руководителем крупнейшей литературной консультации Ленинграда и директором Пушкинского заповедника в Михайловском. Встречался у него со многими писателями Ленинграда. Когда Сегал узнала, что моя жена прямо под своим именем фигурирует в его романе «Голод», что я знаком с такими артистами, как Елизавета Ивановна Тиме, Утесовым, Ходотовым и многими другими, будучи почти три года членом художественно-политического совета Ленинградского облпрофсовета, ее внимание ко мне увеличилось. Я был неплохо знаком с артистическим миром еще и потому, что моя сестра Ира была мастером художественного слова.

Болезнь и неизвестность

Мое положение было каким-то необычным. Работал я как и все вольнонаемные, никому из них не приходило в голову даже намекать на мою неполноценность, как гражданина, хотя, по роду работы, приходилось настойчиво отстаивать перед ними свою позицию. Это положение в какой-то степени сглаживало остроту чувства обиды. Разница была в том, что я был далек от семьи и не получал зарплаты.

Шел второй год заключения. Все мои жалобы, посылаемые через вольнонаемных друзей, оставались без ответов или приходили стандартные «пересмотру не подлежит». Сглаживало и то, что на мне лежала ответственность, что во многом от меня зависело состояние нормального питания большого количества таких людей, как я, оказавшихся по милости неизвестно чьего произвола, в этих краях за проволокой. Приходилось даже в 50-градусный мороз шагать пешком по нескольку километров среди голых безлюдных сопок, когда блеск снегов слепил глаза и их от мороза ломило, было трудно дышать, а идти надо, иначе колонна сядет на минимальное продовольственное снабжение. Мне доверяли, значит я был нужен и это меня утешало.

В январе 1939 года я заболел. Беспричинно поднялась температура. Принял аспирин. Утром все было нормально и я пошел в одну из колонн, а к вечеру — опять температура. Так продолжалось неделя. Придя к фельдшеру, я получил какую-то микстуру, которую пил дня три, но лучше не стало. Кое-как добрался до больницы. Оказалось температура 40 градусов. Определили — аппендицит. Хирурга нет: он работает в Усть-Кяхте. Отправить туда — не довезут, гнойный аппендикс может вот-вот лопнуть и тогда — конец. Обложили меня льдом, и лежал я с ним не меньше недели. Лежал смирно, даже шевелиться запретили.

Прошел февраль, а я все лежу, не разрешают вставать. Однажды появился в лазарете начальник учетно-распределительной части участка и, поинтересовавшись состоянием моего здоровья спросил, скоро ли буду выписан. Через неделю он появился опять, а потом, в одном из своих очередных посещений, потребовал официальную справку за подписью двух врачей, что я действительно являюсь тяжелобольным: якобы запросили из Улан-Уде, т. е. из управления лагеря. Эти систематические запросы обо мне привели к мысли: «А вдруг на пересмотр дела?» В лазарете работал бывший судовой врач, имевший большой практический

стаж и бывший (до ареста) директором туберкулезного института в Свердловске, оба «контрреволюционеры».

Все мое лечение состояло из приема какой-то микстуры и прогрева синим светом живота: болей не было никаких. Понемногу начав ходить, я стал уговаривать врачей выписать меня из лазарета, благо уже пошли по линии паровозы, не говоря уже о дрезинах. Наконец, в конце марта меня выписали. Но этот день остался в моей памяти на всю жизнь.

Недавно привезли почти в беспамятном состоянии из какой-то колонны того самого Володю, который был в моей бригаде: он умирал от крупозного воспаления легких, которое получил пролежав около двух часов на снегу в наказание за неповиновение на работе стрелку-охраннику. Последний и придумал такое наказание. Результат — смерть… До сих пор мне все слышится мольба умирающего Володи, обращенная к матери: «Мама, мамочка! Спаси меня!» Но врачи ничего не могли сделать, чтобы спасти его. Тогда же вспомнился и другой случай подобного преступления против человечности, о котором рассказывал мне один заключенный из штрафной колонны: к полной открытой бочке с водой привязали штрафника и погнали его во всю прыть по бездорожью — вода выплескивалась из бочки прямо на человека, а мороз был в 27 градусов. Хорошо, человек не заболел, все обошлось благополучно. Но ведь так себя вели фашисты во время войны! Откуда же такая жестокость у людей? Откуда это звериное чувство садизма?!

Выписавшись из больницы, сажусь на отходящий в Усть-Кяхту паровоз и еду в отделение лагеря, которое должно меня направить в Улан-Удэ. Согласно положению, направился в больницу засвидетельствовать свое прибытие. Осматривавший меня в начале моей болезни врач работал тогда тоже в Билютае и при мне оттуда был переведен в Усть-Кяхту. Осматривал он очень тщательно и заявил, что он удивлен, как это могли в таком неудовлетворительном состоянии меня отпустить, да еще в такую дальнюю дорогу, и предложил немедленно ложиться в постель. Пришлось лечь. И когда ко мне зашла сестра Сегала, у нее попросил как-нибудь узнать, зачем меня вызывают в Улан-Удэ. К сожалению, это не удалось. Я остался в неизвестности. В начале мая на меня напала двухдневная малярия. Через каждые два дня меня так трясло, что я не мог попасть чайной ложкой в стакан. Запросы из Управления лагерем периодически продолжали поступать.

Возможность побега

В конце мая, наконец, меня выписали. Сразу же я был вызван в учетно-распределительную часть, где оформили мои документы. Я был включен в группу освобождающихся. Их отправили в Улан-Удэ, откуда они выйдут после вручения необходимых документов на свободу полноправными гражданами страны. Сопровождавшие поручили молодому охраннику. Сели мы в товарный вагон и тронулись в путь. На станции «Гусиное Озеро» конвоир сунул мне в руки папку с личными делами ехавших со словами: «Держи, ты тут самый старший, а я сбегаю на станцию кое-что купить». Не прошло и десяти минут, как поезд тронулся, а нашего конвоира нет и не видно. Создалось исключительное положение. Как быть? Решили, чтобы не подвести парня, не идти в штаб лагеря, а ожидать его на вокзале. В пути ребята стали меня уговаривать достать из папки свое дело, посмотреть, что там написано, и, если надо, изъять что-либо компрометирующее. А если хочешь — беги, воспользуйся таким небывалым случаем. Мне же не позволила совесть даже взглянуть в него.

В Улан-Удэ прибыли ночью. В ожидании конвоира устроились на скамейках в привокзальном сквере. Наступил рассвет, а его все нет. Естественно возникла мысль, что кто-то может обратить на нас внимание и доложить дежурному. Ситуация складывалась неприятная. К нашему облегчению, конвоир появился. Увидев нас обрадовался, подбежал и пожал каждому руку. «А я-то думал, что попаду под суд. Спасибо, что не пошли в лагерь сами».

В лагере меня направили в барак, оказавшийся пустым, без жильцов. Целый день бродил я бесцельно по зоне, никто меня не вызывал. Вечером расположился на голых нарах, но спать не пришлось, т. к. напала целая стая клопов. Пришлось перебраться на пол, но и там их оказалась уйма. Решил вокруг себя сделать водяной барьер, но он мало помог — клопы падали на меня с потолка, как парашютисты. Такого обилия этих мерзких насекомых я больше в жизни никогда не видал. Такова была санитария и гигиена под самым носом высокого начальства Южжелдорстройлага НКВД на ДВК.

Опять этап

Утром меня вызвали в учетно-распределительный отдел и объявили: «Вы отправляетесь по спецнаряду на строительство Куйбышевского гидроузла». Все мои мечты о пересмотре рухнули. Куйбышевская гидростанция строилась тогда не там, где действует сегодняшняя. В 1940 году ту законсервировали и все средства, несмотря на произведенные большие затраты по ГЭС, перебросили на строительство Безымянских авиационных заводов. Значит, опять этап, опять неизвестность. Так хорошо, благоприятно сложилась для меня обстановка здесь, в Бурято-Монголии. Среди окружающих меня людей я встретил понимание моего положения, увидел их стремление облегчить мою тяжелую участь, а главное, не ощущал за своей спиной винтовки и не слышал окриков охранников, усвоивших вдалбливаемую им мысль, что они имеют дело не просто с заключенными, а с врагами народа, по отношению к которым все недозволенное — дозволено. И вот опять все снова. На следующий день меня отвезли на станцию, посадили в стоящий в тупике специальный вагон, разделенный на две части: одна предназначалась для двух или трех арестантов, вторая — для охраны.

В этом вагоне я познал, что такое землетрясение. Я знал, что вагон стоит на однозвенных рельсах и никуда двигаться не в состоянии, а тут вдруг сильный толчок, сначала один, затем другой. Охранник, как обалделый, выскочил из вагона, но все стихло. Это было землетрясение.

Вечером за мной пришли два конвоира и повели к пассажирскому поезду. Поместились в крайнем купе. Один из охранников сразу же залез на верхнюю полку спать, второй сел рядом со мной и предложил расстелить матрац и лечь. Потом они поменялись ролями. Днем мы приехали в Иркутск. В тюремной машине меня доставили в тюрьму. Попал я в камеру, где находился только один человек. По произнесенному приветствию я понял, что передо мной иностранец. Разговорились. Оказался он чешским коммунистом, членом ЦК, работавшим до ареста в Комитерне. Был осужден за шпионаж и попал на Колыму. Там сумел отослать через добрых людей весточку своим товарищам. Теперь его везут в Москву и он надеется на освобождение. Чех считал, что его взяли по доносу одной сволочи, которую он знал.

В Иркутске я пробыл всего одни сутки, откуда меня отправляли уже в арестантском вагоне и пришлось перенести донельзя унизительные процедуры обыска в тамбуре (об этих обысках и осмотрах я уже писал выше). После этого меня

посадили за решетку одного из купе все равно, как дикого зверя в зверинце. В купе находился малолетка, который сидел за поджог дома такого же мальчика из чувства мести.

Прошел он, очевидно, уже большую школу лагерного «воспитания» и превратился в настоящего хулигана. Что он только не вытворял в дороге! Пел во всю глотку самые похабные блатные песни, на станциях стучал в окно и орал, что его бьют, танцевал совершенно немыслимые танцы на сплошной верхней полке. В общем было «весело». Конвой терпел. В компании этого молодца пришлось ехать до Новосибирска. Вот вам и трудовые исправительные колонии, а это было одним из образцов воспитания. Очевидно, не следует иметь общие лагеря и колонии, а нужны такие, которые не давали бы возможность отрицательна воздействовать на молодых нарушителей, впервые попавших под действие законов, охраняющих нормальную жизнь общества. Воспитывать надо не только трудом, а превращать его в панацею — величайшая ошибка.

Существующие лагеря и колонии в таком виде, какие они есть сегодня и с таким содержанием воспитательной работы среди молодежи, никогда не добьются перевоспитания ее в необходимом для общества направлении. «Героизму» недозволенного необходимо противопоставить более сильные и эффективные методы воздействия на психику молодого преступника, еще неискушенного легкой жизнью. Рассказы о привольной жизни, о ресторанах, о доступных девочках, о хороших заграничных костюмах, транзисторах и тому подобных «прелестях» о которых мечтают многие молодые люди, действуют на них гораздо сильнее, чем скучные, неумело проводимые политчасы. Рецидивисты не должны, не могут находиться в одной группе, в одной колонии и одном лагере с новичками преступлений.

Неискушенные, еще не отравленные молодые преступники «вольной жизнью» должны попадать в руки высококвалифицированных педагогов, а не таких начальников культурно-воспитательной части, об одном из которых рассказано в повести «Пережитое», где тот требовал от автора этой повести написать пьесу в течение нескольких дней, и, когда тот заявил, что он не Шекспир, то последовал вопрос: «А где этот Шекспир?» В ответе было сказано ради шутки: «В бараке». И вот реакция: «Немедленно пришли его ко мне!» А когда выяснилось, что никакого Шекспира в лагере нет, то шутник был наказан. Конечно, подобные воспитатели не смогут противостоять теневому, негласному «воспитанию», тихой сапой отравляющего пока еще мало искушенные умы. Отсюда, вполне естественно,

напрашивается вывод: «НЕЛЬЗЯ ПУСКАТЬ ВОЛКОВ В ОВЕЧЬЕ СТАДО».

В Новосибирске пришлось мне идти пешком в пересыльную тюрьму. К счастью, в пересылке я пробыл только два дня в компании какой-то группы аферистов и двух воров в законе; один из них, старый цыган, отдавал предпочтение не конокрадству, а воровству и имел кучу подручных, работавших на него, но получавших крохи в виде милости.

И опять арестантский вагон и те же унизительные процедуры, к счастью, последние на этом пути. И вот я в Куйбышеве, в центре России — это все же не Сибирь. Начался новый период моего заключения.

Куйбышев

Из тюрьмы меня в числе пятнадцати человек доставили в лагерь на Безымянке — предместье Куйбышева. По дороге в машине я познакомился с инженером Зининым — крупным специалистом гидротехником, имевший большой опыт в области гидромеханизации, до заключения работавшим старшим инженером Наркомвода и курировавшим северные водоемы страны, а сейчас направленным тоже по спецнаряду со строительства Южной гавани в Москве сюда на строительство самой крупнейшей гидростанции Европы. Он отбывал срок наказания по статье 7/VIII за значительную растрату. Получилось так, что мы оба оказались обладателями двух нижних мест на двухъярусных деревянных четырехместных нарах в светлом просторном бараке, в котором проживало сто инженерно-технических работников и служащих разных профессий. Нам выдали матрацы, подушки, чистые хорошие наволочки и по одной простыне. Все было нормально.

Безымянское отделение Самарлаг вело строительство Безымянской ТЭЦ. Сам Самарлаг насчитывал несколько сот тысячи заключенных. Начальником его был некто Чистов, депутат Верховного Совета.

Начальником нашего отделения — капитан Бородкин. Мне предстояло участвовать в строительстве водоподводящего канала к насосной станции ТЭЦ, проходившего по старому руслу реки Самарки. На этом объекте по проекту должен был применяться комбинированный метод — сочетание работы земснаряда с гидромониторами, когда последние размывают грунт и направляют его к приемнику (Зумпфу) землесоса, а тот его всасывает и качает по трубам, уложенным на понтонах в предусмотренные проектом сооружения. В данном случае для наращивания высоты берегов канала земснаряд вел за собой воду реки Самарки и находился на плаву.

Зинин был знаком с проектом сооружения канала. Еще в Южной гавани начальник управления гидромеханизации ГУЛАГА НКВД СССР Борис Маркович Шкундин ввел Зинина в курс будущих дел. Это был тот Борис Маркович Шкундин, которого я несколько критиковал в своей книге, не вышедшей в свет в связи с моим арестом. Пока же шли подготовительные работы, монтаж землесосов, изготовление понтонов, обеспечение электроэнергией, забивались сваи перемычки под первый забой. Зинин и я занялись начертанием пути земснаряда и графиками его прохождения, т. е. графиками производства работ.

Трасса канала была весьма разнообразной и своеобразной: надо было пересечь Красное озеро по имени которого назывался расположенный здесь совхоз. Поверхность озера была выше подошвы забоя на восемь метров. Надо было умело выпустить из него воду, чтобы не затопить земснаряд и не допустить разрушения перемычки.

Через тридцать лет я случайно встретился с директором совхоза в одной дружественной мне семье — мы оба стали уже стариками. Предстоящая интересная работа и та, которую приходилось сейчас исполнять, в значительной степени сглаживали, ослабляли ощущение своей неполноценности как советского гражданина, как человека, не имевшего права голоса. Иногда хотелось крикнуть во все горло, во всю силу своих легких: «Эй! Что вы делаете там, наверху? Как вы смотрите на все, что творится на нашей советской земле?! Где вы прославленные, легендарные герои? Неужели смирились, покорились каким-то Ежовым и Берия? Почему не откроете глаза нашему Сталину!»

Если бы я знал тогда, что кроется под этим именем, то легче было бы переносить все эти моральные, а иногда и физические унижения, а так черт его знает, что думалось. Ведь оправдывал его, верил ему! Но так или иначе, надо было жить, работать и работать, так, как умею, отдавая делу всего себя и не опускаясь до уровня равнодушия, до подобия манекену.

В тяжелые минуты я брал себя в руки и сам себе говорил: «Стоп! Прежде всего ты должен быть человеком, быть коммунистом», как будто я чувствовал, что мое личное дело пролежало в архиве и я не был, как оказалось, исключен из кандидатов партии. Это выяснилось при рассмотрении моей партийности в Сталинградском обкоме партии в 1956 году, когда пришла реабилитация. После таких срывов я вновь энергично брался за работу.

Руководителем участка гидромеханизации был Карабанов — человек в летах; его помощником, главным инженером — Мичкин, молодой энергичный специалист, но не имевший еще опыта в данной области. Эти два руководителя прекрасно дополняли друг друга и, самое их большое достоинство, пожалуй, заключалось в том, что они на нас, заключенных, смотрели как на обыкновенных людей. Мичкин просто заявил: «Чтобы я не слышал обращение ко мне „гражданин начальник“, у меня есть имя и отчество, и пользуетесь им». К такого рода людям относился и молодой механик, не стеснявшийся в разговорах со мной проявлять наивность и незнание жизни. Неоднократно он отправлял мои письма домой и никогда не считал меня врагом народа.

Увлеченный новой работой, я забывал о своем положении, и лишь команда часовых, находившихся на обоих берегах будущего канала: («Кончай работу! Выходить строиться!»), возвращала к действительности. В один из дней, работая на брандвахте, занятый какими-то расчетами, я не заметил, как в комнате появился посторонний человек и встал только после команды Зинина «встать!» Вошедший был среднего роста, широкоплечий, еще молодой, сразу бросились в глаза широченные черные брови и симпатичное лицо. «Ну вот, хорошо что Вы здесь, Зинин, — сказал он. — А Конаржевский не появился?». «Прибыл, гражданин начальник, это я». Он посмотрел на меня с улыбкой и сказал: «Прекрасно. Теперь Вы докажете здесь, в наших условиях, свой коэффициент». Я с удивлением посмотрел на него, не понимая, о чем идет речь, пожал плечами и ответил вопросом: «Простите гражданин начальник, я не знаю, о каких коэффициентах идет речь. Я не знаю никаких». Он: «Вот как? Ну, я вам напомню. Во-первых, я тот самый Шкундин, которого вы изволили критиковать в своей интересной работе „Опыт проведения вскрышных работ методом гидромеханизации в карьерах „Орлов Лог““. Я тогда не обиделся, т. к. в какой-то степени вы были правы».

Я его перебил, спросив, откуда он может знать о моей работе, если она не увидела свет, а гранки были изъяты. «Дело в том, — отвечал он, — что в вашей работе приведено много интересного материала, заслуживающего серьезного внимания, до сих пор ни в каких трудах не встречающихся, много исследовательских данных, оригинальных диаграмм, и руководство треста получило разрешение с оставшегося оригинала выборочно размножить копии для определенного круга специалистов. Один такой экземпляр передали мне». Я заинтересовался, почему ее не издали. «Я узнал, — продолжал он, не отвечая на мой вопрос, — что вы осуждены и находитесь в каких-то лагерях. Решил разузнать, в каком именно и по спецнаряду затребовал вас сюда. — Считаю, что вы здесь принесете больше пользы, чем там, где вы были. В отношении коэффициентов я, конечно, пошутил, и не принимайте эту штуку близко к сердцу». Борис Маркович произвел на меня очень хорошее впечатление. Наконец, все подготовленные работы были окончены, и мы приступили к нашим основным делам по созданию канала.

В 1947 году за месяц до освобождения я написал Б. М. Шкундину о возможности моего использования в его системе; к сожалению, ответ пришел тогда, когда я уже работал в другом месте. В нем он писал, что задержался с ответом в связи с длительной командировкой и предлагал приехать в Москву для выбора места работы. Заканчивалось письмо словами: «Для вас

работа всегда найдется».

А пока в Куйбышеве я работал, работал, работал, чтобы заглушить черные мысли не только о сегодняшнем дне, но и о будущем, если только останусь жив.

Однажды на земснаряде появился главный инженер строительства Куйбышевгидроузла Саламов. Там в это время находился Мичкин. Разговор пошел о высоких показателях, имеющих место на участке гидромеханизации, и эти успехи заинтересовали Чистова — начальника Самарлага, депутата Верховного Совета. Сагламов задал мне вопрос: «Какой же может быть предельный рекорд выработки? Хорошо бы к посещению Чистова дать выработку — 1000 м^3 в смену». Я обратился к Мичкину: «Как, рискнем? Покажем, что может дать эта деревянная коробка». «Давайте рискнем, — ответил Мичкин».

Назначили ближайший день для такого рекорда. И вот он настал. Все шло как по маслу — точно по расписанию. Совершенно неожиданно в 12 часов выключили электроэнергию. Все остановилось. Телефонов на земснаряде не было, и узнать по какой причине выключили и скоро ли будет возобновлена подача энергии, оказалось невозможно.

Сидим и ждем у моря погоды. Электроэнергию дали только через два часа. За полчаса до окончания смены приехал Саламов. Карабанов ему доложил о случившемся простое. Как же будем выходить из положения перед Чистовым? Посмотрим результаты замера. Когда их принесли, то оказалось, что до намеченных 1000 м^3 не хватило всего-навсего 81 или 8 %. Саламов даже воскликнул: «Вот это здорово! Простоять два часа и так великолепно сработать! Думаю, Чистов это поймет». Появился Чистов в сопровождении небольшой свиты. Высокого роста, довольно тучного сложения, его неприятный взгляд не располагал к себе. Небрежно поздоровался с Карабановым и Мичкиным, а стоявшего рядом с ними молодого механика даже не заметил. И с ходу спросил: «Ну, как рекорд?», Ему Саламов объяснил положение с рекордом: выработка, несмотря на простой, действительно рекордная. Чистов посмотрел на Саламова, скривился и заявил: «Значит, рекорда нет!» — и ни с кем не попрощавшись, уехал. Нечего, мол, терять зря время. «Вот так-то, — подумал я, — у этого человека не душа, а лед». Этим кончился наш рекорд.

С этим Чистовым мне пришлось еще раз встретиться зимой 1940 года, когда шла война с Финляндией. Эта встреча состоялась в котловане строящейся насосной станции.

Работало там минимум 500 человек, главным образом, это были узбеки в своих национальных халатах, а мороз стоял 40

градусов. Жгли костры. Группа людей отогревалась у одного из них. Неожиданно появился Чистов. Увидев греющиеся заключенных, подозвал меня, очевидно, приняв за десятника и крикнул: «Это еще что за безобразие?! Какие нежности! Немедленно затушить костры! Заключенные должны работать, как автоматы, как автоматы! — повторил он. — Вам понятно? Выполняйте!» Я только заскрежетал зубами и про себя выругался. Вот сволочь! Палач — больше никто! И сказал: «Гражданин начальник, я не распоряжаюсь этими людьми». — «Тогда пошли кого-нибудь за начальством, я буду здесь». Я ушел и больше не приходил. О чем потом он говорил с этим начальством — не знаю. Наверно, такие люди считают себя непогрешимыми руководителями, и ничего удивительного нет в этом, что младшие начальники подражают таким, как Чистов, а порой ведут себя и хуже. Плохой пример заразителен.

Не совсем удавшийся рекорд нам самим показал возможности снаряда, позже его работа пошла значительно интенсивнее, мы с каждым днем все ближе и ближе придвигались к Красному Озеру, готовились к его спуску. Это была красивая картина, длившаяся несколько часов. В озере было полно рыб. Как только полностью оголилось дно, перед нами предстала изумительная картина: озеро превратилось в живое блестящее серебро. Охрана разрешила выделить из команды трех хлопцев, которых снабдили корзинами и ведрами, и вместе с одним из стрелков отправили на «ловлю» рыбы. Ее хватило всем: и заключенным, и вольнонаемным.

В то время еще существовали зачеты, которых у меня накопилось уже почти полтора года, и мне разрешили свидание с женой. Потекли невыносимые дни ожидания. Время словно замерло, остановилось. Придет Фея? Не придет? Сколько придется ждать…

Жена

И вот однажды я только вернулся с работы, как меня вызывают на вахту. Прихожу, а дежурный говорит: «Вам дается два часа на свидание с женой. Пройдите», — и провел меня в паршивенькую крошечную комнатушку. На деревянной скамейке в напряженной позе сидела моя Фея. Сначала она даже не узнала меня и посмотрела в мою сторону с удивлением и, пожалуй, с каким-то недоверием. На лице ее не было радости. Я здорово загорел, находясь все время на воздухе, на солнце; кроме того, у меня было острижена голова. Таким за 17 лет нашей совместной учебы и жизни она никогда меня не видела. Как ни странно, но почему-то и во мне не было порыва броситься к ней, схватить ее в свои объятия, крепко-крепко прижать к себе, расцеловать, нежно гладить ее волосы цвета осенних листьев. Казалось, что передо мной была не она, а кто-то другой из далекого-далекого прошлого. Мы поцеловались, просто поцеловались и сели на неприглядную деревянную скамейку, которая того и гляди развалится, и не смогли сразу найти темы для разговора, а смотрели друг на друга, как бы изучая. Она заговорила первая: «Толя! Толя! Тебя не узнать, настолько ты изменился». Я смотрел на нее и думал: «А ты все такая же, с нежным цветом лица, также привлекательна и интересна».

Первым моим вопросом был, естественно, вопрос о Юре, как он там. Фея рассказала, как Юра переживал мой арест. Придя в школу и увидев настороженные взгляды ребят, до которых уже дошло известие о моем аресте, Юра вскочил с парты и закричал: «Это ложь! Мой отец не может быть врагом народа!» и выбежал из класса. Больше он в школу не пошел. Рассказала она и о том, как Петр Самойлович Вайсмант в эти тяжелые дни поддерживал ее морально до самого ее и Юриного отъезда в Ленинград.

Большое впечатление на нее произвел случай, происшедший с ней в день, когда она пришла в тюрьму с передачей для меня. Но меня там уже не было. Возвращалась она в Орлов Лог совсем убитая, шла медленно и вдруг где-то в ложбине увидела трех людей. Кто это был, разобрать она не могла, т. к. было темно. Двое подошли к ней. Один из них дотронулся до ее беличьей шубки и заявил: «Эге, милая дамочка, шубка у тебя великолепная, нам пригодится. А что в узелке? Давай посмотрим». Она растерялась и даже ничего не могла произнести. Подошел третий, вгляделся в нее и вдруг присвистнул: «Братцы, отставить! Ведь это жена Анатолия Игнатьевича, а его, такого хорошего человека, укатали в тюрьму! — и обратившись к ней, сказал: — Можете

быть спокойны, ничего не возьмем. Он был понимающим начальником. Жаль от души. Мы вас проводим домой». Кто это был, она не знала, но несомненно, что кто-то не из наших людей.

Медведев Иван Иванович (нач. смены) почему-то перестал разговаривать с одним из двоих сменных и стал выпивать еще больше. Оказалось, что он не поддался угрозам следователя подписать на меня ложные показания, о чем мне стало известно при разборе моего дела в 1956 году.

Секретарь парторганизации Пашков перестал заходить к жене, старался ее избегать, а при встречах прятал глаза. Екатерину Ивановну Манучарову тоже арестовали, а ее дочку отправили в Москву. Приезжал в Ленинград Николай Дмитриевич Агеев, зашел к Фее, но, узнав, что я осужден, постарался поскорее уйти. Сергею Семенову, брату жены, вынесли строгий выговор за то, что приютил ее у себя, т. е. за связь с женой врага народа. Николая понизили в должности и куда-то перевели в область. Только Котя и Ира поддерживали ее и сына, а так все шарахаются, как от какой-то заразы. Она была благодарна теперешнему своему начальнику, принявшему ее к себе на работу, несмотря на то, что она жена контрреволюционера. Юра прислал мне свое сочинение, очень понравившееся Сергею и передал общую тетрадь, исписанную до самого конца. Это было что-то вроде киносценария с увлекательным острым сюжетом о нападении Гитлера на запад (написано до 1 сентября), о диверсиях, разоблаченных нашим ГПУ, и вылавливании военных шпионов. Я прочел все это с большим удовольствием, когда мне вернули тетрадь Юры из третьего отдела, куда их забрали от меня при выходе со свидания, причем посоветовали передать сыну, чтобы не увлекался такими темами, и не поверили тому, что ему только четырнадцатый год от роду. В целом же свидание оказалось каким-то натянутым, несердечным.

На второй день разрешили еще три часа видеться с женой, но эти часы были, пожалуй, больше тягостными, чем радостными. Весь разговор вылился в описание отдельных моментов из моей жизни за эти два года. Я тогда прямо ей сказал: «Дорогая Фея, что будет со мной, неизвестно; проблесков на пересмотр дела нет никаких. Выживу ли я оставшиеся восемь лет, тоже неизвестно. Ты молода, красива, не жди меня, не губи свою молодость. Жизнь есть жизнь; тебе только тридцать четыре года — самый расцвет сил. Юра поймет: он достаточно умен, тем более его опекают Котя, Ира и мама. Так что решай, дорогая, и пусть совесть тебя не мучает. Считай, что ты свободна с этой минуты». На этом я с ней расстался. Расстался с тяжелым чувством. Было такое ощущение, что эта наша последняя встреча… Предчувствие меня не

обмануло…

В бараке мне все завидовали, т. к. это был беспрецедентный случай, чтобы контрику, отбывшему наказание всего только два года, дали свидание с женой. Позже я узнал, что этому помогли хорошие характеристики Бориса Марковича Шкундина и начальника этого лагеря капитана Бородкина, с которым мне пришлось еще раз встретиться, но уже на Урале, в совершенно других условиях и при других обстоятельствах.

С женой я встретился только в 1956 году, когда надо было решать вопрос о разводе, т. к. она вышла замуж сразу после снятия блокады Ленинграда. Сын после фронта, госпиталя и двухлетней работы электромонтажником в 1949 году из Ленинграда перебрался к нам в Златоуст. Работая монтажником поступил в вечернюю школу. Ее окончил. Не был из-за меня принят в Ленинградский университет на факультет журналистики. Окончив Свердловский университет, вернулся в Златоуст, став директором школы, в которой учился.

Через два года был уже зав. гороно, еще через год — зав. отделом агитации и пропаганды Злотоустовского горкома партии, затем лектором Челябинского обкома, а через год — зам. зав. облоно. Защитил кандидатскую и докторскую диссертации, получил звание профессора. Много лет спустя во время проверки в НИИ педагогии членских взносов, меня спросили: «Это не ваш родственник Юрий Анатольевич Конаржевский?» — «Да, это сын». «А вы знаете, что он один из самых уважаемых у нас ученых, мы всегда с интересом ждем его статей и выступлений». Было, конечно, приятно слышать такой хороший отзыв. Юрий продолжает и сегодня считать меня большим оптимистом и идеалистом. Но если бы не оптимизм, жизнелюбие, сила воли, вряд ли я сумел бы пережить все это, что выпало на мою долю. Вся моя жизнь была далеко нелегкой.

С тринадцати лет я узнал и холод, и голод, и тяжелый труд батрака, когда волею обстоятельств я оказался оторванным от родных и они уже считали, что меня нет в живых, но это не сломило меня. А перенести десять лет сталинского произвола чего-нибудь да стоит, но и это не превратило, меня в угрюмого пессимиста, разочарованного в жизни, в партии, в победе перестройки, начатой нашей партией. Нет, я остался верным своему, очевидно, врожденному оптимизму.

Я верю в наше хорошее будущее, и так хотелось бы дожить до него! Сейчас только и жить в этой новой эпохе расцвета личности, когда исчезает скованность людей; радуешься от души, всем сердцем, когда чувствуешь себя активом, а не пассивом в преображающемся обществе, когда чувствуешь себя нужным,

иначе вряд ли я в свои 84 года был бы избран в райком партии и народным депутатом, вряд ли показывали бы меня по Всесоюзному телевидению и передавали по радио о моих делах. Работа, труд заставляет жить. Дают силы для жизни, поэтому иногда говоришь себе: «Так держать, Анатолий Игнатьевич! Наперекор всем и вся». Пока нам тяжело, трудно, но эти трудности переживем, не падая духом, сохраняя выдержку, не допуская поспешности. Главное, верить в преодоление трудностей, а как скоро мы придем к намеченной цели — зависит только от нас самих, путь к ней в наших руках.

Но вернемся к прошлому, которое забывать нельзя, так как это горький урок в истории нашей страны. В начале ноября надо было выводить земснаряд к месту его зимней стоянки. Канал был подведен к самому котловану насосной станции. По пути передвижения одной из ходовых свай задели высоковольтную линию и порвали ее; провод упал в воду — вокруг моментально всплыло множество убитой рыбы, но у нас никто не пострадал; в общем отделались только испугом. Я и Зинин засели за технический отчет. Это была своеобразная работа — вычертить весь путь, пройденный земснарядом, и нанести ежесуточную выработку, а также фактически полученный профиль канала.

Сейчас все внимание строителей было сосредоточено на насосной станции. Ее фундамент надо было закончить до весеннего паводка, ожидавшегося по прогнозам в середине марта. Замснаряд встал на ремонт. Я научился устраивать капистаны-вороты для вытаскивания на берег небольших судов, вроде нашего земснаряда. Научился при помощи вымораживания создавать ледяной коридор вокруг снаряда и, благодаря этому методу, производить конопатку и осмолку подводной части корпуса судна. Работы по конопатке проводила женская бригада, состоявшаяся только из молодых женщин. Руководила бригадой исключительная красавица-воровка лет 25–27, не больше: длиннющие русые косы намного ниже пояса, глаза карие, брови темные, щеки румяные. Надень на ее голову кокошник — ну, была бы царевной из сказки. Покрикивая на своих девчат, не стеснялась материться, жаргон ее не соответствовал красоте и был ужасен. Не знаю почему, но я ей чем-то понравился, и она без зазрения совести начала приходить ко мне в барак, садилась на мою нару и, прижимаясь попой, говорила: «Жаль, что ты контрик, а то дала бы жизни, нравишься ты мне, вот и прихожу; наплевать мне на то, что твои контрики думают. Да ты не красней, что я такая! А любить умею». Как она проникала в мужскую зону, не имею понятия. Женская примыкала к нашей зоне и была отгорожена двумя рядами колючей проволоки.

Мне было страшно неудобно перед Зининым и другими соседями, а главное, у нас разговор никак не клеился, да и не тянуло меня к ней, как к женщине. Хорошо, что эти визиты продлились недолго: их куда-то перевели, и я свободно вздохнул. Зима 1940 года оказалась для меня нелегкой, так что не пришлось отсиживаться на брандвахте за техническим отчетом и наблюдать за ремонтом. Совершенно неожиданно все изменилось. Вызвали меня и Зинина в штаб к главному инженеру строительства ТЭЦ Зильберману. До начала паводка надо было закончить фундаменты под насосы, иначе Волга затопит котлован и придется ждать, пока не схлынет вода, чтобы начать бетонные работу. Сама ТЭЦ росла не по дням, а по часам, поэтому нельзя было допустить отставание насосной станции.

ТЭЦ

Зильберман сидел у себя в кабинете и разговаривал с какими-то людьми. Поздоровался с нами довольно приветливо. «Кто из Вас Зинин? Так вот, будете обеспечивать котлован качественным бетоном и строго по графику, а вы, Конаржевский, займетесь свайными работами. Это очень ответственный участок. Пройдите в технический отдел, вас там познакомят с документацией и подробностями работы, а завтра получите некоторые указания от С. Я. Жука.

До паводка осталось 65 дней, пока забито всего 16 свай, а надо забить 600».

В техническом отделе работали тоже заключенные, из них многих я знал по бараку. Они рассказали не совсем приятную историю этого сооружения. Вначале предполагалось выполнить ограждение металлическим шпунтом площадки под насосную с целью ликвидации поступления грунтовых вод в так называемый «стакан» — площадку под насосную. Дно котлована находилось на глубине 18 метров и имело размеры 25х25х25х25. Металлического шпунта не оказалось… С. Я. Жук дал разрешение заменить его дубовым, но и дубовый был заменен на сосновый. Требовалось плотное прилегание свай друг к другу, между шпунтом и гребнем не должно быть зазоров.

Сваи забиваются до отказа, затем надо было всю образовавшуюся стену по периметру «стакана» гидроизолировать, а также — и дно «стакана» после укладки бетона. Если паводок ожидается к середине марта, то все эти работы надо закончить к середине февраля. Вот такие дела. Когда мне сказали, что за три недели с начала свайных работ забито всего только 16 свай, я немного приуныл. На карту поставлен мой престиж и дальнейшее благополучное пребывание в лагере. Я понимал: если не справлюсь, то мне предстоит дорога на общие работы — на тяжелый физический труд, а этого я не вынесу долгое время в связи с операцией, перенесенной в детстве и дававшей знать о себе при большом физическом напряжении. 16 штук за три недели… А тут 500 с лишним — за сорок дней, и работает один копер.

Придя в барак, я лег на нары и стал думать, как выйти из положения. Хотел посоветоваться с Зининым, имевшим опыт несравнимо больший моего, но он только пожал плечами и ответил: «Затрудняюсь что-нибудь посоветовать». Вообще этот человек не относился к категории сочувствующих трудностям других. Между нами не было взаимной симпатии, наши

политические взгляды резко расходились: он не переносил всеми фибрами своей души наш советский строй и всегда старался подчеркнуть малейшие промахи в его развитии, особенно упирая на происходящий произвол в стране; это был его основной аргумент, против которого трудно возражать. Подобного рода разговоры заканчивались обычно растущей друг к другу неприязнью.

На следующий день я предстал перед С. Я Жуком (его именем назван Всесоюзный институт «Гидропроект»). С ним в кабинете находились Зильберман и Бородкин (начальник нашего лагеря). Зильберман обратился ко мне с вопросом: «Как вы решили справиться с поставленной задачей? Ваши соображения?» Обдумывая положение дел, я наметил ряд мероприятий, которые с моей точки зрения могли бы дать какую-то гарантию своевременному окончанию этих работ, и решил категорически их отстаивать.

Я начал, во-первых, ввести три смены вместо двух и работать по восемь часов, учитывая сильные морозы, снижающие работоспособность людей (наверное, многие помнят те сильные морозы, которые выпали на февраль 1940 г., когда на финском фронте имело место массовые обморожения, а работы в котловане не прекращались ни на одну минуту); Во-вторых, работающим на копрах выдать теплые портянки и теплые рукавицы; в-третьих, у каждого копра разрешить костер; в-четвертых, установить еще один копер и, в-пятых, за каждую забитую сверх нормы сваю давать дополнительный пирожок и пачку махорки — это будет иметь большое значение для заинтересованности людей. И вот мои черновые наброски графика производства работ. Жук и Зильберман выслушали меня очень внимательно. «Ну как? — спросил Сергей Яковлевич Зильбермана. — Согласимся?»— «А как Вы, т. Бородкин, сумеете пойти навстречу и выполнить предложения, касающиеся Вашей компетенции?» — «Безусловно, — ответил Бородкин, — ведь Конаржевский у нас один из рекордистов».

Работа пошла полным ходом. Примерно через неделю ко мне подходит один из заключенных. Попросив, чтоб я не выдавал его, т. к. иначе ему не будет житья, он рассказало том, что в ночную смену начинают ловчить и для того, чтобы перевыполнить задание, спиливают нижнюю часть сваи, укорачивая ее. Это меня очень взволновало. Я, никому не говоря об услышанном, попросил Зильбермана направлять в ночную смену кого-либо из технического отдела, чтобы избежать каких-либо неприятностей и быть уверенным в правильности составляемых актов на отказы свай. Он мою просьбу выполнил. Пачка махорки, дополнительный

пирожок, хотя пожаловаться на питание было нельзя (оно было сносным) и сокращенный день делали свое дело — поднимали заинтересованность в выполнении задания. Свайные и изоляционные работы были закончены на шесть дней раньше. Мне вписали в зачет по три дня за каждый день.

Вести, приходившие о военных действиях в Финляндии, вызывали недоумение и разочарование. Никогда не предполагал, что мы можем так долго задержаться с войной, имея перед собой такое малюсенькое государство, как Финляндия, и нести большие потери. Урок на будущее.

Настал день, когда в срочном порядке из котлована все убиралось. Волга начала подыматься, и пришлось быть свидетелем, когда она оказалась на девять метров выше своего обычного уровня, затопила наш котлован, и слизнула выполненную часть намывной плотины, т. е. нашу работу, и мы с Зининым, которому тоже было нелегко на бетонных работах, производившихся при таких сильных морозах, вернулись на брандвахту заканчивать наш технический отчет.

«Красная Глинка»

В апреле меня и Зинина перевели в лагерь на Красной Глинке, расположенный на высоком берегу Волги. Подъезжая к лагерю, огороженному только проволокой, как бы в укор окружающей его красоте Жигулевских гор, обратили внимание на несколько пожарных машин, стоявших у вахты, и небольшой отряд охранников выходивших из зоны. Оказалось, там было небольшое побоище. Два узбека, получив на вахте посылки, отправлялись к себе в барак, по пути на них напали урки и отобрали посылки. Пострадавшие заметили, в каком бараке скрылись уркачи и подняли большую группу своих земляков с целью отобрать посылки. На этой почве началась драка, в которую ввязывалось все больше и больше заключенных с одной и с другой стороны, но так как численное превосходство в этом лагере было на стороне узбеков, то блатным пришлось бы очень плохо. Начальство вынуждено было вызвать пожарные машины и отряд охраны.

Дравшиеся отделались синяками и ссадинами, на зато самооборона и нападение осужденных по 58-ой статье здорово подействовали на т. н. бытовиков, и подобные грабежи больше не повторялись. Зинина и меня поместили в отдельную светлую комнату, в которой находилось четыре кровати, одна из них принадлежала старшему нарядчику, а вторая — бывшему командиру кавалерийской дивизии, выполнявшему какую-то канцелярскую работу в штабе лагеря.

По ходатайству, очевидно, Бориса Марковича Шкундина мы питались не в столовой, а у себя в комнате. Питание было улучшенным. Работа предстояла интересная: надо было перекачать грунт всего Зеленого острова на Волге в тело гравитационной части плотины Волжской гидроэлектростанции протяженностью свыше километра и высотой, если не изменят память, кажется, 18 метров. Зеленый остров, поросший кустарником, доставил нам много неприятностей, т. к. корни попадая в землесос, часто заклинивали рабочее колесо землесоса, и приходилось останавливать работу и делать его очистку — это здорово тормозило ход намыва тела плотины.

Я руководил сменой и числился брандмейстером. Наши отношения с Зинином с каждым днем ухудшались, и я был очень рад, когда меня перевели из его группы на подготовку пуска нового земснаряда (производительностью 500 кубометров в час) для размыва Песчаного острова и транспортировки грунта в тело плотины. Здесь применялся такой же комбинированный метод

работ, как на Безымянке. Руководителем был назначен я. Намывная часть плотины уже вышла из-под воды и возвышалась над ней на полтора метра.

Через день и мой земснаряд должен был вступить в строй. Хорошая подготовка самого снаряда и забоя вселяли чувство уверенности в успехе. Весь Песчаный остров имел одно общее оцепление, и работало на нем больше тысячи заключенных. Процедура выхода бригад из зоны всегда занимала много времени, особенно после нескольких побегов, о которых следует рассказать, настолько они оригинальны. Трое заключенных при содействии остальных членов бригады запаслись продуктами, вырыли днем глубокую яму, залезли в нее, и их накрыли листом железа, а на него посыпали толстый слой песка. По окончании рабочего дня дружки разожгли на этом месте небольшой костер.

При выходе из зоны охрана недосчитала трех заключенных. Оцепление с острова не было снято, туда направили розыскных собак, и все начальство было уверено, что эти трое сбежать с острова не могли. Собаки беглецов не обнаружили, и это вполне естественно, так как на том месте, где так недавно горел костер, теперь тлели раскаленные угли, что мешало собакам подойти и близко к этому убежищу. Даже если кто-либо из охраны попробовал бы отгорнуть угли, то наткнулся б на песок. Ночное оцепление держали несколько ночей. Когда его сняли, то дружки сообщили об этом беглецам, и те спокойно покинули остров.

Второй случай: два заключенных днем выдалбливали в толстом бревне углубление для головы и для вытянутых вдоль тел рук, а также для ног, просверлили отверстие для доступа воздуха к голове, спустили бревно на воду, подлезли под него, оттолкнулись, и бревно поплыло по Волге матушке-реке. Конечно, часовым на вышках было невдомек, что в этом бревне плывут люди. Все это стало известно потому, что беглецы вскоре были пойманы где-то в районе Сталинграда на грабеже магазина. Эти люди рассуждали так: «Пускай будет хоть один день, да мой! попадусь — опять убегу».

Консервация

К большому моему сожалению, поработать на новом земснаряде мне так и не удалось. Буквально в день его пуска подплывает на катере главный механик и задает вопрос о готовности к началу работ. Я ему ответил, что все готово к пуску земснаряда, все проверено, смены укомплектованы, а сам я жду распоряжения. Он поднялся на снаряд и довольно таинственным тоном предложил мне вместе с ним пройти на крышу. Мы поднялись, и он показал рукой на Волгу: «Смотрите, все стоит, все молчит, ни один земснаряд уже не работает. Все остановлено. Анатолий Игнатьевич, дайте распоряжение начать полный демонтаж оборудования». Оказалось, что строительство Куйбышевского гидроузла по распоряжению правительства приостановлено, оно консервируется, а все силы переключаются на Безымянку. Там начиналось строительство авиационных заводов, и все подсобные предприятия, возведенные для строительства гидроузла, начали теперь действовать по новому направлению.

Группа гидромеханизаторов не расформировывалась, ее сохранили для демонтажных работ и приведения всей документации в надлежащий порядок, поэтому нас оставили пока жить на Красной глинке в тех же бытовых условиях. Опять я вынужден был работать вместе с Зининым, причем в какой-то совершенно невероятной обстановке. Этот период выпал почему-то полностью из моей памяти, и осталось до сих пор провалом.

Вспоминаются только отдельные факты, имевшие место с августа 1940 года по 1–8 июня 1941, т. е. до начала войны. Помню, как составляли отчет в какой-то небольшой будке, находившейся на берегу Волги в общем оцеплении. Утром нас туда приводил один охранник, а к вечеру он же возвращался за нами. В этой будке стоял один паршивенький стол и два полумягких стула с изодранными сидениями. Донимали мухи, на которых приходилось устраивать каждый день охоту, уничтожая их специально сделанными хлопушками. В этой будке мы встретили и известие о занятии фашистами Парижа, и о капитуляции Франции, что дало повод к очередной ссоре с Зининым, слишком язвившего по этому поводу. К нам никто не заглядывал и не интересовался работой, которая была вскоре закончена. Ее надо было сдавать, но Зинин не торопился, а я настаивал на необходимости поставить в известность начальство об ее окончании. Он же рассуждал так: «Нас не трогают, ну и хорошо, а то пошлют еще куда-нибудь втыкать ломиком. Надо

пользоваться таким привалившим счастьем. Посмей только сказать! Такого задам, что долго будешь помнить, да еще натравлю кое-кого. Подумаешь, нашелся работяга! Запрятали, дали десять лет, а он, видите ли, показывает благородство». Наконец, о нас вспомнили, работу приняли, и мне уже больше не пришлось работать вместе с Зининым. Его перевели на ремонт одного из снарядов, а меня — в контору участка гидромеханизации, стоявшей на высокой части берега.

Помню, что там я производил какие-то расчеты и составлял какие-то сметы на переброску земснарядов в разные места страны. Очень хорошо помню неожиданную встречу в этой конторе с женой бывшего главного инженера участка гидромеханизации в Орловой логу. Оказалось, она работала на другой половине конторы, куда я не был вхож. Она рассказала о событиях, разыгравшихся в Орловом логу после моего ареста. Пашков, секретарь парторганизации, все-таки добился освобождения Вайсмана от поста начальника участка и стал сам начальником. Вскоре завалил участок и был снят; куда он потом делся — неизвестно. Помню, как снова дала себя знать малярия, и я оказался в больнице, где поила меня анилионовой спиртовой настойкой интересная молодая врачиха. Впоследствии я больше не знал, что такое малярия, но некоторое время был синим, вплоть до ногтей, не говоря о моче. Не помню, как и в каких условиях встречал новый 1941 год.

В апреле я прочитал в газете о назначении Аврамия Павловича Завенягина заместителем Берия. Непостижимо!

Помню, что в начале июня нам гидромеханизаторам объявили: Зинин с его группой направляются в Ковров, а я Конаржевский со своей командой — в Боровое.

В середине июня группа Зинина уехала, а 20 июня мы с вещами и матрасами выселены на лужайку у барака, т. к. он подлежал дезинфекции. Нас сняли с довольствия, выдали сухой паек на неделю, т. к. 22 июня должен быть подан вагон. Зесмнаряд в Боровое был отправлен еще 10 дней тому назад. Меня беспокоило то, что я ожидал ответа на материал, посланный мною на имя Фракции сессии Верховного Совета СССР в декабре 1940 года, где описывал все извращения, безобразия, имевшие место на следствии, в тюрьме и в лагерях. Это была полностью исписанная общая тетрадь. В ней я прямо писал о виденном и пережитом, сравнивал с романом Фрейтвангера «Семья Опенгейм», ставил вопрос о том, как это коммунисты, заседающие в «тройках», не видя людей, не разговаривая с ними выносят приговоры на лишение свободы 7, 8, 10 и больше лет. Такие не могут быть членами Коммунистической партии, т. к.

грубо попирают ленинские принципы, что это явный произвол.

Когда прочитал свое письмо некоторым товарищам по несчастью, то они мне сказали: «Что ты делаешь? Тебя расстреляют за такое письмо!» Я отвечал: «Пускай расстреляют, но пускай там знают, что творится. Сталин, наверное, о таких делах не осведомлен. Будь, что будет».

Наступило 22 июня. Мы лежим на своих матрасах и ожидаем сообщения о подаче вагона. Вместо этого, неожиданно прибегает кто-то из обслуги и кричит: «Братцы, война! Гитлер напал на нас!».

Сердце мое сжалось. Все мои надежды рухнули. Теперь будет не до меня, какой-то заключенной личности контрреволюционера, когда страна предстала перед таким несчастьем, когда уже сегодня льется кровь и гибнут наши люди. Пускай это ненадолго, но жертвы есть жертвы. Теперь надо было ожидать и изменения в худшую сторону и моего положения в лагере.

Война

Итак, на 2-ой день, т. е. 23 июня, меня включили в состав наскоро сколоченной из «контриков» бригады для работы в каменном карьере. «Волчий овраг». Карьер находился от лагеря километров пять, не ближе. Схема производства работ выглядела следующим образом: высота карьеры до 18 метров. Днем ведется бурение, ночью — производят взрывы. Глыбы скалы грузятся в тачку и по трапам доставляются к двум мощным дробилкам. С дробилок тачками в ручную масса перевозится к сортировкам, находившимся на деревянной эстакаде — платформе, к которой подаются вагоны под погрузку готового щебня.

Меня и одного молодого парня поставили подбирать от сортировки щебенку и грузить ее в стоявшие пустые вагоны. «Вот вам две тачки и две лопаты». Одна тачка нагружается, а вторая в это время отвозит щебенку в вагон, зк это время надо успеть отгрести щебенку от сортировки и погрузить тачку. Стояла неимоверная жара. Солнце пекло — невозможно терпеть, не менее 45°. Скинул рубашку, брюки, остался в одних закатанных по колено кальсонах. Обливаюсь потом и до одури гоняю тачку со щебенкой. В вагоне приходится кучки щебня еще разравнивать лопатой. Хочется пить и хоть немного облиться водой, но воды нигде нет. Через какой-нибудь час на руках появились с непривычки волдыри. Рукавиц нет, а ручки тачки шероховатые, трапы старые, местами доски разной толщины. Это отдается на пальцы и вызывает боль. Но что поделаешь? Надо работать.

Моментами я был на грани такого физического ослабления от непривычного перехода к такой тяжелой физической работе — чувствовал, что вот-вот упаду. Скрипел зубами, брал себя в руки и вез тачку дальше, вернее полубежал, т. к. психологически невозможно тачку катить тихим ходом, а тут еще моментами давала о себе знать старая-старая операция. Я сам не понимал, как выдерживал эти первые дни работы в карьере. Но дни шли и организм втягивался в эти новые условия, привыкал. Большой неприятностью было возвращение в лагерь под непрерывным дождем, лившим целую неделю. Под ногами вязкая и жидкая грязь, налипающая теперь уже не на ботинки и лапти, а на какие-то чудовищные чуни из камерной резины, но это лучше, чем мокрые ноги с размоченными, как тряпка, пальцами.

В конце июля или начале августа меня неожиданно вызвали в третий отдел. В чем дело, что им от меня надо? Вошел в кабинет — сидит за столом майор. Не здороваясь, предложил сесть. Достал какую-то папку, открыл ее и про себя начал читать первую

страницу. Она мне хорошо видна. На ней много всяких резолюций, написанных и красным цветом, и черным, и синим. Ну думаю, какая-то, наверное, кляуза. Готов к отпору. Теперь я ученый, не новичок. Прочитав эту страницу, отложил папку в сторону. Из другой извлек какой-то печатный бланк, напоминавший протокол допроса.

Это и был протокол допроса. Ну, подумал, начинается история сначала. Майор посмотрел пристально на меня и задал вопрос: «Вы писали что-нибудь в Верховный Совет?» Писал, ответил я. «Тогда вот что: мне необходимы ваши показания по затронутым вопросам в вашем письме, оформить в виде протокола допроса. Факты будете говорить только касающиеся лагерей. Тюрем и следствия не надо, т. к. те работники получили соответствующее наказание, поэтому на них останавливаться незачем. Рассказывайте все по порядку, как было изложено в вашем письме». Каждую страницу я должен был подписывать; протокол получился в несколько страниц. Я был удивлен его спокойному вежливому тону, просто не верилось. Значит, дошла моя рисковая писанина и, очевидно, никаких печальных последствий для меня не принесла.

Когда протокол был закончен, он поинтересовался, где я работаю. Я довольно резко ответил: «Странный вопрос, гражданин начальник, как будто Вы не знаете, где могут работать „контрики“, в создавшихся условиях в связи с войной — только с ломом в руках, или тачки гонять, или лес пилить». Он улыбнулся и заявил: «Вот это вовсе не обязательно. Вы свободны, идите».

Дней через семь меня вызвал нарядчик и объявил, что завтра я выхожу прямо на дробилку в качестве помощника механика карьеры. Я был ошеломлен. Вот это здорово! Неужели тут руки приложил майор? Главный механик — вольнонаемный, симпатичный дядька лет 38–40. Я в несколько дней освоился со своей работой, которая заключалась в наблюдении за работой дробилок и сортировок, техникой безопасности. Бурильные станки находились наверху забоя и не входили в зону оцепления. В подчинение входили рабочие на дробилке, мотористы, слесари по ремонту оборудования и тачек.

Главный механик вскоре дал понять, что не против того, чтобы получить новую телогрейку за определенную мзду. Махорка очень высоко ценилась в лагере. За телогрейку обещал десять печек махорки. Я же знал, что зеки их продают за пять пачек. Такое предложение, если об этом кому-то из них сказать, вызвало бы немедленное согласие на такую сделку.

Лагерь, в котором я оказался представлял из себя часть досчатых бараков, а часть — больших палаток. В одной из таких

палаток поместился я. Соседом по нарам (верхним) оказался инженер-электрик, сын какого-то бывшего большого чиновника в Варшаве, который, как ни странно, довольно спокойно относился к тому, что с ним случилось и вот он попросил меня совершить такой товарообмен. Я надел полученную им новую телогрейку, а сверху мою старенькую и в карьере отдал механику. Через день получил десять пачек махорки, которые и отдал «губернатору». Он в свою очередь, за 5 пачек приобрел опять себе новую. Вообще в это время лагерь напоминал собой какой-то торговый центр. Все менялось, все продавалось. Особенно это относилось к вновь прибывающим, которым доброжелатели с самого начала рекомендовали менять все хорошее, что у них есть, т. к. урки все равно отберут. Было несколько не по себе от того, что и я оказался участником этого антиморального товарообмена.

Я в куреве особенно не нуждался, потому что меня им снабжали урки, да-да, урки! Парадокс, но так. Дело в том, что кто-то из них слышал о том, что я хороший рассказчик. И вот как-то передо мной появился красивый молодой парень — кровь с молоком и говорит: «Наши говорят, что ты знаешь много интересных историй, рассказов, так вот, мы просим, чтобы ты чего-нибудь, какую-нибудь байку нам рассказал. Отблагодарим куревом». А я как раз в то время страдал без него, менял свой паек хлеба на 1/4, в лучшем случае на 1/2 пачки махорки. Согласился.

Их группа располагалась на верхних нарах наискосок от меня метров 5–6. Они — человек 7–8 — вечно дулись в карты, причем я однажды видел, как один из них проиграл все, что было на нем и остался в одних кальсонах, а затем проиграл палец на левой руке и на следующий день в этой компании появился без него. Так вот, главарь этой шайки, грабившей всех вновь прибывающих в лагерь, дал распоряжение не трогать меня и снабжал куревом. Правда, мне это иногда доставляло неприятные часы, днем клонило неимоверно ко сну, т. к. приходилось вести рассказы до глубокой ночи, уж больно искренне они настаивали на продолжение того или иного произведения, таких авторов, как Дюма, Жорж Санд, Лавреньева и др. писателей.

Они в эти часы становились просто детьми и никогда нельзя было бы подумать, что это отъявленные ворюги, грабители, которым ничего не стоит убить человека.

Имена их тоже были дикими: Гошка-вошь, главарь-Бакланов — «старик», хотя ему было не больше 25–27 лет, Мишка-резаный, Володька-кривой, Сашка-морда и т. д. Их всегда обслуживали молодые воры, не имевшие еще кличек. Они им приносили обед, ужин. На работу не ходили, днем спали, а ночью играли в карты.

«Старик», несмотря на молодость пользовался большим авторитетом среди своей братни. Его слово было твердым и беспрекословно исполнялось. Он имел крепкую связь с кухней — поварами — и получал оттуда все, что ему хотелось. И все же, занимая их рассказами я понимал, что это ничто иное, а приспособленчество, и низкопробный прием защиты своей особы от этого чуждого мне преступного мира.

Начальство лагеря почему-то со всеми этими воровскими порядками мирилось. От моей цыгейковой шубки к этому времени осталось только в разных местах вытертая снаружи шерсть, а от внутренней — ничего не осталось, и она мне служила подстилкой на соломе — матрасов не было. Вши заедали, но бить их не представлялось возможным, т. к. в палатке было не больше 3–4 градусов тепла и спали в одежде, не раздеваясь.

Ноябрьские праздники 41 года встречали в таких условиях, но известие о том, что на Красной площади состоялся парад, приподняло душевное состояние. Тяжело было думать о жене и сыне. Как им достается там, в осажденном Ленинграде. Известий никаких.

В лагерь поступила новая партия заключенных с эшелона, попавшего под бомбежку. Оставшиеся в живых рассказывали, что когда началась бомбежка, эшелон стоял на станции. Вся охрана убежала кто куда, а заключенные остались в закрытых снаружи вагонах. Три вагона с людьми были разбиты вдребезги. Сколько там погибло, не знали, а остаток пригнали сюда.

В общем праздник был не праздником. Нехорошие дела на фронте, наверное не только от того, что нападение было неожиданным, а потому, что много, слишком много испытанных командиров оказалось или мертвыми, или сидящими за решеткой. Было обидно. Говорили, пели «непобедимую», нет более сильной армии, чем наша, будем бить врага на его территории, а вышло так, что все на нашей территории да еще отступаем, да отступаем. Но все же был твердо уверен, что Германия не сумеет одолеть нас, слишком не по зубам, что наступит все же момент, даже если немцы и дойдут до Урала, все равно им будет конец, они побегут, как крыса с тонущего корабля, а пока плохо. Вот такие мысли роились у меня в голове.

В общем тяжело досталась мне 24 годовщина нашего Великого праздника, а еще тяжелей другим, кто на фронте, кто в осажденном Ленинграде. Работа помощником механика карьеры продолжалась.

Наступил декабрь 1941 г. В какой-то день бригаду не вывели на работу. Причина неизвестна. Днем вызвали пофамильно,

построили тут же в палатке, предложили собрать вещи и выйти к вахте. Значит или в другой лагерь, или в этап. Когда я с бригадой подошел к вахте, там уже собралась большая колонна человек двести, не меньше. За вахтой стояли грузовые машины. Обычная процедура, Ф.И.О., год рождения, статья, срок. «Выходи!» Погрузка в машину и отправление. Опять теплушка.

Не помню сейчас сколько мы ехали до места назначения. Питались больше мороженной картошкой и хлебом, да кипятком, который нам в ведрах приносили заключенные бытовики, обслуживающие эшелон. Очевидно начальство предполагало обойтись без кухни ввиду недалекого пути, как оказалось до Челябинска.

Челябинск

Короче говоря, я оказался в Челябинске в лагере прямо через большой овраг — напротив бывшего аэродрома (районе Бакала). Где еще в 33–34 годах самолет «Сталь-3», принадлежавшего Магнитострою делал посадку, летая в Москву или Свердловск. Это место было хорошо видно, т. к. лагерь не имел забора, а был огражден просто колючей проволокой. Вспомнил один из таких полетов, когда мне пришлось держать карту в руках и информировать пилота о правильности курса, по вновь прокладываемой трассе от Магнитки до Челябинска, а в Челябинске на этом аэродроме в маленькой деревянной избушке с матерчатым флюгером на штоке, рассматривали карту, а потом летели дальше на Свердловск. Самолет возвращался обратно в Магнитку, а я летел до Москвы на самолете марки К-5.

Путь до Москвы длился ровно сутки через Арзамас и Казань. Самолетом выигрывалось почти двое суток. Магнитострой того времени имел также свой вагон — международного класса, стоимость билета была 80 рублей.

В этом лагере палаток не было. Были каменные бараки, в которых располагались двухэтажные четырехместные нары. Я расположился наверху и был одиночкой. Получил старенькую, но чистую матрасную наволочку, набил ее соломой, которая была завезена, очевидно, в ожидании этапа, и старенькое суконное одеяло. Это уже что-то — не голые нары. Повели в баню, выдали чистое белье, что было особенно ценно — баня с парной. Я не получал такое удовольствие аж с Билютая.

Утром меня прикрепили к какой-то бригаде электриков-монтажников, которую опекал вольнонаемный мастер-электрик. Бригада состояла из 11 человек. Половина бытовиков. Конвой повел нас на место работы, находившееся не так далеко от лагеря. Это были две комнаты. Одна большая, вторая — маленькая, в которой размещался один письменный стол и простой стол, и несколько стульев. В большой комнате длинный деревянный стол, по обе его стороны скамейки. Вокруг стола располагалась бригада, изготавливавшая электромонтажные узлы и заготовки из проводов. Мастер их относил по мере готовности на объект для монтажа, производившегося вольнонаемными рабочими и немцами Поволжья. Какие это были объекты — нам не известно.

В мою обязанность входило нормировать выполненную работу бригадой и, кроме того, нормировать наряд выписываемый мастером кому-то на объекте. Хотя я и не являлся

электриком, но быстро сориентировался в ЕНИРах — и дело пошло полным ходом. Занял я для своей работы письменный стол.

Конвоир, сопровождавший нас знал хорошо всех, кроме меня и допускал некоторые послабления — иногда отпускал кого-нибудь в недалеко расположенную столовую за хлебом. Карточки у многих бригадников были. В комнате, где я сидел, была небольшая плита, на которой всегда грелась в чайнике вода. В связи с тем, что место работы находилось недалеко от лагеря, обедать ходили в лагерь также как и в 1938 г. на Приисковой.

Однажды конвоир не вышел на работу и нарядчик хотел нас присоединить к одной из бригад, работающей на общих работах. Все запротестовали, в том числе и я. Нарядчик объявил нас отказчиками и после развода, повел к начальнику лагеря.

Начальник в это время разбирался с другими отказчиками, которых было не менее двадцати человек. Когда очередь дошла до нас, то бригадир предложил мне идти в кабинет начальника вместе с ним. Каково было мое удивление, когда я увидел за столом капитана Бородкина, бывшего начальника лагеря в Жигулех. Он посмотрел на меня и вскрикнул: Как? Вы Конаржевский здесь и вы отказчик? Как это так? Вы тот, который гремел в Самарлаге своими рекордами и вдруг отказчик!

Я объяснил ему, почему бригада не вышла на работу. Он немного подумал и сказал: «Хотя сам факт нехороший, ну ладно, будем считать этот день выходным.

Там на Волге он несколько раз на вечерних проверках упоминал мою фамилию как заключенного, показавшего образцы работы и меня не забыл до сих пор. Но этот день не прошел без другой неприятности. Примерно после обеда предложили всем, кто находился в лагере, выстроиться на площади недалеко от вахты.

Появился Бородкин, с ним какое-то начальство — человек пять и один из них вышел вперед. Кто-то крикнул „внимание“. Наступила тишина. „Так вот слушайте, что я вам скажу“, — так начал этот начальник. Только что расстреляли злостного отказчика, он лежит там в проходной вахты. Так будет с каждым кто пойдет по его пути. Наши люди гибнут во имя Родины, защищая ее от фашистского зверя, а тут вместо того, чтобы искупить свою вину перед народом, находятся мерзавцы, которые отказываются своей работой помогать фронту, устанавливают свои воровские порядки. А теперь одной шеренгой в затылок друг друга марш через вахту».

Гуськом начали выходить за ворота и сразу же заворачивать в проходную вахты. Там на полу лицом вверх лежал отказчик с

пулевой раной на лбу. Зрелище было не из приятных.

Что это произвол или необходимость? Чувство жалости к этому мертвецу у меня не было. Мертвец лежал на вахте весь оставшийся день и мимо него прошел весь лагерь при возвращении с работы.

Вечером залез я на свои нары, думал пораньше заснуть, но в голову приходили всякие мрачные мысли, отгонявшие сон. Думал о Юре, Фее, как они там живут, неужели голодают и моя, относительно сытая жизнь, казалось мне каким-то укором к тому, что совершается там, в Ленинграде.

На другой день началась опять обычная работа нормировщика. Но наступил конец и этой спокойной работе. В январе вызвали меня и объявили, что я с завтрашнего дня выхожу работать в качестве десятника на строительную площадку коксовых батарей будущего металлургического комбината, буду туда ездить с бригадой строителей на автомашине.

Утром туман, мороз под 25°, а ехать надо, никуда не денешься. Подъехали на площадку, уже рассвело. Оцепление общее. Зашел в штаб, получил указания, как и что. Какой-то дядька, узнав, что я буду десятником, тут же представил геодезиста, который должен работать со мной. Выдал необходимые чертежи и предложил начинать разбивку фундамента коксовой батареи.

Опять новая работа. Пришлось поднимать весь запас знаний, чтобы не напортить, не допустить ошибок. Вся бригада расчищала площадку от снега. Нашлись где-то куски деревьев, досок, отходы и запылал костер. Вернувшись вечером в лагерь я застал оживление около своих четырехместных нарах, увидел новых заключенных почтенного возраста, собравшихся у одной их свободных нар против моей. Их было четыре человека. Подошел к ним. Познакомились.

Они прибыли этапом из Норильска по спецнаряду, где работали, оказывается в техническом отделе под начальством В. Н. Сапрыкина, которого А. П. Завенягин, назначенный начальником строительства, перевел из Беломорска в Норильск, а затем, когда в 1941 г. Абрам Павлович стал зам. наркома внутренних дел СССР, он перевел Василия Андреевича в Москву, который теперь как будто курирует строительство объектов черной металлургии и то, что эти четыре «зека» оказались в Челябинске, очевидно, это дело его рук.

Однажды прибежал из штаба на площадку рассыльный. «Конаржевский, тебя требуют немедленно в штаб». Открываю дверь в кабинет начальника строительства коксовых батарей и вижу: у противоположной стены стоят три НКВД-шишки, все со

шпалами в петлицах, а ко мне спиной на стуле сидит какой-то довольно большой по фигуре человек в дохе. Один из военных говорит: «Заключенный Конаржевский явился». Человек в дохе поворачивается ко мне и я узнаю сразу Василия Андреевича Сапрыкина. Я опешил. «Ну, здравствуй Анатолий Игнатьевич! Можешь мне ничего не рассказывать, я знаю все о тебе. Здесь зашел разговор о коксовых батареях. Я поинтересовался кто же сейчас начинает работать, кто из технического персонала? И мне назвали твою фамилию. Вот я и решил посмотреть на тебя, как ты выглядишь». Спросил о жене, о Юре, где они, что я знаю о них.

Лагерное начальство решило, очевидно, не мешать нашему разговору и отошли в сторону. В. А. мне и говорит: «Я сам был в таком положении, а вот Абрам Павлович меня вытянул в Москву. Просто какая-то превратность судьбы — ни больше, ни меньше».

Затем обратился к присутствовавшему лагерному начальству: «Прошу сделать так, чтобы этот человек имел нормальные, сносные условия, он нам будет очень нужен. Надеюсь на Вас», — и протянул мне руку на прощанье.

Василий Андреевич Сапрыкин был в 1933–35 годах главным инженером строительства Магнитогорского комбината, являлся членом бюро инженерно-технической секции и, когда открылся Дом и. т. р., то был первым председателем его правления, с 1934 г. им стал я.

Вечером, лежа на нарах, перебирал в памяти события этого дня и незабываемые прошлые дни и годы работы на Магнитке. Такие минуты, как-то скрадывали горькую действительность и хотелось превращать их в часы. А в это время внизу, напротив, на нижних нарах, происходила одна из типичных лагерных «представлений».

Двое воров тихонько сели на нары с разных сторон спящего, тяжелым сном одного из прибывшей четверки норильцев. Их еще не успели раздеть. У спящего на ногах — добротные ботинки на шнурках. Оба вора одновременно тихонько, осторожно начали развязывать шнурки. Я сначала не понял, что они там делают, но когда догадался и хотел прикрикнуть на них, они как по команде, оба вскочили и одновременно сдернули башмаки и быстро убежали.

Норилец, конечно, проснулся. Был ошеломлен — на ногах не было ботинок. «Вот черт! — вскрикнул он, — в чем я завтра пойду на работу?». Искать ботинки было бесполезно. Он пошел и заявил об этом дежурному по лагерю. Утром ему выдали бахилы вместо ботинок.

Но и с этим лагерем неожиданно пришлось расстаться. В конце февраля вновь этап. Опять повторение прежних этапных

процедур. Собаки, конвой, шаг вправо или влево считается побегом, стреляем без предупреждения. Стук деревянных колотушек по дну и боков вагона и неизвестность — куда, почему, зачем?

Едем почти двое суток. Больше стоим, где — неизвестно. На третий день утром заглянув в окошечко увидел несметное количество дымящих труб. Оказалось — прибыли в Магнитогорск. Вот это да! Я в Магнитке, но в качестве преступника, врага народа — контрреволюционера!

Магнитка

Итак, я второй раз в своей жизни в Магнитке. Первый раз 1930–36 года, второй — 1942, но до каких или какого года. Вопрос? Пешечком шли на правый берег, вернее, вели. После двух шестиэтажных домов вышли на пустое пространство, где вдали виднелся забор с колючей проволокой на нем. Это был филиал ИТК на правом берегу. Короче говоря, я оказался в Магнитогорской ИТК.

Когда мы перешагнули вахту, то обратили внимание сразу на чистоту плаца и длинные, широкие каменные бараки, видно побеленные осенью. Таких бараков было три. Разбили по бригадам. Назначили бригадиров, после этого развели по баракам, причем всех разместили в 1,5 бараках.

Это были светлые, теплые помещения, оборудованные двухярусными железными, с сетками, кроватями, на них нормальные матрацы, простыни, наволочки и одеяла, все равно как в солдатских казармах. Было предложено не садиться на кровати и не ложиться днем, во всяком случае, до пропуска через баню и вещей через вошебойку. Действительно нас, вновь прибывших, через час отправили в баню, находившуюся где-то в черте жилых домов правого берега.

Особенностью этой колонии было и то, что она была смешанной, т. е. в ней отбывали наказание не только мужчины, но и женщины, причем без всяких зон, просто женщины занимали одну половину барака, причем не огороженную. Они также, как и мужчины были разбиты по бригадам.

Меня опять назначили бригадиром, а в бригаду ко мне попали здоровые, сильные люди, из которых хорошо помню Кораблева — краснодеревщика, художника — татарина Хайфутдинова, крепкого мужичка Никушина — специалиста по изготовлению саней, колес, бочек, художника Арсеньева, крепыша Митю Немцева, еще одного столяра — Солдатова и молодого поляка Новицкого, способного к резьбе, как по дереву, так и по другим материалам. Таким образом, бригада представляла из себя конгломерат профессий различных направлений, но физически крепких людей, а главное, умевших рассуждать и мыслить аналитически.

Второй день нас на работу не вывели, дали отдохнуть после теплушки. Начальник правобережного участка ИТК производил впечатление штатского, а не военного работника, тем более нкэвэдиста. В этот день прошли медицинский осмотр. Комиссия устанавливала категорию труда. Я решил о своей застарелой

болезни не говорить и получил первую категорию.

На третий день бригаду вывели на работу. Нас принял конвоир в возрасте около пятидесяти лет, с одной укороченной ногой — результат ранения в гражданскую войну, в связи с чем на фронт не попал, а был мобилизован для несения внутренней службы. Член партии с 1917 года. Это был интересный человек.

Когда мы отошли от вахты на полкилометра он нас остановил. Сам присел на находившуюся неподалеку бетонную глыбу и начал: «Давайте договоримся о следующем — во-первых, постольку посколько я буду с вами иметь дело не один день, а наверное, много, то хочу познакомиться с каждым из вас», — и он начал задавать много вопросов: откуда, кто есть из родных, где живут, имеет ли с ними связь, по какой статье осужден, кто по специальности, давно ли осужден. После этого опроса всех членов бригады, они обратился ко мне: «„Ну а с тобой мы поговорим отдельно“. Знайте, что я не зверь и не намерен с вами обращаться как с преступниками, а вижу в вас просто или заблудившихся людей, или людей попавших в беду. Если вы хотите, чтобы я так к вам относился, то прошу единственное — соблюдайте правила поведения и дисциплину, самую обыкновенную трудовую и, конечно, добросовестно выполнять порученную работу. Всем сейчас тяжело, малые дети и то работают не покладая рук, иногда даже спят на своем рабочем месте. Враг силен, а его нам надо одолеть, а для того, чтобы одолеть — надо хорошо, ах как крепко, трудиться. Думаю вы меня поняли».

В этот первый трудовой день в Магнитке пришлось грузить на машину кучу щебня где-то на какой-то строящейся площадке. Рукам крепко досталось, т. к. позабыли они куйбышевский «Волчий овраг».

К вечеру на ладонях были кровавые мозоли. Люди работали с напряжением, все 10 человек, никто не филонил. Степан Иванович, так величали нашего конвоира, выбрал себе местечко в стороне и что-то читал. Пришли в колонию уставшие, запыленные, поскорей ужинать — затирухой, выпить кружку морковного чая и спать. Моя кровать одиночная стояла в стороне. Заснул сразу, как убитый. Утром опять пошли работать на то же место, на левом берегу.

В обеденный перерыв Степан Иванович поманил меня к себе. Садись и рассказывай о себе. Я вкратце рассказал все о себе о моей истории. Когда он узнал, что я работал на Магнитке он даже свистнул. Ну и круговерть, черт возьми, как в сказке. Кого помнишь? Я назвал Гуревича М. Е., начальника 2-й Магнитогорской, плотины, заместителем которого я был 1934–36 год. «Ну вот что! Пиши записку! Ведь он сейчас большой

начальник — главный инженер треста „Магнитострой“, — и дал мне чистый листок бумаги и карандаш. „Пиши, не стесняйся!“. Завтра выходной день и я схожу в Березки и передам эту записку». Я написал: «Михаил Ефимович, нахожусь в Магнитке, если сможешь и захочешь, то Степан Иванович скажет где меня найти». Подписал двумя буквами А. И.

После выходного дня он мне дает пачку табака и записку от жены Михаила Ефимовича. «М. Е. при первой возможности постарается Вас повидать».

Я никогда не забуду, как у меня навернулись невольно слезы, не потому, что я получил эту ни к чему не обязывающую записку, а от того, что передо мной был человек — Человек, именно с большой буквы, который пожертвовал своим выходным днем ради кого, ради какого-то малоизвестного для него, с официальных позиций, преступника. Человек, коммунист с 1917 года, решившийся на такой рискованный для него шаг. Значит были еще на свете такие люд как Шкундины, Мичкины, Каробановы, Сапрыкины, тот стрелок в Бурятии, главный инженер III отдела Южжелдорстройлага, его жена (Сегалы) и другие.

Но Степан Иванович меня поразил до самой глубины души. Увидев мои слезы, он добродушно сказал: «Ну, ну чего ты! Не надо, возьми себя в руки, нечего распускаться». На обратном пути я шел сзади бригады, конечно по дороге, а не по тротуару. И вот вижу навстречу идет Анкудинов Леня, которого хорошо знал по строительству одного из цехов, его сестру, вышедшую замуж за Петра Вита, впоследствии секретаря Магнитогорского горисполкома, который мне не раз показывал фокус — прокалывал серебряной самодельной острой спицей себе икру на ноге, вообще был веселый, общительный выдумщик.

Они жили в общежитии ИТР (теперешняя гостиница) на два этажа ниже моей комнаты. Анкудинов же в мои времена отличался большой активной работой в ИТС, был членом бюро, многое сделал в разработке первого стройтехфилиала Магнитостроя. Он остановился и, увидев меня, сразу узнал. Я сказал Степану Ивановичу, кого встретил. Он нас остановил, разрешил Анкудинову подойти ко мне. Я имел очень непрезентабельный вид.

Анкудинов мне рассказал, как он, его семья, да не только его, а почти все семьи переживали 1937–38 годы, когда каждую ночь ожидали «гостей», ожидали обысков, ареста. От него узнал, что Миша Арш, организатор Магнитогорского трампа, директор Дитра, а затем директор Магнитогорского драматического театра, также где-то сидит, Тамаркин покончил жизнь самоубийством. Это тот Тамаркин, который был прообразом прораба в Катаевском

«Время вперед», что и Я. С. Гугель также погиб в этой кровавой мясорубке, беспощадно и слепо работавшей в 1937–38 годах и, несмотря на это, тогда не было озлобления на Сталина, он продолжал оставаться вождем, в него верили, ему многое прощали, а если забиралось в душу подозрение, то его старались приглушить, не дать ему развиваться. Возникавшему сомнению говорили: «Нет, прочь, не искушай», не может быть, это же он, он не знает в полной мере о том, что делается со стороны Ежова и осуждение Ежова, только еще сильнее поддерживали у большинства пострадавших людей именно такое мнение.

Анкудинов в день нашей встречи работал начальником технического управления треста Магнитострой, впоследствии он стал после М. Е. Гуревича его управляющим. Наш разговор, конечно, не мог быть долгим, бригада ожидала и я торопился, да и ему тоже было неудобно. Наша беседа длилась, наверное, не больше 5–6 минут. Анкудинов не постеснялся попрощаться со мной рукопожатием, и мы пошли дальше.

Время шло, наступила весна, и бригада теперь работала уже на правом берегу на рытье котлованов под фундаменты жилых домов. Так что в каком-то из домов правобережья заложен и мой физический труд. Бывало сидишь в узкой траншее на глубине 2,8 метра, т. е. ниже точки промерзания магнитогорской земли, и долбишь киркой небольшими кусочками крепкую, очень плотную глину и с трудом ее потом выбрасываешь на бровку траншеи. Тяжело, но отставать, делать меньше, чем делают остальные члены бригады — не мог, не позволяла совесть. Я сам себе говорил в такие минуты «дорогой мой, ведь ты бригадир! Нельзя тебе показывать слабость. Возьми себя в руки, и брал, и получалось, преодолевал такие минутные слабости».

Однажды Степан Иванович крикнул: «Конаржевский, вылезай!» Я выбрался из траншеи и предстал перед Михаилом Ефимовичем Гуревичем во всем своем «великолепии», бахилах на ногах, рваной во многих местах фуфайке и старых, четырехлетней давности, испачканных, еще костюмных брюках. Руку он мне не подал и как-то вяло сказал: «Ну здравствуй Анатолий Игнатьевич!. Слышал я о твоих делах от Николая Дмитриевича (Агеева — бывшего старшего прораба плотины, впоследствии, зам. наркома оборонной промышленности) Как Фея Александровна? Что знаешь о ней, о Юре». «Ничего не знаю. Ведь они в Ленинграде, в блокаде и что с ними, живы ли они — не имею понятия». Чувствовалось, что встреча со мной ему в тягость.

Темы для разговора мы не нашли. Он не спросил меня, что мне надо, может быть чем-нибудь помочь. Нет, этого не было. Спустился я в свою траншею с каким-то неприятным чувством.

С М. Е. Гуревичем еще раз встретился случайно на одной из улиц Челябинска незадолго до моего освобождения. Он был изумлен этой встречи, т. к. знал, что срок заключения еще не окончен. Пришлось объяснить ему, почему я так вольно разгуливаю по городу, но задушевности и в этой встрече не было, хотя он и предложил после освобождения приехать в Магнитку, где мне будет предоставлена работа, но это было сказано, как я понял, для приличия. Вскоре Михаил Ефимович стал членом вновь организованной академии строительства и архитектуры. Больше мы не встречались.

Степан Иванович (конвоир) после отъезда М. Е., говорил мне: «Вот видишь, какие бывают формальные люди». Если не ошибаюсь то в мае или июне 42-го года подходит ко мне бригадир одной из бригад Вильчик Иосиф, сын механика одного из челябинских совхозов, обрусевший чех, и предлагает быть у него звеньевым по ремонтно-строительным работам внутри зоны. Эту работу поручили выполнить его бригаде, но нет ни одного специалиста-строителя, который мог бы решать и технические вопросы. Ему посоветовали переговорить со мной. Я согласился, т. к. работа в зоне это не тяжелая физическая работа землекопа.

На первый случай начальник правобережного участка предложил построить небольшую вошебойку, причем продумать самому, чтобы она была именно небольшой и безопасной. Я составил эскизный проект, одобренный им. В это звено подобрали 8 человек, из них 5 из своей бригады: Кораблева и Солдатова — столяров, Никишина-бородача — плотника, художника Афанасьева и еще какого-то — не помню.

Для звена была обведена одна комната в одном из бараков, где можно было поработать над эскизом и даже чертежами т. к. после сооружения вошебойки начальник поставил новую задачу — построить в земле две емкости для квашения капусты на зиму, каждая диаметром — 2,5 м и высотой 2 метра, да так, чтобы рассол не вытек через бетон.

Пришлось браться и за это дело. Однажды Афанасьев пришел в нашу комнату с кусочками эбонита и плексигласа разных цветов, взял ножик и начал что-то мастерить. Часам к 9 вечера у него был готов мундштук с набором цветных стекляшек в середине и в эту минуту вошел начальник участка. Мундштук Афанасьев не успел спрятать. Он взял его со стола, повертел несколько раз и сказал: «Интересно, красиво. Сделай мне такой», — и отдал ему мундштук. Вечером следующего дня Афанасьев вручил начальнику такой же мундштук. Дня через четыре ему было заказано уже 10 штук таких мундштуков. Вечерами и я стал делать такие мундштуки, получалось неплохо.

Сделал себе с врезанной монограммой на конце. Всем понравилось, в том числе и начальнику участка. Мундштуки пошли в ход с небывалой быстротой.

С некоторых пор я обратил внимание на одного дистрофика, который не лазил по помоям и не искал там объектов, а сидел где-нибудь в кутке и что-то строгал. Оказалось, он делает деревянные ложки и меняет их на кусок хлеба или порцию баланды и этим себя поддерживает. Вот тут-то и зародилось у меня мысль: «а что если вот таких дистрофиков, которые в своем большинстве обречены на смерть благодаря помойках, посадить их за стол и научить делать ложки». Несколько дней я специально присматривался к «мастеру ложек», брал в обеденный перерыв у него стружек и сам пробовал ими работать. Оказалось, никакой сложности, ничего особенного и больше укрепился в своей мысли, помочь ослабевшим людям, дать им возможность изготавливать ложки, установив какую-то небольшую норму на первое время, но при выполнении этой нормы получать им не 400 гр. хлеба, а допустим — 600 гр. и нормальную еду. Эту мысль я решил высказать начальнику участка. Он внимательно выслушал меня, задумался, а потом заявил: «А знаете, ваша идея мне нравится, надо поговорить с лейтенантом Мельниковым Александром Ивановичем, начальником ППГ колонии».

Ложки и Л. Д. Теуш

Прошло два дня и на участке появился редкий гость — начальник Магнитогорской исправительно-трудовой колонии капитан Теуш Леонид Давидович, юрист по образованию, но по виду — заправской военный человек, производящий впечатление своей выправкой, четким шагом, по фигуре сшитым мундиром, а главное — своим артистическим типично мужским лицом, характеризующим наличие уверенности в себе и силу воли. О нем среди заключенных шло очень много всякого рода толков. Говорили, все что угодно, что он грубиян, не дает спуску за малейшие проступки, особенно любит порядок и чистоту. К наказаниям прибегает редко, но зато умеет пробрать так, что виновник не рад сам себе. Но главное, как говорили зеки, справедлив. Мог ругаться по матерному, не стесняясь даже присутствия женщин. Вот так выглядел Теуш в глазах заключенных. К 58 статье, которой в колонии было не так много, преобладали бытовики, относился как к бытовикам, не делая различия.

Вот пред ним я и предстал.

— Как фамилия?

— Конаржевский.

— За что сидишь?

— 58 п. 10.

— Рассказывай, что надумал с ложками, только коротко.

Я изложил свои соображения по этому вопросу, подчеркнув, что ложки, как слышал, нужны везде не только в тылу, но и на фронте. «Что тебе надо иметь для того, чтобы через 3–4 дня начинать их производство?». «Нужна осина, помещение, несколько человек физически здоровых людей, пилить чурки, их колоть, кузнец и горно и подручный к нему для изготовления стружков». «У тебя есть люди, которым можно доверить здесь, в зоне, пилы, топоры? Будешь отвечать ты за них, т. к. ты возглавишь свою выдумку. Понял? У вас имеется половина свободного барака, вот и займите ее под дело, — обратился Теуш к начальнику участка». «Я пришлю вам сюда вместе с осиной несколько 50 мм досок, вот будет и стол и сиденья, и приготовьтесь, на первый случай, принять человек пятьдесят ослабевших, а ты, Конаржевский подумай, нельзя ли изготавливать хорошие портсигары из отходов эбонита и текстелита».

Теперь уж не знаю, какая по счету новая работа появилась в моей «заключенной жизни». Важно то, что она даст передохнуть

перед, возможной еще в будущем, тяжелой физической работой. Шел только пятый год заключения, впереди еще пять, а дела на фронте не радовали. Отступаем. Враг двигается к Сталинграду. Ленинград в осаде. Как там мои, живы ли? Не радовало и облегчение моего положения, в голову лезли иронические мысли, вроде «додумался до ложек», «на ложках хочешь нажить себе спокойствие». Но в ответ говорило другое: «Но ты же этими ложками облегчишь, может быть, сохранишь и жизнь других людей».

Это подтвердилось в разговоре с начальником ППЧ Мельниковым, который развил перспективу и значение этого предложения, не только для поправки здоровья ослабевших, а и возможностью направлять из бригад на ложки тех, кто только начинает слабеть на тяжелых физических работах, а ложки нужны, ох, как нужны. Магнитогорский УРС, прослышав о них, сразу собирается дать заказ на несколько десятков тысяч штук, так что финансовых потерь тоже будет.

Инструктором ложечников стал тот, у которого я впервые увидел изготовленную ложку (фамилия в моих ранних записках отсутствовала). Началось полным ходом производство ложек. Сначала в среднем производили каждый по две ложки, а через 5–6 дней уже 4 шт., а к концу месяца — по 6 ложек. Люди перестали чувствовать себя доходягами. Многие стали получать 1 кг хлеба и ударную еду. В конце второго месяца была назначена медицинская комиссия для перекомиссовки и из первых 50 человек вернулись в свои бригады 46 человек. На их место поступили недохотяги, а просто ослабшие физически, которые укрепили свои силы в течении одного месяца и вернулись на производство. Так пошел цикл за циклом длившийся 1–1,5 месяца.

В это время я организовал бригаду в составе 9 человек, которая начала выпускать мундштуки, портсигары, дамские редикюли из отходов текстолита и эбонита, бригадир ее был Новицкий, молодой толковый парень кр (контрреволюционер). И это производство пошло в ход.

Однажды приехал на участок Теуш. Вызвал меня в штаб и поставил новую задачу:

— Вот что, Конаржевский, подумай, что ты будешь делать с малолетками, если я тебе пришлю 15–20 человек. А это будет, наверно, дней через пять. Готовься! Если будешь давать им какой-то режущий инструмент, то его после работы надо обязательно отбирать, чтобы они в общую зону с ним не ходили. (Необходимо сказать, что выход в этот барак был огорожен забором и свободного выхода из образовавшейся небольшой зоны, в которой

расположена небольшая кузница, необходимая для изготовления стружков и их закалки, не было).

Как занять малолетних преступников помог мне решить Медяков, 15-летний паренек, попавший в колонию за ненамеренное убийство, исключительно способный на всякие выдумки и обладавший золотыми руками — великолепно резал по дереву, делал сумочки, мундштуки и всякую забавную мелочь. Обещание Теуша прислать дней через пять малолеток им было точно выполнено. На участке появилось 17 малолеток от 12 до 15 лет. Это была шумная толпа, сразу нарушившая ритм работы мастерской, вызвавшая настороженность ложечников. Я их собрал в кучу, отвел на то место в бараке, где они должны были работать, а место приготовили заранее, барак был громадный — ширина 12–15 метров, а длина части отведенной под мастерскую — метров 15.

Простора было много и воздуха тоже. С малолетками я начал такой разговор:

— Ребята, прежде всего хочу познакомиться с каждым из вас: как зовут, что вас сюда привело? Чем каждый из вас интересуется, т. е. началась оживленная беседа.

Затем спросил группу:

— Что бы вы хотели делать? Какую продукцию выпускать?

Один из них заявил:

— Только не ложки, уж больно это неинтересно.

Кто-то высказал интерес к изготовлению мундштуков, портсигаров. А тут Медяков предложил делать игрушки. На это сразу все откликнулись согласием. Я подумал, что, очевидно, на первый случай надо изготовить самую несложную простую, а потом они сами, войдя во вкус, надумают что-то более интересное. Ведь надо было учесть и возможность сбыта игрушек. Правда, в то время в Магнитогорске, как мне сказал начальник участка, игрушками нигде не торговали, было не до игрушек, т. к. даже малые ребята работали на оборону. И начал с простых бабочек с хлопающими крыльями от движения колесиков.

Первый образец выполнил Медяков и он стал, как бы инструктором или бригадиром. Ребята каждую бабочку катали по бараку, проверяли ее качество. Через неделю сотню таких бабочек увезли в город.

Они разошлись в течение несколько часов. Но надо было думать о дальнейших делах. Бабочками нельзя ограничиваться. Подумал, помозговал и решил ребятам предложить делать игрушки со смыслом, более сложных, хотя бы по теме басни Крылова «Ворона и лисица». Посидели с Медяковым, наметили ее схему, эскизный рисунок выполнил художник Афанасьев и

запустили ее в работу. А игрушка была такая: коробка, на ее площадке резная ель, на ней сидит ворона, у нее в клюве, на незаметном крючке, кусок сыра, а под деревом сидит лисица и смотрит на ворону. Сбоку коробки ручка, если ее крутануть, то ворона громко каркала, сыр падал, а лиса в этот же миг прыгала на него. С двух боковых сторон коробки помещались выдержки из басни Крылова, вроде «Ворона каркнула во все воронье горло, сыр выпал и с ним была плутовка такова».

Одни ребята вырезали ворон, другие — лис, третьи — ели, четвертые — готовили коробку и механику, пятые — осуществляли сборку.

Чтобы не наскучила работа с одним и тем же элементом игрушки, ребята по желанию менялись местами. Когда ребята втянулись в работу и игрушек такого содержания было выполнено немало, я менял их на новые, используя мотивы повестей Гоголя, усложняя их изготовление. Например, весьма интересной игрушкой была выполнена на тему повести «Ночь под рождество», где Вакула вылетает из избы верхом на ведьме, а ведьма — на метле. С ним летит в небе, осыпанном звездами и опускается на другом конце коробки во дворец, где на столе стоят черевички. Вакула их забирает и летит обратно в избушку.

Такая работа захватывала исполнителей, они начали сами предлагать мне свои выдумки и при их реализации это возбуждало еще больше интереса к работе. О наших делах узнали в Челябинском облоно. Приезжали из методического совета и признали наши игрушки не только игрушками, но и как методическое пособие для школ. Конечно, это было приятно. Однажды Теуш появился в мастерской с майором танковых войск. В этом майоре я сразу узнал директора магнитогорского цирка Червоткина, с которым у меня были в те времена хорошие отношения. Он, увидев меня, был очень удивлен, но вовсе не смущен и подошел ко мне с протянутой рукой со словами: «Слышал Анатолий Игнатьевич о вас и вашем положении. Как Анфия Александровна и Юра?» Я вкратце ему рассказал, что о них ничего не знаю, сведений не имею. Червоткин старался меня подбодрить, сказав, что теперь уже недолго ждать весточки, т. к. осада Ленинграда снята, обстрелы прекращены. Оказывается, он являлся помощником начальника высшего танкового училища, расположенного в Магнитогорске и в колонию приехал договориться о поставке ложек не только училищу, но и другим воинском частям. Увидев большой стол, столешница которого напоминала какой-то полигон, заинтересовался им. Пришлось рассказывать, что это военная игра, еще полностью незаконченная, которую придумали малолетки. В ней участвуют

танки (деревян.) заводные, два самолета, две крепости, минные поля и два бронепоезда, все движущиеся и заряжающиеся с расстановкой скрытых от глаза мин. Игры ведут несколько человек с одной и с другой стороны. Попадание деревянного снаряда с бронепоезда в пятачок крепости сразу ее разваливало, а танк попадая на скрытую мину также разваливался. В общем это была интересная игра. Червоткин по ее окончании забрал в училище. Он также рассказал о постигшей участи Михаила Альбертовича Арша, что он где-то на севере.

Предсказания Червоткина сбылись: я начал получать письма от жены, от сына. В первом ее письме она описывала те ужасы трудностей, которые она и сын пережили в 1941 году, как Юру, пожарника комсомольского батальона, дошедшего до дистрофии, отправили по дороге жизни из Ленинграда к моей сестре в Йошкар-Олу, а затем как ее, почти умирающую, потерявшую способность ходить, неожиданно приехавший с фронта ее начальник вывез куда-то в деревню. Через полгода она стала его женой. Сын же поправился у сестры и его направили в полковую школу, затем в военное училище и на фронт в южную Германию, где был ранен и только в 47-ом году вернулся к матери в Ленинград.

Работа мастерских продолжалась. Ассортимент продукции расширялся, несмотря на то, что игрушечное дело пришлось закрыть в связи с отправкой малолеток в какой-то спецлагерь. Многие из них искренне не хотели расставаться с мастерскими. Медякова и Немцева я сумел отстоять, как действительно ребят, имеющих большие способности и дарования.

В колонии был установлен, как правило, раз в квартал, проводить медицинский осмотр всех заключенных. У нас на правом берегу его проводили вольнонаемный фельдшер пожилого возраста, объективный в своих заключениях специалист, не имевший предвзятых взглядов на заключенных, независимо от статьи и исполнявший свой долг как положено именно врачу, давшему клятву Гиппократа. Все бумажные дела вела медсестра, из заключенных, осужденная на 2 года за нарушение какого-то пункта трудового кодекса. Эта была энергичная молодая женщина, весьма красивая, на которую мужская часть населения участка обращала пристальное внимание, восхищаясь ее недоступностью. В ней было все хорошо и фигура, и лицо и, особенно, ее карие глаза и брови в разлет, и легкий украинский акцент, уменье быстро и качественно проводить нужные процедуры, предписанные врачом. Ее улыбка и оптимизм почти всегда вызывали хорошее настроение, даже у угрюмых необщительных людей. Я являлся членом комиссии, как

руководитель мастерской. Первым вопросом фельдшера к осматриваемому был обычно «на что жалуйтесь?», выслушивал тетоскопом грудь и спину, затем ложил на кушетку, мял живот, ощупывал ноги, пах, делал это не спеша, основательно и, если было все в порядке, заносил в бланк протокола «здоров, категория труда первая», что означало пригоден к тяжелой физической работе. Если имелись какие-либо хронические недостатки, ставил 2-ю категорию — легкий труд и, наконец, если заключенный был исхудалым, предрасположенным к дистрофии, он сразу относил в графу «на лечение», что означало или в мастерские, или в стационар. Центральный участок НТК проводил также комиссовку и ослабленных из бригад направлял к нам в мастерские.

Иногда по моему представлению Л. Д. Теуш давал разрешение оставлять набравших силу зк, но проявивших себя в мастерских большими способностями. В результате создалась группа высококвалифицированных художников. Но к этому я прибегал в исключительных случаях, проявляя особую осторожность, не допуская никаких соблазнов, а их было достаточно много. Теуш мне верил и я не мог и не хотел его обманывать и вовсе не потому, что за каждым моим шагом следила не одна пара недоброжелательных глаз, завидовавших моему положению, писавших на меня не одну кляузу. Я знал, что среди работавших были сексоты, в том числе и один из моих помощников и даже моя будущая жена — мастер производства, которая после посещения оперуполномоченного рассказывала мне о чем шел разговор, кого я должен опасаться.

Челябинск

На второй день я поехал с Богдановым-младшим осматривать будущее помещение мастерских, а на третий — вместе с ним — на свалку авиалома и привезли в колонию целую трехтонную машину искалеченных моторов. Началась работа.

До сих пор у нас с женой сохранилась ложка производства этой мастерской. Моя жизнь стала какой-то странной, двойной. С одной стороны — арестант, враг народа, а с другой — человек, ведущий деловые разговоры с ответственными руководителями города, не подозревающими о том, что имеют дело с заключенным. Так было с директором Кировского завода Зальцманом и его заместителем, которые вначале и не подозревали, что я зек, а тем более «враг народа». Мне пришлось с ними обговаривать об организации в колонии цеха сидений для выпускаемой заводом техники, с ежедневным выпуском 70–80 комплектов стоимостью каждый в 1000 рублей. Завод давал необходимое оборудование, организовать такой цех пришлось уже не в 4-ой ИТК, а в 3-й ИТК, где начальником стал Л. Д. Теуш. А пока занимался главным образом ложками. Это стало массовым производством. Принцип мастерской был тот же — она являлась своеобразным профилакторием. Опыт этот был использован всеми колониями Челябинска, только в меньших мастерских.

Когда дежурил по колонии Богданов, то мы подолгу вечерами играли в шахматы. Конечно, я проигрывал из пяти партий 3–4. Он считал, что у меня хороший третий или неважный второй разряд. Сам он имел звание кандидата в мастера. Нач-к колонии, ст. лейт. /фамилии не помню/, совершенно не вмешивались в наши дела.

Раз в неделю вместе с Богдановым мы завозили в мастерские алюминиевый лом. Мне приходилось решать вопросы обеспечения др. материалами. Работа шла вовсю в две смены.

Как-то я шел по ул. Кирова и навстречу мне попадается Иван Кузьмич Павлов, тот Павлов, который меня в Магнитке в 1931 г. представлял в горкоме на прием в кандидаты партии, будучи секретарем парторганизации «Востоксантехстроя». Мы стали большими друзьями до самого отъезда моего из Магнитки в 1936 году. Я решил его не заметить и пройти мимо, отвернув в другую сторону голову. Но, буквально, через минуту за моей спиной я услышал возглас: «Анатолий, постой! Постой же, пожалуйста!».

Деваться было некуда. Он меня обнял, мы поцеловались. Я спохватился, кругом народ, центральная улица и говорю ему: — «Знаешь что Ваня, давай я уйду немедленно, ты, наверно, не

знаешь, что я заключенный и враг народа, вдруг кто-нибудь увидит нас вместе, тебе сразу будут неприятности». «Ну знаешь что Анатолий, этого я не ожидал. Наплевать мне на разговоры и то, что ты заключенный, я знал еще с 1939 года, когда был в Ленинграде, то заходил к Фае и она мне рассказала всю твою историю. Сейчас же пойдем ко мне домой, я живу здесь, рядом, через два дома. Если ты не пойдешь, то обидишь меня и Тоня будет рада твоему приходу. Время обедать, поэтому я из обкома хожу обедать домой. Обком тоже рядом».

Так я попал к нему на обед. Тоня, его жена, кинулась мне на шею: «Вот это гость, так неожиданно. Дорогой Толик, как я рада, что ты жив!». Вот такая сердечная встреча была оказана мне в этой семье. Ивана Кузьмича в 1937 году, когда он был секретарем парткома мартеновского цеха, перевели в Челябинск секретарем парткома ЧТЗ, а в 1940 г. избрали секретарем тракторозаводского райкома партии, откуда он ушел на фронт, оставив месячную дочурку. Вернулся с фронта раненным, негодным к продолжению военной службы. Его назначили зав. военным сектором Челябинского обкома партии. Вот почему, как оказалось, он знал почти всех работников УИТЛК. Впоследствии Ивана Кузьмича выбрали зам. председателя Челябинского городского Совета народных депутатов.

Я не переносил, мне были противны люди, просившие конфиденциального разговора со мной, сводившего к намекам об осторожности в разговорах с тем или иным заключенным и даже вольнонаемным и кончавшиеся просьбой устроить их оставления еще на месяц в мастерских.

В их действиях было не доброжелательство, а стремление к облегчению своего положения, сохранить свою жизнь, здоровье любым способом. Это чувство было присуще всем, кто находился за колючей проволокой, но оно проявилось по разному — подленько и красиво, благородно или с достоинством. Ведь в свое время от многих тяжелейших условий, нахождение в тесном соседстве с самыми заядлыми ворами-рецидивистами меня избавило умение хорошо рассказывать литературные произведения, что гарантировало от нападения и издевательства с их стороны.

В Магнитогорской колонии разгула такого рода не было. Режим и порядок поведения поддерживался строго. Отказчиков было очень мало, они появились в дни прибытия в колонию нового этапа. Обычно отказчиков направляли в мастерскую и на мою долю доставалась их обработка и использование.

В конце 43-го года правобережный участок был переведен на центральный левый берег реки Урал. Там мастерские продолжили

свою работу. Я встретил День Победы, работая в зоне. Мы, зеки, мало знали что делается на белом свете, газет не было, следить за событиями на фронте возможности не было. Проснувшись 9 мая, я услышал какие-то радостные крики, крики «Ура!». Выбежал на плац и увидел весело-возбужденную толпу зэков и среди них охранников. Это был конец войны. Наша Победа. Душа ликовала. Я полез целоваться со своими помощником и звеньевыми, а когда собрались все в зоне мастерских, то поздравил с Днем Победы. У многих сразу возник вопрос: «А будет ли амнистия? Кого она коснется? Когда будет объявлена?» Но я почему-то с горечью в сердце подумал: «Если и будет, то не для меня, а главным образом для тех, кто действительно совершил какое-то преступление». Парадокс, но факт. Люди безвинные, как оказалось на самом деле, амнистии не подлежали.

В мастерских, по предложению механика Вильчика Иосифа (раньше работавшего бригадиром), начали выпускать ложки из дюраллюминия. Получались хорошие красивые ложки. Все шло нормально. Но совершенно неожиданно нас передислоцируют в Челябинское ИТК-4. Предложено в двухдневный срок все упаковать, приготовить к отправке в Челябинск. Меня и Немцева оставили еще на два дня для приведения всех дел в порядок и составления материального отчета, а остальных отправили в спецвагоне.

Через три дня в сопровождении одного из дежурных вахтеров, нас, пассажирским поездом Магнитогорск-Москва, доставили в Челябинск в ИТК-4. Она находилось в конце ул. Ленина, совсем рядом с лесопарком.

К моему появлению в ИТК-4 Иосиф Вильчук уже установил трансмиссию с шлифовальными кругами для обработки ложек, оборудовал печку для расплавки алюминиевого лома, создал запас литейного песка и успел даже получить все необходимое для кокильного литья. Дело было за самим ломом.

Я и Митя Немцев, после краткого разговора с начальником учетно-распределительной части колонии, в сопровождении бытовика были отправлены устраиваться на свое новое местожительство, оказавшееся небольшой комнатой, в которой находились две двухярусные металлические кровати с сетками, из которых одна была застелена хорошими больничными одеялами, с белыми свежими простынями. На нашей кровати, на каждом месте лежали аккуратно сложенные такие же постельные принадлежности. Другая кровать была занята Вильчиком и Елькиным. В комнате был небольшой стол и четыре стула. Это было уже хорошо.

Устроившись, мы отправились в барак отведенный под

мастерские. Недалеко от входа увидели целую группу начальства, из которых я знал только одного — начальника производственно-планового отдела Челябинского облуитлк — Николая Александровича Богданова, который раза два приезжал в Магнитогорскую ИТК и интересовался работой мастерских. Он оживленно о чем-то разговаривал с человеком в штатском уже в возрасте и с молодым человеком в очках и полувоенной форме, несколько в стороне от них стоял ст. лейтенант и, как я понял, мало интересовавшийся содержанием их разговора. Н. А. Богданов, увидев меня, предложил подойти к ним. Все они поздоровались со мной довольно приветливо. Штатским, почти пожилым человеком, был начальник технического отдела управления, а молодой — начальником ППЧ колонии — сыном Н. А. Богданова, тоже Богданов, ст. лейтенант — начальником ИТК-4. Никак не могу вспомнить фамилию и имя отчество пожилого, несмотря на то, что он должен был бы мне запомнится больше многих других, т. к. после кратких общих вопросов именно он вдруг заявил, что с завтрашнего дня я получаю пропуск на свободный выход из колонии в любое время и мне устанавливается персональный оклад, что моя задача — организовать производство в широких масштабах, используя одно здание в Челябинске, которое надо будет приспособить к этому. Завтра вы поедете со мной его смотреть, но это не снимает с Вас ответственности за состояние дел здесь, в этих мастерских. Вы будете помощником у начальника ППЧ Богданова — младшего.

Находясь в ИТК № 4, пришлось пережить очень болезненный для меня инцидент, оставшийся до сих пор в моей памяти и на моей совести, а дело заключалось в следующем: проходивший на Дальний Восток эшелон с заключенными, главным образом из только что освобожденных прибалтийских стран и Белоруссии, остановился в Челябинске для санитарной обработки. Часть заключенных была доставлена в нашу колонию, в их числе оказался старик — профессор математики и физики Рижского политехнического института. Его осудили на 10 лет за сотрудничество с оккупантами, выразившееся в согласии продолжать преподавание в институте (как говорил он).

Узнав от кого-то о том, что я имею возможность попросить начальника ППЧ колонии Богданова о его оставлении в Челябинске в ИТК-4 работать в мастерских, он обратился ко мне, умолял, просил со слезами на глазах помочь ему, говорил, что он сможет принести мастерским пользу, будем выполнять какую угодно работу, лишь бы не попасть в этот вагон, где полно «мерзких людей».

Он оправдывал свою работу в институте в период оккупации

тем, что ему надо было кормить семью, только в этом он виноват. Когда он упал передо мной на колени, умоляя спасти его, помочь ему, мне было до глубины души его жаль но, вставало «но», вызывавшее серьезное колебание. Что-то второе говорило во мне «не обещай», «не делай этого». На тебя и так уже некоторые смотрят косо за рекомендацию людей с пятьдесят восьмой статьей, этого человека ты не знаешь совсем, как ты можешь просить за него? А тут подошел еще Вильчик, отозвал в сторону и говорит: «Зачем этот профессор нам нужен? Только будут одни неприятные разговоры и почва для кляуз. Я бы не стал хлопотать за него и тебе не советую». И я отказал старику.

На другой день эту группу увели на станцию, а на следующий день профессора привезли в колонию мертвым. Как выяснилось, эшелон еще стоял на запасных путях, ночью уркачи решили снять с него пальто, очень хорошее, почти новое, он стал сопротивляться и они его задушили. Мне было очень тяжело, я считал себя косвенным виновником его гибели.

Недолго пришлось задержаться в ИТК-4. В один из осенних дней 1944 года предложили всем ее обитателям собрать свои вещи и приготовиться к перебазировки в ИТК-3 и ИТК-1 в связи с передачей территории ИТК-4 под лагерь военнопленных. Приехали из тех колоний уполномоченные для отбора людей. Начальником ИТК-3, находившегося недалеко от ЧТЗ, в это время был назначен Теуш Л. Д., его представитель Нашивочников, начальник мастерских ИТК-3, выпускавших валенки и шивших для Челябугля телогрейки и матрацы, имел с собой заранее составленный список на тех заключенных, которые должны были попасть к нему, кроме того, он попросил меня пересказать, кого следовало бы еще добавить из толковых людей в этот список. Пришлось расстаться с моим помощником Элькиным, к которому у меня не было большой симпатии из-за частого посещения им оперуполномоченных, и как я узнал, позже, информировавшим их о моем поведении и разговорах.

К концу дня две колонны были сформированы и пешком тронулись в путь. Одна в ИТК-3, другая — в ИТК-1. Значит опять все сначала. Я стал техническим руководителем промастерских ИТК-3. Пропуск, право на свободный выход из зоны и персональный оклад остались при мне. Разместился в небольшой комнатушке в одном из помещений промзоны, с Нашивочниковым установились с самого начала доверительные отношения. Он занимался главным образом вопросами обеспечения мастерских, я — их развитием и технической стороной.

К действующим в ИТК-3 пимокатному цеху, массового

пошива, выполнявшего заказы Челябугля и индивидуального пошива, в котором работал парижский портной, толковый молодой парень, были организованы в очень короткий строк новые цеха — столярный — по выпуску мебели, изготовления бидонов для Челябмолоко, сидений — для тракторного завода, деталей и узлов вентиляционных и отопительных систем для Челябинского монтажного управления «Промвентиляция». Нашивочников договорился с руководством Челябмолоко, что оно будет бесплатно раз в неделю, забирая готовые бидоны, привозить пахту и сыворотку, что явилось хорошим дополнительным питанием для работающих в мастерских. Мне теперь приходилось иметь дело со многими начальниками и руководителями производства на воле. Теуш предложил мне в срочном порядке вставить недостающие передние зубы, вызвал стоматолога Мавлянова и дал ему срок две недели. Протез был выполнен и держался до 1958 года. Зубы выпали благодаря перенесенной цинги еще на Дальнем Востоке. За повседневной работой по совершенствованию производства и сознанием того, что я делаю полезное дело для нашего государства, забывалось на целые часы то, что я заключенный, но жизнь все же часто напоминала об этом, находились люди подчеркивавшие мое бесправное положение, особенно это остро ощущалось тогда, когда я садился в легковую машину, присланную за мной, чтобы ехать на дачу начальника УИТЛК Чернякова, где его жена, настоящая «grand dama», напоминавшая собой классический тип помещицы, использовала меня как поломойку-уборщицу для выполнения всякого рода мелких ремонтов или садовника, и часто бывала недовольна моей работой. Отношение ее ко мне было как к заключенному, обязанному безоговорочно исполнять все ее распоряжения. Это была полная противоположность жене Теуша Марии Львовне. Теуш, будучи по натуре невозможным грубияном, одновременно сочетал в себе душевность и большую справедливость, и был честнейшим человеком. Если ему что-либо выполнялось, то обязательно требовал выписывать заказ и получал его лишь после оплаты.

Заведовала санчастью капитан медицинской службы (фамилии не помню), безжалостно относившаяся к заключенным, особенно политическим, придиралась к любой мелочи. Придиралась и ко мне — почему я хожу с прической, а не стриженый. Особенно почему-то ее приводили в ярость прогуливающиеся парочки. Она приходила буквально в ярость в такие минуты и, однажды, застав пару влюбленных, сидевших где-то в укромном месте, парня отправила в карцер, а женщину — в санчасть для определения, не имела ли она полового сношения.

Утром ей Теуш устроил грандиозный скандал. Мы «зеки» знали, что и он не может ее терпеть.

Мне рассказывали, как будто на одном из партийных собраний, она выступила с заявлением о недопустимости со стороны Теуша того доверия, которое он оказывает мне, контрреволюционеру, не пора ли его призвать к порядку, а на мое место назначить вольнонаемного. Теуш, якобы, ответил на это так: «Конаржевскому воровать незачем. Это исключено и проверено, а поставить кого-либо из вольнонаемных на его место — жди неприятностей, т. к. там слишком много соблазнов». Действительно, у меня было чем соблазниться, тем более, что при выходе и возвращении в зону меня почему-то уже давно перестали обыскивать. Ни на какие сделки со своей совестью и с людьми, сулившими мне всякие блага, за казалось бы, небольшие уступки и услуги, я не шел, а такие случаи имели место.

Особое беспокойство вызывал цех массового пошива, выполнявший заказы Челябугля, который еженедельно завозил в зону десятки тюков с различной материей: Тюки принимались бригадиром цеха в запломбированном ОТК фабрики виде, поэтому метраж не проверялся. Приемка производилась с участием Нашивочника. Но Нашивочников, я и даже оперуполномоченные чувствовали, что имеет место утечка материи, но все меры, которые принимались для выявления потерь, в том числе и обыски в мастерской, ни к чему не приводили. Только два года после моего освобождения при случайной встрече с ранее освободившимся бригадиром цеха, выяснилось, по его собственному признанию мне, как срабатывал механизм хищения. Он был очень прост. Достаточно было натягивать материю при раскрое, к примеру матрасов, на каждый метр 0,5 сантиметра, то на две тысячи метров обработанного материала набегало 10 метров, очень дефицитной в то время, материи и, когда величина натяжки равнялась длине материи указанной в тюках — один тюк исчезал со склада, но количество изделий соответствовало официально отпущенному материалу. Вырученные деньги делились между агентом кладовщиком и бригадиром цеха, его «барыш» получал один из его родственников.

Последнее время, довольно часто, стал получать письма от Юры из госпиталя, сообщение о том, что он собирается жениться. От брата получил посылку с пятью метрами хорошего сукна, из которого мне потом сшили хорошее зимнее полупальто, гимнастерку и брюки галифе в наших мастерских индпошива, конечно с разрешения начальства. Когда я как-то в свободную минуту перечитывал письма брата, посланные из Будапешта, из

Братиславы, где он кратко сообщал о своих фронтовых делах, о вступлении в города с передовыми нашими частями с целью экстренной нападки связи и пуска радиозаводов там, где они имелись, рассказал как он лежал в Ленинграде тяжело раненным, неспособным двигаться в госпитале и как ему приходилось переносить в таком состоянии бомбежки. Все это вызывало во мне горькие чувства, от сознания того, что я не был на фронте, а занимался ложками, мебелью и т. п. делами. Неожиданный вызов в штаб отвлек от этих мрачных мыслей. В кабинете Теуша находился полковник Рябцев — начальник политотдела УИТЛК — «Я вас вызвал в связи с тем, что уезжаю на восстановление Украины и хочу пожать вашу руку и сказать спасибо за вашу инициативу, которая сохранила жизнь многих людей виновных, а может и невиновных». Этими словами Рябцева я был в полном смысле слова огорошен. Он же продолжал: «Спасибо еще раз. Это все, что я хотел вам сказать. Идите». Я шел обратно в мастерские с сознанием того, что я, очевидно, действительно чего-нибудь да стою и мой труд не постыдный.

Вообще этот день был каким-то странным, совершенно невообразимым. Прошло часа четыре после встречи с полковником Рябцевым, как рассыльный опять вызывает меня в штаб. На этот раз к Теушу. «Сегодня к 9 часам вечера принесешь мне домой рапортичку о работе мастерской за последние десять дней, да оденься получше». В 8 часов вечера я побрился, одел свой лучший костюм — черную спецовку, выглядевшую довольно прилично и направился к троллейбусу.

Была чудесная погода, тепло, безветренно и тишина. Спросил у кого-то, который час и решил сойти с троллейбуса и пройтись пешком. В моем распоряжении оставалось еще с полчаса. Городок НКВД находился в конце проспекта. Теуш жил на первом этаже. В 9 часов был у дверей. Позвонил. За дверью слышен громкий разговор, музыка. Открыла Мария Львовна. «Анатолий Игнатьевич, заходите». В это время из противоположной двери, выходящей из столовой в коридор, вышел Теуш. «А, это ты! Проходи!» «Гражданин начальник, я принес вам рапортичку, — и протянул ее ему». Он рассмеялся, посмотрел на меня и сказал: «Знаешь что? Подотри себе этой бумажкой задницу, на черта она мне нужна. Ведь я тебя, если хочешь знать, вовсе не за этим звал, а затем, чтобы тебя угостить и чокнуться с тобой. Конечно, ты сам понимаешь туда, и он показал на дверь в столовую, я тебя не поведу, там много начальства, а вот на кухню пойдем, — и он усадил меня за стол». Я был ошеломлен этим неособенно вежливым в жизни человеком, в какой-то степени скептиком, почти грубияном и, вдруг — совсем другое лицо. Кухня имела,

наверное, не менее 15 м, такая она была просторная.

Он достал два бокала, налил в них вина, подал один мне и чокнулся со мной, пожелав хорошего будущего. «Марья Львовна, угости его как следует, а я пойду к гостям, а то неудобно оставлять одних». Угощение было наславу. И когда я с удовольствием уплетал великолепный холодец, неожиданно открылась в кухню дверь и вошел, сделав удивленные глаза, увидев меня, начальник УИТЛК полковник Черняков.

«Как, и вы здесь?!» Я, конечно, вскочил и доложил, что принес рапорт о работе мастерских. Тут появился Теуш и, улыбаясь, бросил следующую фразу, которая мне очень хорошо запомнилась: «Ничего, ничего перетерпишь. Ничего страшного нет!». Черняков после этого сразу ушел из кухни. Дело в том, что Черняков меня хорошо знал, не один раз я бывал у него на даче с мелкими делами.

Впоследствии, после освобождения, с Теушем у меня завязались хорошие дружественные отношения. Леонид Давидович в какой-то степени повлиял на то, что я стал сантехником, никогда не думая об этой специальности. Как-то, встретившись с ним в Уфе на совещании управляющих трестов «Главсантехмонтаж», я задал ему вопрос: «Скажи Леня, как это ты мог меня пригласить к себе домой и угощать, зная, что это может кончится для тебя скандалом?» «Эх! Анатолий, разве я не понимал, кто ты такой, что ты из себя представляешь! Ведь я же все-таки юрист, а с Черняковым у меня были хорошие взаимоотношения».

«То, что я не стеснялся открыто высказывать свое доброжелательное отношение к тебе, так никто, в том числе и оперуполномоченные, не отрицали твоей большой полезной работы. Они великолепно знали о твоих истинных взглядах и тебе прощали кое-какие грешки водившиеся за тобой, в частности, твою связь с Раей, твоей будущей женой. Шило в мешке не утаишь, особенно при твоем положении, когда за тобой следила не одна пара глаз, что было связано еще и с тем, что ты имел возможность распоряжаться большими материальными ценностями. Сам понимаешь, что только один цех сидений ежедневно давал продукции на 80 тыс. руб. Ты имел прямое отношение к самым соблазнительным дефицитным товарам — коже, материям, шерсти, спирту, мебели и др. Ты мог бы, пользуясь правом свободного выхода из зоны колонии, в любое время, составить к освобождению солидный капитал. Но ты это не делал. Перед тем, как дать тебе условную „свободу“, руководство УИЛТК тщательно взвешивало все „за“ и „против“, т. к. это был исключительный случай. Было и много завистников, в том числе

и среди твоих помощников. Доверие к тебе со стороны руководства вызывало и среди некоторых вольнонаемных работников ИТК раздражение и недовольство».

В 1951 году Теуша демобилизовали в связи с его национальностью. В это время было вакантное место нач-ка «Монтажуправления», где я был глав, инженером. Я позвонил в Свердловск и порекомендовал его как великолепного организатора-администратора. Со мной согласились, но когда дело дошло до национальности, то прямо заявили — не пойдет. Но наши пути все же скрестились.

В Челябинске организовался трест «Южуралсантехмонтаж», куда Теуша обком партии направил зам. управляющим, а Злотоустовское управление вошло в этот трест. Мне всегда Леонид Давидович представляется таким, каким он был в день посещения мастерских колонии зам. Берия генерал-полковником Чернышевым. Идет Теуш рядом с ним со своей великолепной офицерской выправкой, со своим независимым видом, лицом истинного артиста, волевым, бросающимся сразу же всем в глаза и говорит мне: «Конаржевский, ну показывай все, что есть, будь хозяином». И я показывал.

Я сантехник

А сантехником я стал вот как: в 1945 году по поручению Теуша я подготовил договор с Челябинским м. у. треста «Промвентиляция». Ему надо было изготавливать отдельные фосонные части вентсистем и отопительные регистры из труб разных диаметров. С сантехникой я был знаком постольку, поскольку ее изучал по курсу ВУЗа довольно поверхностно, пришлось взять на вооружении некоторые учебники и справочники по сантехнике, восстановить кое-что в памяти, не хотелось быть дилетантом перед лицом, специалистов промвентиляции. С этого года мастерские стали выполнять заказы управления, приходилось довольно часто бывать у них.

Близилось мое освобождение и я решил написать письмо Борису Марковичу Шкундину о возможности моей работы в системе гидромеханизации Гулага. Время шло, а ответа не было. Н-к управления промвентиляции тем временем вел разговор с Теушом, чтобы он меня уговорил после освобождения идти работать к ним. Об этом он не раз говорил и со мной, но я согласия пока не давал. За несколько дней до освобождения Теуш заводит разговор о том, что за моей спиной 10 лет, что я контрреволюционер и несмотря на это, люди просят тебя идти работать к ним, знают кого берут, с кем будут иметь дело. Допустим тебя примут на работу где-то и кто-то, но найдутся там и такие, которые будут смотреть на тебя косо, а при случае и лягнут. Здесь же этого не будет. Они мне сказали, что уже согласовали твою кандидатуру в Свердловске в тресте «Уралсантехмонтаж» на начальника Миасского участка — на строительстве УралЗИСа. Не раздумывай, соглашайся. В Ленинграде тебе прописки все равно не дадут. Жизнь надо начинать, по существу, заново, тем более, что твоя Рая будет рядом с тобой. Взвесив все «за» и «против», я дал согласие.

Это было 22 ноября 1947 г., а 24-го я был уже в Миассе и принимал участок. Нач-к участка переводился в прорабы, а прораб — в ст. мастера, а мастер — в бригадиры. Я не думал, что буду причиной такого передвижения. Но почему-то никто из них на меня не обиделся, может быть потому, что все они были практиками и генподрядчик все время обращался в трест о необходимости усиления руководства участком. Январь вышел с хорошими показателями, я только начал входить во вкус.

Будучи в Челябинске, в конце декабря, зашел в ИТК к Теушу, он передал письмо из Москвы, адресованное лично мне. Это было письмо от Шкундина, в котором он сообщал, что был в

командировке и поэтому не мог ответить на мое письмо и, что я могу приехать в Москву для встречи с ним и тогда обговорить куда и кем я могу поехать на один из участков «Гидромеханизации», работа для вас всегда найдется. Этим заканчивалось письмо. Но оно опоздало. Повернуть назад было бы бессовестно. В феврале 1948 года Ч. М. У. «Промвентиляция» сливается с Челябинским сантехническим управлением и меня переводят в Златоуст принять дела от ликвидирующегося монтажного управления — переходящего в участок. Вызвал меня к себе из Миасса начальник Ч.М.У. треста «Уралсантехмонтаж» и, как оказалось, знавший меня еще по Магнитки. Главным инженером управления стал Петр Павлович Симонов, работавший до слияния гл. инженером Злотоуст. м. у.

Делать было нечего — соглашайся, не соглашайся, а принимай дела, т. к. в те годы мало считались с личным желанием. Надо и все! Так я вторично утвердился в сантехнике. Златоустовский участок стал вскоре лучшим в системе управления. Участок вел работы в самом Златоусте, в Чебаркуле, на титановообогатительном руднике, который напрямую находился в 12 км от Злотоуста, но добираться туда иногда приходилось 36–40 часов из-за бездорожья и с ночевкой в горах и лесах, в г. Аше, Сатке, Миньяре.

В 1949 г. меня назначают заместителем главного инженера Челябинского управления по работам треста «Златоустстальстроя» и «Южуралрудстроя». Хотя это было в противовес мнению некоторых товарищей из Главка, которые считали, что мои 10 лет дальше начальника участка не дадут двигаться. Выходило, что они ошибались.

В этом году мне опять пришлось встретиться с НКВД. Был арестован бухгалтер нашего участка, вернувшийся в 1946 году из Китая, где работал на КВЖД и получивший разрешение от нашего правительства вернуться на Родину. Местом жительства ему был определен Златоуст и на работу к себе его принимал я.

Однажды в конторе участка появился человек в штатском костюме, подошел ко мне и сразу на меня напал.

— Как вы держали рядом с собой контрреволюционера — шпиона китайской разведки? Вы должны были проявить свою бдительность, а этот случай ставит под сомнение ваши лояльные дела. Не забудьте, что вы отбывали наказание по политической статье. Имейте это ввиду.

От его посещения осталось нехорошее, тяжелое чувство. Неужели начинается опять недалекое, старое. Это была очередная встреча с НКВД.

Показатели участка росли с каждым годом. Еще в 1948 году я

как-то завел разговор с бригадиром Иосифом Хруменчуком, уроженцем Молдавии — Кишинева. Превосходным сантехником, получившим закалку в условиях безработицы еще мальчиком работая с отцом, поэтому умевшим работать быстро и, если надо, то классно — качественно, а разговор был о том, чтобы он взялся работать без всяких нарядов, а за определенный процент зарплаты, заложенной в смете объекта.

Я ему предложил:

— Поедешь с бригадой в Ашу — предварительно завезем туда всю необходимую заготовку, оборудование, которое ты сам проверишь здесь — его комплектность и качество. Стоимость этого объекта 20 тысяч рублей, фонд зарплаты наш 11,2 %, резервируем на заготовку, на другие расходы по содержанию участка, а 9 % — 1,8 тысяч рублей — остается для бригады. Выполнишь работы за 15 дней, они твои, за 10 — тоже твои, а потом мы с тобой будем думать как это оформить нарядом. Только ты должен обязательно привести процентовку и справку о сдаче объекта строителям с оценкой качества.

Он согласился. Первый такой эксперимент фактического подряда прошел сверх ожидания — работа была выполнена за 10 календарных дней. С этого пошло и пошло. Так стали работать и другие бригады. Управление в Челябинске было всегда уверено в участке. На одном из совещаний по случаю приезда в Челябинск начальника «Главсантехмонтажа» Марцинского Александра Фомича, последний попросил меня открыть секрет такой высокой производительности труда и низкой себестоимости, причем такой устойчивой. Я задал ему вопрос:

— А Вы не будете меня ругать?

— Нет, не буду, т. к. думал, что ваши дела не связаны с уголовными.

И я рассказал, какой метод оплаты труда и организации монтажа применял на участке. Все это, конечно, очень интересно и эффективно, такова была его оценка. Я попросил узаконить этот метод.

— Нет, это, к сожалению, я сделать не могу, могу только закрыть глаза на эти полезные нарушения.

В 1949 году впервые отправился в отпуск к своим — сестре, брату в Ленинград. В Москве решил зайти в Министерство к Райзеру Д. Я. — министру строительства тяжелой и химической промышленности, в которое входил Главк. Он принял меня сразу.

В Магнитке Д. Я Райзер был членом бюро ИТС, руководил строительством мартеновских цехов. Он знал о моей участи. Я шел с намерением его просить о моем переводе в «Гидромеханизацию». Он тут же позвонил начальнику Главка о

моем переводе. Вернувшись из отпуска, я договорился с нач-ком управления, что до января кончаю и сдаю все дела.

5 января я приехал из Златоуста с отчетом, а 6 января нач-к заходит в техотдел и говорит: «Читайте, и подает мне телеграмму». Ее текст гласил: «перевод Конаржевского в „Союзэкскавацию“ Райзер отменил. Остается работать в тресте „Уралсантехмонтаж“. Марцинский». Сорвалась опять моя гидромеханизация.

Будучи в Москве в 1951 г., я был опять у Райзера и спросил его, почему он изменил свое решение в отношении моего перевода? «Потому, что работники Главка убедительно просили этого не делать, считая, что ты уже давно оторвался от гидромеханизации и, что ты стал одним из толковых сантехников, а это доказано тем, что не за всякого начальника участка будет несколько раз вести разговор со мной нач-к Главка. А потом совсем не так давно я подписал два приказа о твоем премировании».

Вот так, окончательно я стал сантехником. Если не ошибаюсь, то в 1951 г. остро встал вопрос о форсировании листопрокатного цеха на Ашнском металлургическом заводе. На площадке строительства был создан штаб, во главе которого встал Михаил Фомич Надточий, заместитель министра. Было предложено и мне быть в Аше. Дело в том, что сантехники в то время вели все трубопроводные, в том числе и технологические работы, даже монтировали котлы высокого давления, все входило в их сферу (кроме наружного водопровода и канализации). В частности, на нагревательных печах листопрокатного стана приходилось монтировать все охладительные системы, паропровод, воздухопровод и мазутопровод, приходилось устанавливать по нивелиру квадратные трубы охлаждения пода печи, по грани которых подвигались болванки от начала и до конца печи, откуда они поступали на прокатные станы.

Строители не сумели подготовить здание под мазутонасосную, которая строилась под землей и не было надежды на скорую ее подготовку под монтаж. На одной из планерок Михаил Фомич обратился ко мне: «Анатолий Иванович, что же мы будем делать? Обстоятельства складываются так, что строители закончат фундаменты под оборудование и само здание хорошо, если за десять дней до срока пуска цеха. К вам претензий не может быть, но подумайте, что можно сделать, чтобы в считанные дни смонтировать эту мазутонасосную, а не сорвать правительственные сроки пуска цеха. Как найти выход из этого положения?»

Сели мы с Борисом Ериховым, молодым инженером,

прорабом этого участка, очень толкового, высказывавшего свои взгляды прямо без всякой дипломатии, даже вступавшего в спор с Михаилом Фомичом, не соглашаясь с установленными им сроками, если они были нереальны, что всех присутствующих поражало «Как так такой мальчишка, а возражает замминистру». Дело было в том, что я завел такое правило — мое присутствие на планерке не должно снимать ответственности лица, ведущего объект, и он является здесь хозяином.

Я с самого начала моего появления в Аше об этом на первой планерке и заявил, когда Михаил Фомич представил мне слово для информации о ходе наших работ: «Здесь прорабом и руководителем, Михаил Фомич, является Ерихов Борис, он и будет отвечать за все дела и за ход монтажа. Я здесь для того, чтобы, если надо ему помочь всем необходимым и в том, что он не может решить сам. К удивлению остальных субподрядчиков и строителей Михаил Фомич согласился со мной». Этим был поднят авторитет Бориса.

Вот мы засели за раздумывание, как выйти из положения. Собрали бригадиров, решили посоветоваться с ними и пришли к решению: смонтировать насосную вне насосной, где-нибудь в пустом месте цеха, а там кстати был такой угол, а затем разрезать ее на крупные узлы и уже в здании собрать и сварить, рассчитали, что на последнее потребуется порядка 5–6 дней. Это соображение высказали Михаилу Фомичу. «А ведь это здорово придумано, есть шанс на успех».

Мы произвели по чертежам разметку фундаментов под насосы, разметили стойки каркаса под стены, где можно было и нужно было крепить трубопроводы. Весь монтаж занял порядка двух недель. Строители закончили свои работы на насосной за 5 дней до пуска цеха. Дело было за нами, обстановка была исключительно острая. Все смотрели на нас, придем ли мы, сантехники, к финишу вовремя. Перерезали мы ее на большие узлы, затащили под землю в здание и начали сборку.

Смонтировали мазутонасосную за три дня. В Аше я жил в одной комнате с Михаилом Фомичом. Где-то меня просквозило и пришлось слечь. Михаил Фомич вызвал из Златоуста жену и до ее приезда сам ухаживал за мной: приносил еду, разогревал воду, принес откуда-то градусник и мерял температуру. Все это делал как самый простой человек, не выпячивал себя, как заместителя министра. Он знал о моем прошлом, но никогда за время нашего общения, даже не намекнул на него. Пользовался среди строителей искренним уважением.

Когда Надточий на несколько дней уехал в Москву, в Ашу приехал другой зам. министра Голдин Н. В. — совершенно

противоположная натура. Вызванный из Челябинска начальник нашего управления М. К. Шиповаленко, явился на планерку в своей обычной одежде, в костюме при галстуке, и тут на него набросился Голдин: «Вы что? Приехали сюда на бал или работать, разоделись!»

Всем присутствующим стало очень неприятно и стыдно за Голдина. Шиповаленко должен был выехать в Варшаву на строительство «Дворца Дружбы» и все подумали, что этот выпад против него зам. министра повредит его командировке. Этого не случилось. Михаил Константинович в Варшаву уехал. Вот она разница между людьми. Один привлекает к себе, другой — отталкивает, и не вызывает симпатии. С одним хочется откровенно поделиться своими мыслями, соображениями, с другим приходится обдумывать чуть ли не каждую фразу, чтобы быть правильно понятым. В связи с этим случаем невольно вспомнился Абрам Павлович Завенягин в своем отутюженном костюме, белом накрахмаленном воротничке, обязательном галстуке.

Магнитка! Магнитка! Дважды входившая в мою жизнь — один раз на взлете, второй — в унижении.

В начале 1949 года меня назначили зам. главного инженера Челябинского МУ треста «Уралсантехмонтаж» по работам трестов «Златоустстальстрой» и «Южуралрудстрой», подчинив Бакальский и Саткинский участки, а в 1951 г. главным инженером, вновь организованного Златоустовского монтажного управления треста «Уралсантехмонтаж». Не оправдался прогноз некоторых товарищей, говоривших, что с моим «грузом» дальше нач-ка участка не пройти.

Все мои обращения в Верховный Совет в эти три года остались без последствий, приходил всегда один и тот же стандартный ответ — «Оснований к пересмотру вашего дела нет». В 1951 г. решил попасть на прием к Швернику.

В приемной меня спросил: «По какому вопросу вы добиваетесь приема?» Когда я объяснил, то мне ответили: «По этим вопросам товарищ Шверник не принимает». Пошел в коллегию защитников и там был отказ. «Мы такими делами не занимаемся». А кто же занимается? Ответили коротко: «НКВД». Лучше всего напишите в Верховный Совет просьбу о снятии судимости.

С этим согласиться не мог, значит признать себя все же виновным. Выйдя из приемной, я сказал жене (она была со мной): «Знаешь Мишка, во мне начинает зарождаться какое-то настороженное чувство к Сталину. Опять аресты приехавших из Китая после войны с Японией, похожие на „кавежединские 1937

года“».

Совершенно непонятна антисемитская политика, несогласие взять начальником нашего управления Теуша, только потому, что он еврей. Мне стыдно и противно, когда главный инженер треста Фролов на мою настойчивую рекомендацию Леонида Давидовича дал понять, что это установка сверху и так же за это увольнение из органов НКВД. Все это вызывает сомнения, сомнения и сомнения. Я теперь становлюсь скептиком. Неужели Сталин — это лицо в маске? А история с еврейским театром, с врачами?

Там, за проволокой возникали такие мысли, но их немедленно отгонял, считая их кощунством, а сейчас не знаю, где истина и прячу свою голову в работу, как страус в кусты.

Через три года Главк направил меня в Камышин организовать новое управление УПР-500, остаться там главным инженером. В Камышине начиналось строительство крупного хлопчато-бумажного комбината и кранового завода с полным комплексом социально-бытовой сферы — жилого поселка на 30 тыс. жителей, школы, магазинов, бани, поликлиники, Дворца культуры и др. причем, намечались самые сжатые строки. Значительно расширялось военно-морское училище. Оно и крановый завод должны были пополнить мужскую часть населения для предотвращения текучести женской половины. Работа была интересной и даже слишком самостоятельной, т. к. трест находился аж в Куйбышеве. Уехал начальник управления.

«Волгосантехмонтаж» предложил мне принять руководство управлением. Я об этом даже не думал и сразу в голове мелькнуло «а мои десять лет, ведь они за спиной». Спросил главного: «А как же отреагирует на мою кандидатуру горком партии на беспартийную, да еще с таким недавним прошлым?» «Попытаемся! Мнение Главка и треста однозначно, вы — наиболее подходящая кандидатура. Предварительный разговор начальника Главка с горкомом был, будем надеяться».

Часа через два, вернувшись из горкома, он сказал всего три слова: «Поздравляю, горком согласен. О вас там хорошего мнения».

Разоблачение Сталина почему-то на меня не произвело большого впечатления, как будто я был к этому подготовлен заранее, но с плеч свалился громадный груз. Вот она та правда, которая, наконец, восторжествовала. Подумал, что мое письмо на имя Хрущева, посланное больше полгода тому назад, неверное, начнет действовать. Действительно, в декабре 1956 г. меня вызвали в Волгоградский обком партии, где в парткомиссии сообщили, что Воронежский облсуд пересмотрел дело и приговор тройки отменил из-за отсутствия состава преступления.

«Займемся вашими партийными делами». Выявилось совершенно невероятное: я не был исключен из кандидатов в члены партии. Документы найдены в архиве, где пролежали 19 лет с 1937 года. На бюро обкома решили считать меня автоматически выбывшим, принимая во внимание, что кандидатский стаж все равно не засчитывается и не имеет значения для партийного стажа. Отстаивать сохранение хотя бы одного года, как я понял, из настроений членов бюро, еще не успевших полностью отрешиться от сталинских времен, судя по реплике секретаря обкома: «И все-таки иностранное радио не следовало бы слушать».

Кроме того я знал, что по возвращению в Камышин буду принят в партию, так и было — через неделю я стал кандидатом, а в феврале 1958 г. — членом партии. УНР-500, в связи с организацией Совнархозов, перешел в трест «Кавсантехмонтаж».

В апреле Главк телеграммой вызвал меня в Москву, а из Ростова позвонил управляющий трестом Константин Захарович Глазунов и предупредил, чтобы я на перевод в Рустави не соглашался, куда мне будут предлагать перейти в связи со строительством там металлургического завода и организацией нового управления. Глазунов предложил настаивать на перевод в Краснодар, где намечается строительство одиннадцати сахарных заводов. Кубань должна стать сахарным краем.

В Москве начальник Главка Васильев на мой отказ от Рустави, заявил, что «не будет вести разговор с Камышинским горкомом о моем освобождении от УНР-500. Пускай, в конце концов, будет Краснодар, как этого хочет и Глазунов, но выбираться из Камышина вам придется самим, без моего участия».

Две недели я уговаривал секретаря горкома. Наконец, он заявил: «Хорошо, рассмотрим ваш вопрос на бюро». Члены бюро были против моего отпуска в Краснодар. Неожиданно выступил начальник КГБ: «Товарищи, его надо отпустить, неужели вы не понимаете, что ему, перенесшему в недавнем прошлом такую тяжелую моральную травму и теперь, когда представляется возможность получить хорошее питание, фрукты, виноград и тому подобные прелести неужели у вас отсутствует совесть?». Это выступление решило исход дела. Это тоже была встреча с НКВД.

На другой день я снялся с учета. Через два дня был уже в Ростове-на-Дону. Получив необходимую характеристику о Краснодарском управлении, вместе с К. З. Глазуновым отправились на автомашине в Краснодар. Не совсем приятно принимать управление при работающем начальнике, тем более согласившегося остаться работать начальником производственно-

технического отдела. Надо было проявить такт, чтобы не задевать самолюбия и не выпячивать имевшие место ошибки и недостатки в работе управления, приведшие к постановке вопроса о его освобождении от руководства управлением со стороны крайкома, горкома партии и строителей. Он оказался простым, душевным человеком, несколько слабохарактерным. Мы поняли друг друга и наши взаимоотношения были не только нормальными, но даже и дружественными.

Главный инженер, как оказалось, был по характеру ему подстать и не совсем ладил с новой техникой. В связи с этим и не клеились дела, а объем работ был большой, т. к. управлению приходилось работать с семью строительными трестами на объектах, расположенных в разных концах края — от Ейска до Туапсе, и от побережья Черного моря почти до Армавира. Беседа с секретарем горкома длилась около часа. Его несколько смутил мой возраст — 52 года. В крайкоме секретарь по строительству на это не обратил внимания. В общем, мое назначение получило добро.

Краснодар

Потребовалось две недели, чтобы познакомиться с объектами, установить слабые места и вместе с зам. начальника строительного управления Совнархоза проехать на важнейшие объекты, вызывавшие опасения в состоянии сантехработ. В это время в Краснодар приехал новый председатель Совнархоза Н. К. Байбаков, освобожденный Хрущевым от председательства в Госплане. Анализируя состояние управления, причин неудовлетворительной его работы, пришел к выводу, что одним из серьезнейших недостатков в руководстве работами были: во-первых, подмена инициативы и самостоятельности начальников участков, прорабов и мастеров решениями управления, не согласованными с этим звеном инженерно-технических работников и, во-вторых, неоправданными требованиями руководителей строительных управлений, которых насчитывалось 37 в отношении обязательного присутствия на планерках только начальника или главного инженера нашего управления, считая, что фигура прораба для них не авторитет. Это принижало достоинство последних и снижало ответственность. Проще быть за спиной начальства, ведь оно принимало решения.

Я решил во что бы ни стало изменить это положение. Пошел в горком, крайком и к Н. К. Байбакову с просьбой поддержать наше мнение, что представителями на планерках в Совнархозе будет начальник управления, в трестах — начальники участков, в управлениях — наши прорабы, а там где их нет — мастера. Руководители управлений участвуют в планерках стройуправления только в экстремальных случаях. При существующем же положении мне и главному инженеру некогда заниматься обеспечением и подготовкой производства работ, т. к. надо разъезжать по планеркам. С нашими доводами все согласились.

Мое знакомство с Николаем Константиновичем состоялось на почве этого вопроса. Он попросил меня проинформировать, как управление готовится к походу на сахарные заводы, каково обеспечение вентиляционным оборудованием рабочей силой. С моими доводами в отношении планерок согласился и обещал дать соответствующее указание строителям. Предложил, не стесняться с обращением к нему, если будут возникать трудности. Ваш трест далеко. Я здесь всегда могу что-либо для вас сделать, помочь. Был установлен следующий порядок: принимаемые решения на местах нашими работниками немедленно сообщались в управление по телефону и оно принимало все меры для

подкрепления этих обязательств. Этот принцип здорово помог изменить отношение руководителей среднего звена к своим обязанностям, они почувствовали свою значимость и ответственность. Строители смирились с такой системой, и начальники стройуправления начали менять свое начальственное отношение к нашим прорабам и мастерам, привыкать к тому, чтобы их считать вполне ответственными лицами.

Второй задачей, которую я поставил перед собой — это добиться изменения отношения строителей к подготовке объектов под монтаж сантехники, которая имеет большое влияние на успех монтажа сантехники, на производительность труда монтажников и себестоимость работ. Существующие положения СНИП не соблюдались, сантехники заходили на объект неподготовленными к монтажу, в результате — простой в ожидании пробивки отверстий в местах прохода трубопроводов или захламленность мест монтажа или неотштукатуренных поверхностей. Полагалось производить приемку объектов по актам о их готовности к монтажу, но это не делалось, сантехники не проявляли требовательности и принципиальности из боязни, что строители тоже встанут на позиции СНИПА и начнут придираться к ним, вернее, к их допускаемым грехам, а в результате страдало качество, налицо были вечные споры, одни говорили объект готов, можно начинать работать, другие утверждали — не готов, и работать нельзя. Такие споры возникали по строящейся гостинице «Мир». Пошел к секретарю горкома и настойчиво просил его вмешаться в этот спор и предложил провести эксперимент на этом объекте: мы приступаем к монтажу сразу, как будет подписан акт и наши работы тогда выполним за пять дней со сдачей систем строителям. Он мне сначала не поверил. «Не может быть, чтобы такой сложный объект смонтировать за пять дней».

«Вы просто недооцениваете способности управления». Все же его уговорил и попросил, чтобы арбитром между нами и строителями был на это время инструктор по строительству. Согласие получено. Как оказалось, для строителей потребовалось девять дней, чтобы мы подписали акт. Оказались не пробитыми два больших отверстия в фундаменте здания, пропущенные во время его бетонировки, предусмотренные проектом для пропуска магистральных трубопроводов.

На гостиницу были направлены две, из не самых лучших, бригады, объяснено значение их работы, от которой зависит сейчас авторитет управления, рассказана принятая технология монтажа. Люди отнеслись со всей ответственностью к поставленной задаче и уже на четвертый день работа была сдана

строителям с оценкой хорошо. Никто не хотел поверить в такие возможности сантехников, но факт остается фактом. На очередной планерке в горкоме секретарь прямо заявил: «Никаких претензий строителей к сантехникам приниматься не будет, если акт готовности под монтаж не будет подписан».

Отношение к сантехникам резко изменилось в лучшую сторону. Такую же работу пришлось провести и в Новороссийском горкоме партии, Туапсе, и в других райкомах, где строительством занималось строительное управление Совнархоза. Работать стало значительно легче.

При первых выборах в райком партии я был избран членом райкома, а затем депутатом в горсовет. Однажды меня вызвал в крайком секретарь по строительству. Первым его вопросом был: «Вы на машине?» «Да, на машине», «Отправьте ее в управление, пойдемте со мной в одно место, по дороге расскажу». Оказалось — едем в Геленджик. Задал загадочный вопрос: «Есть у Вас человеческая совесть и любовь к детям? Если есть, то вы слушайте что я расскажу». «Еще в 1907 один меценат в Геленджике на берегу Голубой бухты построил детский костный туберкулезный санаторий — пяти или шести двухэтажных домиков, разбросанных в разных местах большого сада. Эта бухта, оказалось, имеет особый микроклимат, вылечивающий костный туберкулез в течении нескольких лет. В этот санаторий поступают шести-семилетние дети на костылях и колясках. Лежа в постели, учатся по школьным программам и через три-четыре года выходят из санатория без костылей, совершенно здоровыми. В общем, приедете и сами увидите, а везу я вас с расчетом, когда все увидите своими глазами, то поймете, какая существует опасность — везде печное отопление и кровати стоят почти вплотную к печкам. Не дай бог пожар — детей не сумеют всех вынести и оставшиеся — сгорят. Если у вас есть совесть и вы человек, а не бюрократ, то срочно разработаете проект центрального отопления и его смонтируете в ударном порядке. У нас сегодня нет ни материальных ресурсов, ни денежных средств. Думаю, что управление с помощью треста сумеет их найти. Немного денег выделит и главный врач».

Действительно, все оказалось таким — страшная теснота, печки и деревянные дома. Отказаться было невозможно, совесть не позволяла и управление эту работу выполнило в течении двух месяцев. Бригада Валентина Кулькова работала исключительно слаженно, действительно по-ударному. Он сам, без мастера, решал все организационные и технические вопросы. Это был тот Кульков, который через несколько лет, начав работать по разработанным мною специальным графикам, говорил о них так:

«График дает возможность контролировать работу каждого члена бригады, открывает глаза на многие наши недостатки и заставляет принимать срочные меры к их ликвидации, график, по моему, является ни чем иным, как бригадным планом научной организации труда и производства».

Авторитет управления после Геленджика стал еще выше. В 1960 году сложилось катастрофическое положение со сдачей жилья из-за отсутствия двухдюймовых чугунных фасонных частей для канализации.

Н. К. Байбаков в разговоре со мной о создавшейся ситуации попросил, чтобы мы со своей стороны активно включились в поиск выхода из нее. И мне пришла неожиданно идея — если Госстрой допустил к использованию в канализации резиновые сифоны, то почему же нельзя заменить 50 мм чугунную канализацию, принимающую стоки воды от ванн, умывальников и раковин, на резиновую. Собрал наших товарищей для совета с ними и все в один голос поддержали эту идею. Надо отдать должное Николаю Константиновичу, его оперативности, взятию на себя ответственности в решении некоторых рискованных технических вопросов, умению всегда немедленно откликнуться и пойти навстречу рациональным творческим предложениям. Так было и с этим предложением. Буквально на другой день технический совет Совнархоза одобрил его и предложил филиалу НИИХИМ срочно провести испытания армавирской резины на старение. Меня попросили вылететь в Ленинград и проконсультироваться по этому вопросу на кафедре резины технологического института и в центральной лаборатории завода «Треугольник». Зав. кафедрой дал следующее заключение: «резина боится солнца, мороза, а в санузлах не бывает ни того, ни другого — будет служить долгие годы».

На «Красном треугольнике» мне привели пример: во время блокады широко развернулось огородничество и для кровли домиков была использована резина (отходы), так она стоит там до сих пор, несмотря на то, что испытала не только воздействие солнца и мороза, но и снега и дождя. Проведенные исследования НИИХИМ показали, что при выдержке резины в термостате с Т-90 градусов, она потеряла прочность на условном одиннадцатом году как резина на растяжение на 18 процентов. В течении десяти дней Армавирский завод экспериментальных машин изготовил необходимые пресс-формы для фасонных частей, а Армавирский завод подошвенной резины в такой же короткий срок направил прямо в наши мастерские целый фургон резиновой канализации. Была также предусмотрена потребность Новороссийска, Сочи и Армавира.

Жилье было сдано. Срок монтажа канализации был сокращен в три с половиной раза.

Спустя 12 лет, будучи в Краснодаре, я попросил, ради интереса, демонтировать один такой блок в одной из квартир и сам пошел с мастером, помня в каких домах была выполнена такая канализация. Мы натолкнулись на нежелание жильцов менять резину на чугун, ссылаясь на то, что резиновая канализация очень удобна — засорилась, не надо вызывать слесаря, воду пустил, несколько раз нажал и засор ликвидирован. В десятой или одиннадцатой квартире еле уговорили пенсионера, ради науки, пожертвовать свой блок. Оказалось, резина внутри покрылась биологической пленкой и была как новая. Почему это предложение не нашло себе широкого применения? Стоимость изготовления и монтажа одного санузла были дешевле на 1 р. 22 коп., чем чугунного.

Дело в том, что когда слушали на совете главка об этом опыте, то было вынесено решение: «просить Госстрой СССР разрешить применение резины в системе канализации» а посланный нами образец в Москву, остался где-то в шкафу и не попал в НИИ водоснабжения на заключение. Я замотался. Чугунная канализация опять стала нормально поступать, а когда спохватился и, будучи в Москве, поехал в НИИ узнать о результатах, то тов. Репин, руководитель института, показал только письмо Главка без образца, поэтому и не могли дать заключение, кроме того возник вопрос — стоит ли заниматься резиной, если сейчас появился полиэтилен, хороший заменитель чугуна. Так резина повисла в воздух, хотя стоимость такой канализации дешевле, чем полиэтиленовая. Может быть, кто-нибудь еще и вернется к этому вопросу.

Приходилось много времени уделять строительству сахарных заводов. Это была целая эпопея. Изготовление вентиляционных систем выполняли в Ростове, т. к. у нас не хватало для этого сил, нам надо было обеспечить еще и строящийся хлопчато-бумажный комбинат в самом Краснодаре, фарфоровый завод, завод-автомат по изготовлению цепей, телецентр, больницу, рубероидный завод, троллейбусное депо, мебельную фабрику и многие другие объекты. Насколько сложной была работа управления по разбросанности объектов и их количеству говорят следующие цифры: расстояние — до 300 км, а количество объектов, смонтированных управлением за пять лет составило 523. Лишь в одном — 1958 году — было смонтировано 39 котельных и в ноябре месяце запущено отопление в 55 объектах.

Специалисты-сантехники знают, что это такое! Какая это неприятная, напряженная работа, но ничего — справлялись.

Жалоб в трест на нас не было. Приходилось устраивать вахтовый метод монтажа. Бригада во главе с прорабом отправлялась в автобусе, в котором было сварочное оборудование на прицепе вся трубная заготовка и отправлялись в Туапсе или Ахтырск, или в Ейск. Объекты монтировали в течении нескольких дней. Возглавлял такие монтажи Карпис Арутюнович Семирджан, впоследствии ставший гл. инженером Сочинским м-у, а затем управляющим вновь организованного на базе нашего управления треста «Кубаньсантехмонтаж». Работа тогда осложнялась тем, что управление само обеспечивало поставку всех сантехматериалов, кроме оборудования связанного с промышленными объектами. Главный инженер управления Петр Андреевич перешел работать в проектный институт, его место занял у нас главный инженер Армавирского управления Иткин. Толковый, творчески мыслящий человек. По его инициативе решили создать передвижной оперативный участок подготовки монтажа с механизированными звеньями — установка кронштейнов под отопительные радиаторы с их разметкой, подвозка заготовок с их подъемом на этажи, разноской к месту их установки, установка санфаянса. Это дало большой выигрыш во времени и повысило производительность труда. Через год такие участки были организованы во всех управлениях треста, они продолжают действовать и сегодня. Краснодарский край того времени являлся противоположностью сегодняшним разговорам о том, что в те годы была однобокая направленность в развитии промышленности — на группу «А». В этом крае строились за пять лет моей там работы — больше всего объекты легкой, пищевой промышленности, соцкультбыта и жилье. Сахарные заводы сдавались в комплексе с жильем, детсадами, магазином, столовой, амбулаторией. В самом Краснодаре были построены ДСК, а затем цех объемного домостроения и первый выпущенный им двадцатиквартирный дом был смонтирован за 10 дней — начат 20 апреля, а 30 апреля он был заселен, 1 мая строители праздновали в новых квартирах, т. к. он был отдан им. Когда Байбакова назначили председателем Северо-Кавказского Совнархоза, то для обеспечения жилья сотрудникам из Краснодара в Ростов-на-Дону были перевезены все элементы 60 кв. дома и он был смонтирован за 14 дней. Возводился второй этаж, а в первом уже можно было купаться в ванной с горячей водой.

В Краснодаре были построены две гостиницы, кинотеатр, стадион, универмаг, типография, Дом культуры, комвольно-суконный комбинат, Дом культуры ЗИПа, телецентр, книжный магазин, сельхозтехникум, спец. поликлиника, аэропорт, хлопчато-бумажный комбинат, фарфоро-фаянсовый завод,

мебельная фабрика, школа № 12, три детские сада плюс жилье, троллейбусный парк, больница, рубероидный завод.

За три дня до нового, 1961, меня свалил с ног инфаркт. После двухмесячной болезни мне стало тяжеловато разъезжать, иногда по триста километров за день, но все терпел и работал.

Управляющий трестом И. З. Глазунов предложил перебраться в Ростов в трест главным технологом. Трест являлся крупной единицей в системе Главка — 48 млн. руб. объем работ с охватом всего Северного Кавказа, Азербайджана, Грузии, Краснодарского края, Ростовской области, Северной Осетии, Кабардино-Балкарии, Чечено-Ингушетии, Дагестана, Ставропольский край с 18 монтажными управлениями.

В 1963 году я переехал в Ростов, хотя было очень жалко расставаться с Краснодаром, с людьми. В этом году я допустил серьезную ошибку, взяв ставку на расширение заготовительных мастерских, что отвлекло людей с основных работ и привело к повышению себестоимости и снижения прибыли. Мои расчеты не оправдались.

Ростов-на-Дону

В Ростове я мог уделить больше времени для творческой работы. Вот там именно и зародился эталон монтажа сантехсистем в жилищном строении, который начал внедрять на ростовских объектах, и внедрять участки подготовки монтажа, используя опыт Краснодара. Но взаимоотношения с главным инженером треста у меня никак не могли сложиться, не клеилось, т. к. он проявлял, с моей точки зрения, недопустимую ревность ко всякого рода новшествам, если они исходили не от него или, если он не становился соучастником такого новшества.

Через два года я с нетерпением стал ждать своего ухода на пенсию, когда я смог бы беспрепятственно и независимо довести назревшие в моем уме локальные почасовые сетевые графики, которые по моим расчетам должны были бы поднять производительность труда минимум в 1,5–2 раза. Кроме того, меня перестали устраивать командировки на прорывные работы, то в Нальчик, то в Сумгаит или Тбилиси, сталкиваться с высокопоставленными работниками, заинтересованными только в местных делах и недальновидно рассуждающими. Так пришлось встретиться в Нальчике со вторым секретарем обкома Кабардино-Балкарии, где образовалось большое отставание сантехнических работ в жилищном строительстве, особенно в Тернаузе.

Обком потребовал от треста принять срочные меры к ликвидации создавшегося положения, звонил министру и последний предложил тресту в самые сжатые сроки ликвидировать сложившуюся ситуацию. В Нальчик поехал я. Ознакомившись с обстановкой, оказавшейся весьма критической — ряд домов не могли быть сданы из-за неготовности сантехники, в одних нет отопления, в других — газа, а в Тернаузе в 4 домах нет газа. Посмотрел на расстановку людей — везде работают по 3–4 человека, вместо того, чтобы создать хороший кулак и в скоростном порядке провести монтаж. Кроме того, выяснилось, что на драматическом театре, (подарок России), несдаточном в этом году, работает целая бригада из 12 человек и два сварщика. На мой вопрос начальнику управления, как это так может быть? Надо завтра же ее перебросить на окончание жилья. «Не могу это сделать, за этим объектом следит сам секретарь обкома, каждый день инструктор проверяет сколько там людей работает».

Однажды я попробовал это сделать, так мне дали такой нагоняй с обещанием вопрос о моем поведении обсудить в обкоме. На приеме у секретаря я ему рассказал, что со мной

приехала бригада газовиков и три сварщика, но слесарей-сантехников сейчас не хватает и каждый человек дорог, надо снять с драмтеатра. В ответ я услышал от него:

— Пока я здесь, этого не допущу. Подарок России мы должны закончить досрочно.

Как я ему не доказывал, что сегодня важнее не сорвать жилье, что буквально через две недели можно будет компенсировать вдвойне время отсутствия бригады на театре, все было бесполезно. На другой день решился все же снять бригаду с театра. Начальник управления завопил, что меня исключат из партии.

— Хорошо, — сказал я, — ты сейчас уезжаешь в Прохладную, тебя здесь нет и сделаю это без тебя.

Рано утром машина перебросила бригаду на один из домов, договорился с ней, что не уйдут из дома, пока не кончат.

На следующий день в мастерской появляется инструктор обкома.

— Где начальник?

— Его нет, он еще вчера уехал в Прохладную.

— Кто распорядился снять бригаду с театра?

Я как раз был в мастерских.

— Я перебросил.

— Но вы понимаете, что лезете на рожон, как только он узнает, будет скандал.

— А вы понимаете, что значит сорвать жилье? — ответил я.

— Я-то понимаю, а вот он — не хочет понимать.

Я:

— А вы не говорите ему об этом, несколько дней и в это время бригада сумеет закончить еще один дом.

— Попробую, но если он вспомнит, то я вынужден буду ему сказать, что сегодня бригады там нет.

Прошло четыре дня. Бригада уже работала на следующем доме, где оказалось не закончена магистраль отопления и горячего водоснабжения, а внутренность дома смонтирована. Разразился скандал. Меня находит инструктор и на машине доставляет в обком. Секретарь набросился на меня с такими словами:

— Вы, товарищ, зарвались, игнорируете решение обкома, я сегодня же позвоню в отношении вашего поведения министру Фуату Борисовичу Якубовскому. Это произвол. Немедленно верните бригаду.

— Я верну ее через пять дней, а пропущенное — компенсируем.

— Нет, сегодня же.

На этом мы расстались. Еще два дня тому назад, я позвонил в Ростов Глазунову и сказал о принятом мною решение, и о том, что секретарь собирается звонить Якубовскому.

— Позвоните ему вы, предупредите о возможном звонке из обкома.

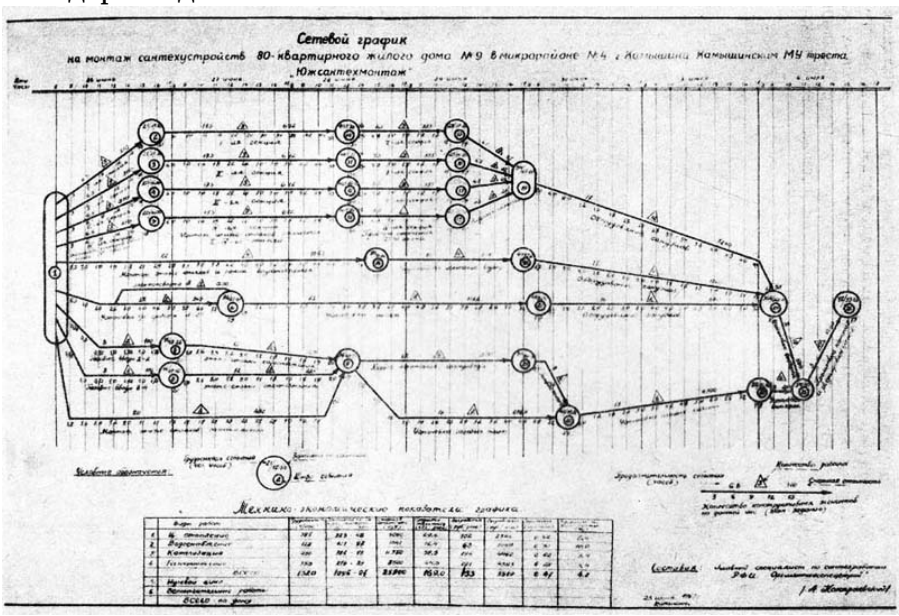
Глазунов позвонил Якубовскому и Фуат Борисович согласился с моим, совершенно правильным решением. Дома были сданы, но наши люди работали по 16 часов, а вместе с ними — и я. Когда обстановка выяснилась, что дома не будут сорваны и к 1 января можно будет их сдать, я выехал в Тернауз, а он находится на высоте более 2000 метров над уровнем моря и мне пришлось через два дня бросить все и прямо бежать на первый попавшийся автобус, сердце не выдерживало этой высоты. Стоило автобусу спуститься в долину — и оно перестало болеть. Вообще потом уже врачи сказали, что так рисковать нельзя.

В дальнейшем развивал сетевые графики и участки подготовки монтажа. Кроме того, на заводе монтажных заготовок, перенес изготовление типовых трубных заготовок с конвейера на поточную линию с передвижными тележками.

В мае 1966 года вышел на пенсию и сразу стал работать главным специалистом на общественных началах Ростовского филиала, института «Оргмонтажспецстрой». Здесь я получил полную свободу действий. Выезжал проводить семинары по сетевым графикам с показом монтажа в Волгограде, Баку, Сумгаите, Кишиневе, Рязани, Москву, Краснодаре, Бендеры, Камышине. Выступил с докладами на ВДНХ СССР, Новосибирске, Уфе, Челябинске, Саратове, Куйбышеве, Москве. Везде встречали выступления с интересом.

В г. Камышине в июне 1967 года был проведен с участием представителей трестов Южсантехмонтаж, Центросантехмонтаж, Киргизсантехмонтаж, Приморсантехмонтаж, Таджиксантехмонтаж, Дальсантехмонтаж, Гуркменсантехмонтаж, Башсантехмонтаж, Южуралсантехмонтаж, Молдсантехмонтаж и трех институтов, семинар на тему: «Разработка и применение почасовых фокальных сетевых графиков — по монтажу сантехсистем в жилищном строительстве, с практическим показом монтажа на 80-ти квартирном доме серии 1–464-А». (см. стр. 152).

График предусматривал монтаж дома осуществить за 7 календарных дней.


Сетевой график
на монтаж сантехустройств 80-квартирного жилого дома №9 в микрорайоне №4 г. Камышина Камышинским МУ треста
„Южсантехмонтаж"

Фактически вся сантехника с системой газоснабжения была смонтирована за 5 дней с оценкой «хорошо», Система газоснабжение принята Горгазом.

Контроль за ходом монтажа осуществляли участники семинара.

Второй день монтажа. Бригада и участники семинара обсуждают ход монтажа.

Итоговые показатели:

Объем работ — 25 500 руб. По нормативам надо было затратить 350 человеко-дней. По графику — 212, фактически 152 или производительность труда составила 230 %. Участок за 5 дней выполнил 52 % месячного плана. Зарплата повысилась на 162 %. В месячном исчислении выработка выразилась в 3555 руб. на человека с учетом всех вспомогательных работ. Удельный вес зарплаты составил 6,3 % при плановом — 9 %. Общая экономия по дому составила 1820 рублей при нерациональных фактических затратах 283 рубля (переделки заготовок).

В 1969 году начал заниматься разработкой и внедрением проектов научной организации труда, производства и управления, в санитарной технике. Ростовский филиал института стал головным по сантехнике. Стоимость такого проекта была 21–22 тыс. руб. Работала со мной группа в количестве 8–9 человек, в договорах не было недостатка.

Графики были отмечены медалями ВДНХ СССР. Они издавались и Министерством, и Мосстроем и в журналах. В 1967 году на совещании сантехников в г. Новосибирске ко мне, после моего выступления подошел управляющий трестом

«Молдсантехмонтаж» тов. Дубровский и завел разговор о возможности моего приезда в Кишинев для проведения монтажа по сетевому графику. Руководство института дало согласие и я впервые приехал в Кишинев, провел семинар и организовал монтаж 60-квартирного дома в Бендерах, который был осуществлен в течении 6 часов.

В 1968 году трест заключил договор с институтом о разработке проекта НОТ, управления и производства для первого Кишиневского монтажного управления стоимостью 21 тыс. руб., работа была рассчитана с внедрением проекта в жизнь на полтора года. Каждый квартал я приезжал в Кишинев проверять ход разработки, осуществлявшейся моей группой, т. к. я одновременно вел разработку такого проекта в Рязани с другой группой.

Через год, т. е. в 1970 году, первое Кишиневское управление, бывшее убыточным, не выполняющим план и производительность труда, вышло из прорыва и год закончился с прибылью и ростом производительности труда на 32 процента, т. е. показатели были отличными. На техническом совете Министерства мероприятие было одобрено и рекомендовано для применения во всех организациях Главка. Я стал задумываться над вопросом большой стоимости проекта.

В 1971 году Главсантехмонтаж организовал свой спецтрест «Союзоргсантехмонтаж» и мне предложили перейти в этот трест для работы начальником Кишиневского отдела научной организации труда производства и управления и внедрения передовой техники, считая, что с организацией этого треста сантехника отойдет из института. Управляющим трестом «Оргсантехмонтажа» был назначен Анатолий Анатольевич Шаров — главный инженер треста «Южсантехмонтаж», с которым я имел дело по монтажу в Камышине, где 80-квартирный дом был смонтирован за 5 дней и в Волгограде дом 60-квартирный — за 4 дня. Он меня долго уговаривал о переходе к нему. В 1971 году я переехал в Кишинев и начал организовывать отдел. Так началась моя постоянная работа и жизнь в Молдове.

Кишинев — Молдова

Идея снижения стоимости комплексного проекта НОТ, производства и управления теперь могла быть осуществлена. В связи с навалившейся на меня большой нагрузкой, связанной с организацией отдела и взятым курсом на внедрение электронно-вычислительной техники в сантехнические монтажные организации и в первую очередь в тресте «Молдсантехмонтаж», где управляющий С. Дубровский и главный инженер О. М. Семенов проявляли большой интерес к этой работе, пришлось заниматься проектом главным образом по вечерам и в выходные дни. Методические указания и рекомендации для разработки типовых мероприятий комплексных проектов НОТ, производства и управления в монтажных управлениях Главсантехмонтажа были закончены лишь в 1973 году и изданы одной из московских типографий. Это солидный труд с множеством схем и таблиц и расчетами экономического эффекта рекомендуемых мероприятий. Стоимость разработки такого проекта снизилась с 21 т. р. до 10 т. р. Таких проектов разработано и внедрено не один десяток. Вот что писал о них начальник управления спецработ Укроргсельстроя Н. А. Рубан: «…Ценность сборника состоит также в том, что он включает весь комплекс вопросов, связанных с НОТ, подобного комплексного труда нам встречать не приходилось. Он даст несомненный значительный эффект в работе специализированных организаций». А вот выдержка из рецензии зам. начальника Ленинградского высшего военно-инженерно-строительного командного училища, доктора технических наук, профессора Стефанова и инженера училища А. А. Лысака: «…отличительной особенностью данной работы является то, что в ней, наряду с указаниями и рекомендациями приводятся конкретные примеры решения вопросов, часто встречающихся в практике работы монтажных организаций и их влияние на экономическую эффективность монтажного производства, ценность этой работы заключается в возможности использования ее организациями, работающими в разных условиях, как в Минстрое, так и других министерствах… в целом работа является своевременным пособием для инженерно-технических работников монтажных организаций». В 1974 году отдел был реорганизован в Кишиневский кустовой вычислительный центр. Хорошими помощниками по организации вычислительного участка и загрузки полученной ЭВМ СМ-14 были П. М. Сандлерский. Г. М. Соболь, Грузман М. Полностью в этом году была закончена

разработка, начатая отделом АСУ — «Бухгалтерский учет». Эта система считается одной из лучших систем. Она проверена в течение 6 лет в 22 городах Союза и в 52 организациях, отмечена медалью ВДНХ СССР. Система обеспечила значительное повышение качества учета, снизила нагрузки на линейный персонал и работников учета. Организации освободились от ведения журналов-ордеров и главной книги. Для них на основании переданных на ЭВМ закодированных первичных документов выдается полностью законченный баланс, материальные отчеты с пообъектным учетом, анализ по статьям затрат и использование материальных ресурсов. Вся эта работа заканчивалась уже под руководством Альберта Фаридовича Касиева, сменившего меня в 1975 году в связи с окончательным моим уходом на пенсию — энергичным, эрудированным, болеющим за новую технику, высоко квалифицированным работником.

Выйдя на пенсию, я полностью с головой ушел в партийную работу, будучи еще с 1972 года сначала председателем строительной секции Фрунзенского РК КПМ, а с 1975 года заместителем председателя Совета социально-экономического и научно-технического развития, где тружусь и до сих пор.

В свое время Совет был весьма работоспособной, общественно-партийной организацией. В его активе работало 130–150 коммунистов и беспартийных, среди них 11 докторов наук, 33 кандидата наук и 9 доцентов, при активном участии которых решались большие задачи.

Так, силами Совета разработана первая в республике «Комплексная система обеспечения эффективности и качества работ в промышленности, строительстве, торговле Фрунзенского района г. Кишинева, зарегистрированная в Молдавском республиканском управлении Госстандарта СССР за № 1».

Разработаны положения о Совете и его секциях. Район в этом направлении шел впереди. Приезжали за советами, изучали материалы и практическую работу Совета, не только работники из районов республики, но и из других регионов страны (Липецк, Рига, Архангельск, Днепропетровск и др.). Я получал большое душевное удовлетворение когда заходил в кабинет научно-технической пропаганды и заставал там членов секций — солидных специалистов и ученых, оживленно обсуждавших конкретные вопросы, связанные с разработкой пятилетних планов социально-экономического развития района и других актуальных тем. Это они доктора наук Литвинов Е. А., Шишкан И. М., Киркэ С. И., Хрищев Е. И., Присакарь И. Ф., Белоусов В. Д., Богачев Л. П., Стоматин С. И., Бреднева Е. Ф., Рудь П. Г., доценты

и кандидаты наук Буров Э. А., Норок Д. И., Яким В. С., Кушнир А. С., Кощуг Р. К., Пунга В. К., Кушнирев А. Г., Круду П. Г., Чалая Т. П., Садовникова Л. Б., Гапонов Л. И., Миронов А. М. Высококвалифицированные специалисты Тампиза К. А., Дебнер Л. П., Тертяк Н. И., Фаерман С. Я., Кириленко Л. В., Злотин Б. Л. и работники райкома Бодю П. П., Слободяну А. С., Чепразова И. Б., Боб Т. П., Щербан Л. П. способствовали своей активной работой улучшать технико-экономические и социальные показатели района.

Хочу особо подчеркнуть, что Совет всегда контактировал и не был обособлен от районного Совета народных депутатов и его исполкома.

Большой импульс развитию бригадной формы организации труда и хозрасчету был дан научно-практической конференцией, проведенной по этой теме и выступлением на ней работников тракторного завода специально группой, выезжавшей в Калугу и своими глазами посмотревшими достижения калужан зачинщиков этого дела.

Советом выпускались красочные оригинальные плакаты, доступно и остроумно показывавшие пути и методы перехода к новым формам организации производства и управления. Некоторые плакаты пользовались успехом даже в таких крупных Ленинградских объединениях как «Звезда».

Разработанная секцией НОТ (председатель П. В. Кириленко) методика аттестации рабочих мест для тракторного завода была признана Минсельхозтракторомашиностроением и комитетом по труду СССР одной из лучших и полностью принята на вооружение.

Громадная, но интересная работа была проведена советом с непосредственным участием секретарей райкома Н. И. Дудэу, Ф. С. Петигина, В. А. Селезнева, в которой много хлопот досталось Кириленко Л. В., Боб Т. П. и Чепразовой И. Б., через которых прошло около двух тысяч претендентов на обучение в школе, подготовки резерва руководящих кадров. Надо было проводить тестирование, анкетирование, устные беседы с каждым для того, чтобы в школу попали работники во всех отношениях отвечающие условиям обучения в ней.

Занятия в ней проводились один раз в неделю полный день по специальной программе, рассчитанной на год теории и год практики со стажировкой на передовых предприятиях страны. Вся проведенная подготовительная работа, в частности, по первому набору показала весьма низкий уровень знаний претендентов в области научного управления и организации производства. Так из 760 человек было только 22 отвечавших условиям приема. Школа

выпустила немало толковых руководителей на уровне директоров, главных специалистов и начальников отделов.

Еще до развития в стране кооперативного движения по инициативе совета и его секции научно-технического прогресса (руководитель Буров Э. А.) в Кишиневе был создан при Фрунзенском райисполкоме первый в республике и в Союзе кооперативный научно-технический центр «Прогресс». Вслед за ним на базе его документации организовались два таких же кооператива «Стимул» при республиканском Совете НТО и «Визир» при республиканском Совете ВОИР.

В Кишинев приезжали с разных концов Советского Союза представители других регионов, чтобы узнать как это нам удалось пробить все существующие тогда по этому вопросу бюрократические препоны и позаимствовать документацию.

Не ошибся Н. И. Рыжков, когда в одном из своих выступлений, говоря о кооперации отметил, что молдавские научно-технические кооперативы подают большие надежды. Сейчас объем их разработок достиг 25 млн. рублей, а штатных работников всего 80 человек, при чем все задачи решаются в несколько раз быстрее, качественнее и дешевле, чем многими госинститутами и лабораториями со штатом в десятки раз большим. Вот где заложены истинные резервы.

Очень большую поддержку этой идее оказали Н. И. Дудэу, в то время первый секретарь райкома, Л. А. Лащенова в то время председатель райисполкома, Т. И. Гуцу в то время заведующий промышленным отделом ЦК КП Молдовы и когда дело дошло до Совета Министров республики, Совет сказал «быть по сему».

Здорово помогла также статья в «Известиях» корреспондента Кондратова, посвященная нашему «Прогрессу».

В конце каждой пятилетки проводились социологические исследования (руководил Кириленко Л. В.) с охватом 5000 жителей района по одним и тем же адресам под названием «Анкета жителя поселения». В них участвовали школьники 10 классов, что давало возможность полученные данные использовать при составлении следующего пятилетнего плана района. На основе последнего исследования составлена социальная карта района, дающая конкретное представление, что сколько и в каком микрорайоне имеет место несоответствие фактического положения социально-бытового обслуживания — нормативам.

Совет организовал поездки групп главных инженеров и директоров предприятий в Ленинград, Киев для ознакомления с работой передовых предприятий, что давало значительный толчок к размышлениям, к сравнению увиденного со своей

собственной работой.

В 1989 году по инициативе Совета и его сценарию с участием работника исполкома М. М. Чуша был заснят документальный цветной фильм прекрасным кинооператором Соболем Ефимом, делавшим его на общественных началах на тему «Экология и Мы», который демонстрировался на сессии райсовета народных депутатов, вызвавший большой отклик в районе и способствовавший значительному улучшению состояния окружающей среды, что было подтверждено и во втором таком фильме, заснятом в 1990 году, по тем же местам. Обе части фильма в 1990 г. получили третью премию на республиканском конкурсе документальных любительских кинофильмов. Затраты на создание фильма взяли на себя НТЦ «Прогресс», председатель Просянник В. и «Теза», председатель Айзекович Р. Б.

Работа велась большая, нужная и с пользой, без принуждения и понукания. Работать было интересно, она захватывала и увлекала. Большое значение имело повседневное внимание секретарей райкома, они находили время принимать участие в работе секций, бывать на их заседаниях, что повышало авторитет секций, ответственность ее членов в подготовке вопросов. Я всегда находил с их стороны поддержку и заботу. Искренне, от всей души благодарен П. И. Шапе, Г. И. Кушниру, Н. И. Дудэу, К. А. Тампизе, В. И. Мырзаку (первые секретари райкома партии), Е. И. Сергеевой, В. И. Кеяну, А. И. Радевичу, Ф. С. Петигину, В. А. Селезневу (вторые секретари райкома партии), Одобеску Р. Г. и Петрашко С. И. (секретари по идеологии).

На базе Совета и кабинета научно-технической пропаганды не один раз ЦК КП Молдовы проводило республиканские семинары. Можно было бы много писать о работе совета, его методах и формах, которые и сегодня заслуживают внимания и применения. Зря, неоправданно нынешний районный Совет народных депутатов не использует этот хороший опыт.

К сожалению, сейчас работа нашего Совета в связи с неопределенностью обстановки, намечаемых реорганизацией административных структур и решениями о невмешательстве в хозяйственные дела сходит на нет, а созданная вместо него комиссия социально-экономического развития райкома не нашла еще для себя место в общей партийной работе и пока действует скачкообразно. Очень мешает весьма негативная общественно-политическая обстановка в районе и городе, наличие элементов противостояния советов — партии, бездумное, неоправданное ничем, гонение на коммунистов, стремление лишить их руководящих постов, безнаказанные публичные оскорбления и даже избиения, все это отрицательно сказывается на общем

настроении людей, давно требующих наведения необходимого порядка и спокойствия.

Необязательность выполнения постановлений Верховного Совета СССР и Указов Президента Союза, вносят неопределенность, неуверенность у значительной части граждан в возможность при такой постановке вопроса наведения порядка в стране, стабильности жизненных общечеловеческих правил.

Сегодня преобладает принадлежность к национальности, а не права человека, как это требуют все Конституции и ООН. Каждый гражданин, где бы он не проживал и работал, всегда должен чувствовать себя как дома. Этого пока к сожалению для национального меньшинства нет, а Законы о гражданстве внесут еще больше сумятицы в сознании людей. С их принятием не исключено великое переселение народов.

XXVIII съезд КПСС принес чувство обновленности. Я получил новый всплеск энергии, и говорил всем и вся, что наше общество вернулось к подлинным Ленинским заветам, и никак не ожидал, что к концу своего жизненного пути окажусь «оккупантом», «агентом Кремля», что меня следует «уничтожить», что Великая Октябрьская социалистическая революция на 73 году превратится в предмет обсуждения в официальных правящих кругах — праздновать ее годовщину или нет, что так безнаказанно будут оскорблять память Величайшего в мире Человека — В. И. Ленина — основателя нашего Советского государства, уничтожать его памятники, кричать и писать, что именно он своей революцией закабалил народы.

Все прошлое стало только плохим. Забыто, что именно оно спасло нас от действительного порабощения фашизмом. Не будь Урало-Кузбасса, развитой индустрии в Сибири и Дальнем Востоке и такого народа, бесстрашно защищавшего нашу Родину, наверняка мир пережил бы страшные, непредсказуемые времена, т. к. затяжка войны дала бы Гитлеру в руки атомную бомбу.

При Советской власти Молдова превратилась из аграрной в промышленно-аграрную, культурно-развитую Советскую социалистическую республику, со своей Академией Наук, высшими учебными заведениями, где обучается 5,4 тыс. студентов. Каждая 6-ая колхозная семья имеет свою собственную автомашину или мотоцикл, а посмотрите сколько за последнее время в сельской местности появилось хороших асфальтированных дорог, добротных, красивых домов, а разве сам Кишинев не стал одним из красивейших городов страны.

Все это делалось под руководством коммунистической партии, партии, беспощадно вскрывшей ошибки прошлого, извращение ленинских идей о социализме, о ненасильственных к

нему путях. Так зачем же теперь повторять эти ошибки в еще худшем издании тоталитаризма, в изгнании партийных организаций с предприятий, запрещении членства в партии для руководящих работников, необдуманном форсировании нужного Закона о языке, непринятие мер к неисполнению принятых законов. К антисоветской агитации, пропаганде, направленной на разжигание межнациональной вражды.

Когда размышляешь над всем этим хаосом и моральным развалом хочется во всеуслышание крикнуть: «Люди!» Что Вы делаете? Опомнитесь! Где Ваша совесть?! И несмотря ни на что, я все-таки верю, что человеческий разум победит! Платформа КПСС восторжествует! Ленинизм будет жить и действовать, двигать нашу Родину к социализму гуманному, о котором мечтает все человечество.

Вот, кто остался навсегда в моей памяти, и которыми я восхищался и восхищаюсь, это те кто воздействовал на мои убеждения и взгляды, на работу и жизнь, помогавшие с меньшей болью в душе переносить кличку «Зека», а после освобождения до реабилитации клеймо преступника. Это они:

Серов Илья Андреевич — председатель групкома № 7 Союза строителей, член партии с 1917 года (Ленинград)

Киров Сергей Миронович

Бадаев — б. депутат Государственной думы от партии большевиков

Нужин — зав. культотдела Ленинградского обкома Союза строителей

Семенов С. А. (писатель), член партии с 1918 года

Семенов Н. А. работник Ленинградского НКВД

Анвельд М. А. — член партии с 1907 года заведующая отд. нац. меньшинств. Ленинградского ОБЛОНО

Глебов-Авилов — председатель Ленинградского профсовета

Павлов И. К. — секретарь п/о Востокосантехстроя на Магнитке

Павлова Антонина — его жена

Валериус К. Д. — зам. начальника строительства Магнитки

Ильдрым Чингиз — зам. начальника строительства Магнитки

Гугель Я. С. — начальник строительства Магнитки

Ломинадзе В. В. — секретарь парторганизации

Магнитки

Завенягин А. П. — директор и начальник строительства Магнитки

Сапрыкин В. А. — главный инженер Магнитки

Анкудинов К. — в то время начальник техуправления треста Магнитострой

Фастовский — участник трипольской трагедии пред. Горомбита Магнитки

Глейзер Д. — работник Магнитогорского горкома партии

Райзер Д. Я. — в то время начальник строительства мартеновских цехов, впоследствии министр

Орджоникидзе Г. К — нарком тяжелой промышленности

Болдырев — начальник СПО Магнитогорского НКВД

Лебедев В. П. — начальник механизации строительства соцгорода

Баум В. А. — начальник строительства вспомогательных цехов Магнитки

Вайсман Т. С. — начальник Воронежского участка гидромеханизации треста Союзэксковация

Медведев И. И. — начальник смены Воронежского участка гидромеханизации треста Союзэксковация

Манучаров Г. И. — Гл. механик Воронежского участка гидромеханизации треста Союзэксковация

Шкундин Б. М. — начальник гидромеханизации ГУЛага СССР

Караванов — начальник гидромеханизации строительства Куйбышевского гидроузла

Мичкин — главный инженер

Тор — начальник III отделения Южжелдорстрой НКВД на ДВК

Сегал — главный инженер III отделения Южжелдорстрой НКВД на ДВК

Сегал — его жена

— начальник колонны на Приисковой (фамилии не помню, 1948 год, январь)

Степанов — стрелок охраны правобережного участка Магнитогорской ИТК

— начальник правобережного участка (фамилии не помню)

Теуш Л. Д. — начальник Магнитогорской ИТК

Мельников А. Л. — начальник ППЧ Магнитогорской ИТК

Бородкин — начальник Безыменского отделения Самарлага

Зильберман — гл. инженер строительства Безымянской ТЭЦ

Нашивочников — начальник мастерских ИТК-3 Челябинск

Богданов К. А. — начальник ППЧ ИТК-4 Челябинск

Козлов — начальник режима ИТК-3 Челябинск

Раппопорт — сестра известного строителя

Червоткин — первый директор Магнитогорского цирка

Черняков — начальник Челябинского УИТЛК

Богданов А. Н. — начальник ППО Челябинского УИТЛК

Шаповаленко М. — начальник Челябинского МУ треста Уралсантехмонтаж

Симонов П. П. — главный инженер — впоследствии управляющий трестом Южуралсантехмонтаж

Седов М. Г. — начальник ПТО треста Златоустстальстрой, впоследствии доцент Горьковского инженерно-строительного института

Перцев — директор Златоустовского металлургического завода

Ляховицкий — начальник Златоустовского МУ треста Уралсантехмонтаж

Ерихов Борис — начальник Челябинского МУ треста «Южуралсантехмонтаж»

Ключников — управляющий треста Уралсантехмонтаж

Марцинский А. Ф. — начальник Главсантехмонтажа 1948–49 гг.

Волнянский А. К. — начальник Главсантехмонтажа 1950 годы

Васильев С. Н. — начальник Главсантехмонтажа 1956–60 гг.

Харланов С. А. — гл. технолог Главпромвентиляция

Этус А. Е. — начальник техотдела Главсантехмонтажа

Осипович В. П. — ст. инженер техотдела Главсантехмонтажа

Якубовский Ф. Б. — министр Минмонтажспецстроя

Надточий М. Ф. — министр Минмонтажспецстроя

Ходкевич С. Г. — гл. инженер Главсантехмонтажа

Стешенко — гл. инженер Главсантехмонтажа

Пушкан В. П. — гл. инженер Главсантехмонтажа

Бейзерман — управляющий треста Златоустстальстрой

Белоусов — директор Ростовского-на-Дону филиала института Оргмонтажспецстрой Минмонтажспецстроя

Костелов — зам. начальника стройуправления Краснодарского Совнархоза

Байбаков Н. К. — председатель Краснодарского Совнархоза. б. председатель Госплана СССР

СПАСИБО ВАМ!!!